

А. В. Амфитеатровъ.

(Old Gentleman).

U $\frac{8}{1245}$

— II —

$24\frac{2}{48}$

Недавніе Люди.

СЪ 6 ПОРТРЕТАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

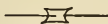
Типографія „Т-ва Худож. Печ.“, Английскій, 28.

1901.

411245

А. В. Амслевъ.

(Old Gentleman).

Недавние Люди.

Евгений Стамбуловъ.—Соборское житье-бытье.—О Чернышевъ —
Памяти Полонскаго.—Памятникъ Царю-Освободителю.—
Захарьинъ.—Московский городской голова Алексеевъ,
Таинственная корреспонденция.

СЪ 6 ПОРТРЕТАМИ.

С. Н. Стамбулова.—Кн. Фердинанда Болгарскаго.—Кн. Бориса Тырновскаго.—М. Г. Черняева.—М. Д. Скобелева.—Императора Александра II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія „Т-ва Худож. Печ.“, Англійскій, 28.

1901.

Отъ автора.

Изъ статей этого сборника, четыре—„Степанъ Стамбуловъ“, „Софійское Житъе-Бытъе“, „Московскій городской голова Алексѣевъ“ и „Таинственная Корреспондентка“—являются здѣсь въ томъ же видѣ, какъ первоначально печатались онѣ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“. Остальныя статьи—„О Черняевѣ“, „Памяти Полонскаго“, „Памятникъ Царю-Освободителю“, „Захарьинъ“—помѣщались въ воскресныхъ фельетонахъ „Новаго Времени“ за 1898 годъ.

высказались бы, по всей вѣроятности, за второй отвѣтъ. Тяжелое было время! Оно прошло, и слава Богу!

Въ возможности и успѣхѣ свиданія съ княземъ Фердинандомъ я не сомнѣвался, потому что имѣлъ изъ его тайной канцеляріи телеграмму, разрѣшавшую мнѣ вѣздъ въ Болгарію, до того уже восемь лѣтъ закрытую для русскихъ, если не *de jure*, то *de facto*. Телеграмма эта, какъ выразился самъ князь при первомъ моемъ ему представленіи, давала мнѣ въ руки „*carte blanche* все видѣть и описывать“. Въ болгарскомъ разрѣшеніи „все описывать“ я, конечно, не нуждался, но „все видѣть“, безъ любезной откровенности князя, мнѣ врядъ ли удалось бы. Вотъ подлинный текстъ телеграммы:

„Софія. Дворецъ. Его царское высочество, мой августѣйшій государь, изволилъ мнѣ приказать, въ отвѣтъ вашей телеграммы, сообщить вамъ, что онъ не имѣетъ ничего противъ пріѣзда безпристрастнаго корреспондента. Начальникъ канцеляріи его царскаго высочества *dr.* Станчовъ“.

Dr. Станчовъ, подписавшій телеграмму, въ настоящее время болгарскій дипломатическій агентъ въ Петербургѣ. Въ то время его прочили на такой же постъ въ Вѣну, куда онъ и былъ, дѣйствительно, назначенъ въ скорости. Вообще болгарское правительство хорошо знало и цѣнило способности этого замѣчательно даровитаго и исполнительнаго чиновника; несмотря на свою молодость, онъ прошелъ

цѣлый рядъ боевыхъ назначеній по дипломатической части. Гдѣ было особенно трудно, туда князь посылалъ Станчова. Онъ пережилъ въ Вѣнѣ, весьма двусмысленную для болгарской дипломатіи, эпоху отдаленія Болгаріи отъ милостей австрійскихъ и поворота къ русскимъ симпатіямъ и вышелъ изъ испытанія этого съ честью, не посрамивъ ни себя, ни своего отечества. Когда надо было выработать болгаро-русскій торговый трактатъ, правительство князя Фердинанда перевело Станчова въ Петербургъ. Но и отсюда ему пришлось съѣздить въ Вѣну съ важнымъ порученіемъ утишить дипломатическую бурю, поднятую рѣзкимъ, но справедливымъ отзывомъ Стоилова объ австрійской политикѣ на Балканскомъ полуостровѣ и о своекорыстіи ея въ мнимо-дружественныхъ сношеніяхъ съ Болгаріей. Въ грозные майскіе дни 1894 года, которые я сейчасъ описываю, Станчовъ слылъ въ Софіи правою рукою князя, къ крайнему неудовольствію руссофильской партіи, не безъ основанія подозрѣвающей всю семью Станчовыхъ въ наслѣдственномъ австрофильствѣ. Однако, австрофильство—австрофильствомъ, а держаться князя Фердинанда въ тотъ моментъ, когда онъ оттолкнулъ отъ себя главный опорный столбъ австрофильства, то-есть Стамбулова, это—для австрофила-фанатика, какимъ представляли мнѣ Станчова, шагъ странный, чтобы не сказать прямо—рискованный. Послѣ признанія князя Фердинанда законнымъ государемъ Болгаріи,

въ февралѣ 1896 года, Станчовъ едва не попалъ въ министры иностранныхъ дѣлъ, на мѣсто, убранныя въ архивъ за несвоевременностью, Начевича. Этотъ „ночной филинъ“, какъ звала его софійская уличная клчка, былъ уже слишкомъ ярымъ и старомоднымъ фанатикомъ австрійской идеи; его имя, десять лѣтъ связанное со знаменемъ руссофобовъ, являлось неудобнымъ въ кабинетѣ, созданномъ, чтобы охранять и развивать возрожденную русско-болгарскую дружбу. Д-ръ Стоиловъ искалъ человѣка, чье назначеніе и Россіи не было бы противно, и Австріи угодно бы; такую „и Богу свѣчкою, и чорту кочергою“ для многихъ представлялось назначеніе Станчова. Онъ, однако, уклонился отъ портфеля, мотивируя отказъ своею молодостью. Зависть къ быстрой карьерѣ юнаго дипломата породила въ Софіи много сплетенъ, не лестныхъ для Станчова. Въ дѣйствительности, его успѣхи при княжескомъ дворѣ объясняются причиною весьма простою, чуждою какихъ либо заднихъ пружинъ, скорѣе психологическою, чѣмъ политическою. Станчовъ—одинъ изъ весьма немногихъ болгаръ, кому дѣйствительно пошло въ прокъ западное образованіе. При остромъ умѣ, блестящихъ талантахъ, онъ, и по воспитанію, по всему складу своего „я“, настоящій европеецъ—переродился въ европейца, сталъ имъ, а не притворяется только: такими-то въ Болгаріи хотъ прудъ пруди! Князь Фердинандъ, человѣкъ изысканный и утонченный, врядъ ли хорошо чувствовалъ себя въ болгарскомъ

обществѣ на первыхъ порахъ по прибытіи въ свое новое отечество. Въ паденіи Баттенберга, помимо причинъ политическихъ, сыграло, какъ извѣстно, не малую роль и нескрываемое отвращеніе перваго князя Болгаріи къ звѣриному образу, подобію и обычаю его случайныхъ подданныхъ, оскорблявшее общественное самолюбіе и, въ особенности, армію. Болѣе терпѣливый, тактичный и сдержанный, князь Фердинандъ мало, что сумѣлъ сжиться съ болгарами,—онъ окультурилъ ихъ примѣромъ и нравами своего двора, обтесалъ, сколько можно было въ такой короткій срокъ, подъ вѣнскую модель—„оболванилъ“, какъ выражался покойный И. Θ. Горбуновъ. Далось это князю, конечно, не легко, и не мудрено, что, цѣня въ болгаринѣ европеизмъ, какъ гага avis, онъ душевно расположился и привыкъ къ Станчову, съ кѣмъ онъ всегда чувствовалъ себя „въ своемъ обществѣ“ больше, чѣмъ со всякимъ другимъ представителемъ бѣдной, скучной, захолустной Софіи. Вотъ и весь секретъ станчовскаго вліянія и возвышенія. Въ 1896 году,—въ періодъ февральскихъ торжествъ, по случаю присоединенія болгарскаго престолонаслѣдника, княжича Бориса Тырновскаго, къ православію,—Станчовъ былъ чрезвычайно милъ въ обхожденіи съ нами, русскими гостями князя, предсѣдательствовалъ на завтракѣ, данномъ во дворцѣ въ честь представителей русской печати, и произносилъ на отличнѣйшемъ французскомъ языкѣ отличнѣйшія руссофильскія рѣчи.

Но я имѣлъ случай ознакомиться съ придворнымъ календаремъ-альманахомъ, издаваемымъ подъ редакціею этого самаго Станчова въ эпоху наивысшаго могущества Стамбулова. Нѣтъ клеветы на Россію, которой не повторяла бы эта злобная книга! Въ особенности много усердствовала она въ инсинуаціяхъ по нашему адресу въ некрологъ dr. Вулковича, покойнаго дипломатическаго агента Болгаріи въ Константинополь. Вулковичъ былъ зарѣзанъ въ кварталѣ Перы какимъ-то разбойникомъ, однимъ изъ сотенъ головорѣзовъ, вѣчно поджидающихъ въ наклонныхъ плоскостяхъ переулковъ-коридоровъ между Перою и Галатою, не попадетъ ли имъ подъ ножъ пѣшеходъ съ тугимъ кошелькомъ. По болгарско-стамбуловскому альманаху, выходило ясно, какъ дважды два четыре, что убійство это не простое, но политическое; и что убить Вулковичъ не иначе, какъ по предварительному заговору противъ него чуть ли не вся Великія, Малыя и Бѣлыя Руси, которыя, яко бы, трепетали предъ грознымъ именемъ великаго Вулковича,—каюсь, даже мнѣ, одно время довольно усердно занимавшемуся балканскою политикою, плохо извѣстнаго... а ужъ куда тамъ думать о немъ Россіи! Я полагаю, девятьсотъ девяносто девять тысячныхъ нашего отечества и не подозрѣвало никогда о существованіи этого геніальнаго dr. Вулковича, который, выражаясь словами поэта, и если вѣрить болгарамъ,—

Былъ у насъ въ глазу, какъ тернъ!...

Въ февральскіе дни, впрочемъ, не одного г. Станчова, а и многихъ-многихъ руссофобовъ, по мановенію князя Фердинанда, осѣнила внезапно милость Господня и сдѣлала руссофилами. У г. Станчова—благодаря его недюжинному уму и европейскому такту—этотъ неожиданный, какъ сказалъ бы Щедринъ, „съ Божіей помощью переворотъ“ вышелъ, по крайней мѣрѣ, ловкимъ, не комичнымъ; онъ какъ-то особенно находчиво сразу забылъ все прошлое, до вчерашняго дня включительно, и весь благоговѣйно проникнулся настоящимъ. Иные же изъ его компатріотовъ были въ это время и смѣшны, и жалки, и противны. Признаюсь, въ февральскіе дни я не разъ доставлялъ себѣ ехидное удовольствіе, слушая новоявленныхъ патріотовъ и руссофиловъ, невинно напоминать имъ пѣсни, пѣтыя этими господами въ стамбуловское время, да и въ первые мѣсяцы послѣ стамбуловщины.

Когда, послѣ февральской фееріи, я покидалъ Софію, министръ-президентъ, dr. Константинъ Стоиловъ, напомнилъ мнѣ:

— А? Каковы перемѣны? Полтора года назадъ, собираясь въ наши края, вы, прежде чѣмъ ѣхать къ намъ, справлялись, можно ли ѣхать. Если я не ошибаюсь, телеграмма г. Суворина къ князю была составлена именно въ такихъ выраженіяхъ: „Желательно послать въ Софію корреспондента, при условіи, что правительство поручится за его безопасность“. Какая разница между „тогда“ и „теперь“. не

правда ли? Надняхъ, по поводу вашего второго прѣзда, мы говорили съ княземъ объ этомъ контрастѣ. Въ 1894 году, русскій, направляясь въ Болгарію, опасался за свою жизнь и свободу и—что же скрывать? дѣло прошлое!—былъ не совсѣмъ неправъ въ своемъ недоувѣріи къ намъ. Въ 1896 году, русскіе въѣхали въ Софію триумфальными арками, при крикахъ „ура!“, при звукахъ „Боже, Царя храни!“... Всюду русскіе флаги, общій девизъ: „съ Россіей спичко, безъ Россіи нищо“...

Всюду не всюду, а на нѣсколькихъ магазинахъ этотъ девизъ, дѣйствительно, красовался. Захожу въ одинъ такой—купить перчатки. Цѣны оказываются баснословныя. Спрашиваю:

— За что же это?

— Ахъ, г. Амфитеатровъ! Если теперь съ русскаго не взять, то когда же и брать? Восемь лѣтъ ждали этого случая... Не каждый же день у насъ будутъ признавать князя!

— Это и значитъ—съ Россіей спичко, безъ Россіи нищо?

Смѣется хитрый братушка!..

На свиданіе со Стамбуловымъ, какъ „пожирателемъ русскихъ“, я мало надѣялся, тѣмъ болѣе, что въ Рушукъ меня предупреждали, будто попасть къ Стамбулову очень трудно. На всякій случай, нѣкто д-г Манойловъ снабдилъ меня письмомъ къ публицисту „Свободы“ г. Драмову-Левову, чтобы онъ, какъ свой человѣкъ у Стамбулова, облегчилъ мнѣ

Степанъ Николаевичъ
Стамбуловъ.

доступъ къ эксъ-диктатору. Но г. Драмова-Лева я въ редакціи „Свободы“ не засталъ,—какъ потомъ выяснилось, къ большому моему счастью, ибо субъектъ этотъ далеко не изъ перловъ и алмазновъ болгарской націи. Дорожа временемъ, я рѣшилъ постучать въ двери Стамбулова самостоятельно безъ всякихъ предварительныхъ церемоній и рекомендацій, кромѣ посыла своей визитной карточки. Позвонилъ. Дверь пріотворилась на протяженіе крѣпкой стальной цѣпочки не болѣе фута длиною. Въ щель выглянула бородатая рожа, съ испуганными глазами. Выхватила карточку и исчезла; я остался предъ запертою дверью. Опять загремѣла дверная цѣпочка, опять предо мною бородатая рожа, но уже любезно улыбается... Проходя въ кабинетъ Стамбулова, я замѣтилъ въ сѣняхъ четырехъ парней, видимо, всего лишь нѣсколько дней переобутыхъ изъ опанокъ въ сапоги; ребята самага сумрачнаго вида, тѣлохранители—хоть куда! Такіе у насъ только въ Москвѣ, въ Охотномъ ряду, водятся. Они пропустили меня, какъ сквозь строй, окидывая подозрительными взглядами. Карманы ихъ неуклюжихъ піджаковъ откровенно топырились отъ спрятанныхъ револьверовъ... такъ, впрочемъ, топырились карманы не у однихъ стамбуловцевъ, а почти у всякаго софійца въ тѣ тревожные дни, когда никто, ложась спать, не былъ увѣренъ, кѣмъ проснется онъ поутру—министромъ или узникомъ Черной Джаміи?

Стамбуловъ принялъ меня прекрасно. Къ предупредительнымъ приѣмамъ я къ тому времени уже привыкъ въ Софіи: всѣ представители правительства, кого я успѣлъ повидать, удѣляли мнѣ свое время и снабжали меня свѣдѣніями съ рѣдкою готовностью. Но тамъ это было понятно. Направленіе новой послѣ-стамбуловской политики, хотя и колеблющееся, считалось руссофильскимъ, и, слѣдовательно, представитель распространенной и вліятельной русской газеты являлся желаннымъ гостемъ въ формируемыхъ министерствахъ. Кромѣ того новое правительство вообще выбивалось изъ силъ, чтобы доказать иностранцамъ, какъ много въ Болгаріи, съ удаленіемъ Стамбулова, родилось, по щучьему велѣнію, по Стоилова прошенію, законности, свободы, безпристрастія; какъ вся ея политика стала откровенною, душа на распашку; какъ твердо стоять на ногахъ новорожденный легальный порядокъ страны, и какъ быстро ужасы низверженной стамбуловщины замѣнились чуть не аркадскою идилліей. Теперь же я былъ у человѣка, для котораго уже самое присутствіе мое въ Софіи являлось жестокимъ напоминаніемъ его паденія. Мѣсяцемъ ранѣе 18 мая, русскій корреспондентъ врядъ ли могъ проникнуть въ правительственныя сферы Софіи, а проникнувъ, не обрадовался бы. Вотъ примѣръ. Когда г. Татищевъ остановился въ Софіи, у дверей его номера въ „Hôtel Bulgarie“, откуда ни возмись, выросли жандармы и стояли до тѣхъ поръ, пока лич-

ные визиты представителей правительства не уяснили блюстителямъ порядка, что за человѣкъ этотъ русскій путешественникъ и съ какими цѣлями пожаловалъ въ болгарскую столицу. Положеніе не-радостное. Да не обрадовались бы и тѣ, кто неосторожно завязали сношенія съ русскимъ гостемъ. Знакомство, разговоръ съ русскимъ, при Стамбуловѣ, вмѣнялись болгарину въ государственное преступленіе.

Путешествуя изъ Русска по Дунаю до Ломъ-Паланки и изъ Ломъ-Паланки черезъ Берковицкій Балканъ, Петроханскимъ переваломъ, въ Софію, значить, проѣхавъ насквозь всю Сѣверную Болгарію, я не слыхалъ, буквально, ни одного доброго слова о Стамбуловѣ, а читалъ добрыя слова только въ собственныхъ изданіяхъ навшего министра-диктатора, въ „Свободѣ“ и „Пловдивѣ“. 18-е мая вызвало въ провинціи взрывъ торжества, еще сильнѣйшій, чѣмъ въ Софіи. Повсюду совершались auto-da-fe портретовъ эксъ-диктатора, которые Стамбуловъ обязывалъ имѣть въ нѣсколькихъ экземплярахъ не только всѣ общественныя и образовательныя учрежденія, но и трактиры, корчмы, кабаки. Въ Княжевѣ, подъ Софіей, мнѣ случилось быть свидѣтелемъ такого курьеза. Незадолго до паденія Стамбулова, какая-то литографія выпустила лубочную картину, изображавшую княжескую семью и, среди нея, самого „великаго Степана“. Послѣ 18-го мая „патріоты“ вырѣзывали съ этой картины лицо Стам-

булова, мужественно отправляя безотвѣтный портретъ подъ каблукъ или непосредственно въ мѣста неудобоназываемыя. Въ княжескихъ же баняхъ опальный портретъ былъ лишь залѣпленъ бумажкою.

— Что это значить? — спросилъ я хозяина бань.

— Зачѣмъ портить картину? — резонно возразилъ хитрый „цинцарь“. — Стамбулова и за бумажкою не видать. А если онъ опять вернется къ власти, моимъ сосѣдямъ придется покупать новый его портретъ, мнѣ же нѣтъ: отлѣпилъ бумажку, — и вотъ онъ снова.

Откровенность убѣжденій — почти Мольеровская! Впрочемъ остроумный изобрѣтатель этой политики „на всякій случай“ былъ, какъ уже сказано, не болгаринъ, но „цинцарь“, то-есть... вотъ ужъ и не знаю, какъ опредѣлить національность „цинцара“. Да и болгаре толкомъ не знаютъ, да врядъ ли знаютъ и сами цинцары. Больше всего къ нимъ подходит старинное опредѣленіе Устряловымъ личности второго Лжедмитрія: цинцаръ — „человѣкъ ума дерзкаго, души безпредѣльно-мечтательной, и едва ли не жидъ“.

Трудно вообразить, не бывъ свидѣтелемъ, какую массу ненависти успѣлъ накопить Стамбуловъ въ народномъ сердцѣ за восемь лѣтъ своихъ безконтрольных полномочій. Паденіе его было неизбежно. Если бы его продолжала поддерживать чиншничья

Софія, подняла бы знамя возстанія, истощившая свое терпѣніе, провинція.

Стамбуловъ предчувствовалъ опасность. когда, подъ угрозою отставки, требовалъ у принца Фердинанда военнаго положенія для нѣсколькихъ округовъ, начавъ, въ видѣ примѣра, съ села Садны. Послѣ того, какъ садницы выбрали депутатомъ въ народное собраніе не стамбуловскаго кандидата, но оппозиціонера, — самовластный диктаторъ назначилъ. туда въ видѣ наказанія, военную экзекуцію, т. е. солдатскій постой за счетъ и иждивеніе садинскаго общества. Противоконституціонная мѣра эта вызвала общее негодованіе и сошла на нѣтъ, благодаря тогдашнему военному министру Петрову, какъ мы увидимъ ниже, вообще, одному изъ главнѣйшихъ виновниковъ стамбуловскаго паденія. Петровъ, указавъ, что по конституціи военная экзекуція можетъ быть назначена лишь въ томъ случаѣ, если село упорно и открыто даетъ притонъ разбойникамъ, выяснилъ вмѣстѣ съ тѣмъ князю, что дѣлать войско орудіемъ наказанія, за политическую неудачу перваго министра. навязывать ему полицейскую роль и обязанности палачей на службѣ администраціи — совершенно неприлично и значить развращать армію. Все это было резонно и принято княземъ въ соображеніе, но, подъ стамбуловскимъ напоромъ, Фердинандъ колебался на чью сторону ему склониться. Почувствовавъ оппозицію, самолюбивый Стамбуловъ взбѣсилъ и по-

ставилъ вопросъ о военномъ положеніи четырехъ округовъ, въ томъ числѣ Тырновскаго, какъ *conditio sine qua non* своего дальнѣйшаго пребыванія у власти.

Онъ никакъ не ожидалъ, что отставка будетъ принята: вѣдь ужъ много разъ онъ, путемъ подобной же угрозы, добивался отъ князя всего, чего хотѣлъ. Вѣроятно, и теперь угроза оказалась бы дѣйствительною, и военное положеніе, а вслѣдъ за тѣмъ народная революція стали бы неизбѣжными. Но Болгаринъ помогли случай и отчасти, хотя далеко не въ той степени, какъ думаютъ, покойная супруга князя Фердинанда, княгиня Марія-Луиза, успѣвшая, за короткое время своего пребыванія въ странѣ, завоевать самую лестную популярность, увы,—значительно разрушенную впослѣдствіи, совершенно неожиданнымъ для болгаръ, превращеніемъ принцессы въ ярую католичку,—тогда какъ она слыла за свободомыслящую,—и временнымъ противодѣйствіемъ желанному всей страною событію 2-го февраля 1896 года. Теперь обстоятельства выяснили, что противодѣйствіе это, доведенное даже до демонстративнаго отъѣзда княгини изъ Софіи, было тоже больше политическимъ маневромъ—страха ради, если не іудейска, то римска и австрійска. Марія-Луиза не выносила Стамбулова. Врядъ ли ей, какъ женщинѣ съ самолюбіемъ, нравилось и обращеніе Стамбулова съ княземъ, ея супругомъ, часто выходившее, какъ гласила софійская молва, изъ границъ

приличія. Молодая княгиня была врагомъ Стамбулову настолько же, насколько покровительствовала ему прежде мать князя, Клементина. Стамбуловъ это зналъ и принималъ втайнѣ мѣры, чтобы обезопасить себя отъ властной непріятельницы. Конечно, бухарестскіе слухи весною 1894 года о какомъ-то, перехваченномъ правительственными агентами динамитѣ, о намѣреніи взорвать на воздухъ конакъ князя вмѣстѣ съ его фамиліей—сказки. Тѣмъ болѣе, что динамитомъ этимъ пугали Фердинанда одинаково и органы Стамбулова, и органы оппозиціи. Оппозиція кричала: „ваше высочество, вотъ что готовитъ вамъ Стамбуловъ!“. А Стамбуловъ: „ваше высочество, вотъ что готовитъ вамъ оппозиція!“

Зачѣмъ динамитъ? Если бы Стамбулову понадобилось, онъ могъ сплавить Кобурга изъ Болгаріи. живого или мертвого, гораздо проще и безъ шума. Положеніе Фердинанда въ ту пору было истинно трагическое. Одинъ въ чужой странѣ, безъ партіи, безъ осязательной власти, отвергнутый Европою, не болѣе, какъ только терпимый Болгаріею, онъ чувствовалъ себя всецѣло въ рукахъ Стамбулова. Подводилъ же онъ, говорятъ, при одномъ спорѣ своего злополучнаго государя къ окну дворца полюбоваться Ломъ-Паланскимъ шоссе, „по которому увезли Александра Баттенберга“..... Нѣтъ, взрывать Кобурга диктаторъ не собирался. Но несомнѣнно: чувствуя, что принцъ, свыкаясь съ странюю, крѣпнетъ и ускользаетъ изъ-подъ его вліянія; освѣдо-

мьсь, что на женской половинѣ двора идетъ противъ него открытое возмущеніе; сознавая, что съ умною женщиною, да къ тому же еще съ молодою женою бороться трудно, а, пожалуй, и невозможно,—диктаторъ принималъ свои мѣры, дѣйствительно, могъ готовить Фердинанду сюрпризъ смѣщенія и, во всякомъ случаѣ, держалъ его подъ постоянную угрозою такого сюрприза. Онъ притворялся, будто сильно подумываетъ о кандидатурѣ на престолъ графа Гартенау, трехлѣтняго сына Александра Баттенберга отъ опереточной пѣвицы Лейзингеръ, бракомъ съ которою Баттенбергъ окончательно отрѣзалъ себѣ всѣ пути къ политической карьерѣ. А можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ подумывалъ. Идея эта могла быть заманчивою для Стамбулова уже потому, что ея осуществленіе обезпечивало ему долгое, всевластное регентство...

Впослѣдствіи г. Татищевъ свидѣтельствовалъ, что разрывъ князя Фердинанда со Стамбуловымъ начался еще съ 1890 года. Г. Татищевъ знаетъ въ болгарскомъ вопросѣ такія подноготныя, куда другому дипломату и во снѣ не забратъся,—поэтому, мы должны вѣрить его словамъ. Но, во всякомъ случаѣ, разрывъ этотъ, если онъ и былъ, держался и княземъ, и Стамбуловымъ въ глубокомъ секретѣ. О немъ не знали не только въ Болгаріи, но—кромѣ г. Татищева—и всевѣдущіе европейскіе дипломаты, хотя имъ всякій политическій пожаръ извѣстенъ за полчаса до пожара. Въ Бухарестѣ посланникъ

одною изъ великихъ державъ, наиболѣе заинтересованной на Востокъ и особенно въ болгарскомъ вопросѣ, выражалъ мнѣ такой взглядъ на событіе 18-го мая:

— Переворотъ засталъ насъ всѣхъ врасплохъ. Чего-то новаго мы ждали съ болгарской стороны однако, не этого. Что именно—мы не знали, но что-то зрѣло и носилось въ воздухѣ уже, когда принцъ Фердинандъ сидѣлъ еще на весеннемъ отдыхѣ въ своемъ замкѣ Эбенталѣ. Ходили слухи, что въ его отсутствіе подъ шумокъ обрабатывается *coup d'état*, что они со Стамбуловымъ дошли, мало сказать, до вражды, — до отвращенія, до ненависти другъ къ другу; что Стамбуловъ перешелъ въ отношеніяхъ къ принцу послѣдніе предѣлы нахальства. Когда принцъ вернулся изъ Эбенталя, ему представлялись всѣ министры а Стамбулова не было, по болѣзни, — помните? Ну, думаемъ, значитъ, разрывъ и переворотъ. Куда то отвезутъ они бѣднаго Кобурга? И вдругъ, какъ громъ съ яснаго неба, эта сверхъестественная телеграмма: Стамбуловъ палъ. Политика неожиданностей, только и возможная, кажется, что на Балканахъ, да еще въ республикахъ Южной Америки.

Къ людямъ партій торжествующихъ, вступающихъ въ фазисъ политическаго преобладанія надъ страной, являться легко: они всѣ въ будущемъ; есть опредѣленные вопросы, установленныя выжи-

дательныя точки, съ какихъ начинаешь ихъ экзаменъ и потомъ разсматриваешь ихъ личности и программы. Но Стамбуловъ.... вѣдь это въ нѣкоторомъ родѣ „храмъ разрушенный—все храмъ, кумиръ поверженный—все богъ!“ Пожать ему руку и затѣмъ, съ мѣста въ карьерѣ, приступить къ допросу: какъ, молъ, вы, г. эксъ-министръ, чувствуете себя, полетѣвъ съ высоты?—значило бы повторить въ новой вариации старый щедринскій мотивъ о политическомъ interview у графа Твердоонто:

— Ваше сіятельство! позвольте одинъ нескромный вопросъ: когда человѣкъ сознаетъ себя, такъ сказать, вмѣстилищемъ государственности... какого рода чувство испытываетъ онъ?

— *C'est un sentiment... ineffable!*

Если принять во вниманіе, что это былъ мой первый опытъ политическаго разговора съ настоящимъ государственнымъ человѣкомъ, что шаблона интервьюерскаго у меня не имѣлось,—да такъ я, слава Богу, его себѣ и не выработалъ!—читатель пойметъ, что скрыть свое смущеніе отъ Стамбулова и принять на себя такой видъ, будто я всю жизнь только и дѣлаю, что ободряю министровъ восходящихъ и утѣшаю павшихъ,—было совсѣмъ не легко. Поэтому я былъ отъ души благодаренъ Стамбулову, когда, послѣ обычныхъ привѣтствій и распросовъ о моихъ впечатлѣніяхъ путешествія по Болгаріи, онъ самъ перевелъ разговоръ *in medias res*.

— Конечно, вы читали уже печальную телеграм-

му о смерти Карно? (Я попалъ въ гости къ Стамбулову какъ разъ въ день убійства бывшего президента французской республики). Какая жалость! Такой корректный, безобидный политическiй дѣятель! Это былъ кладъ для республики, и вотъ поднялась же на него рука у какого-то негодяя. Вотъ вамъ лучший примѣръ, что въ политическихъ суматохахъ убиваютъ и уничтожаютъ не всегда самого виноватаго,—значительно подчеркнулъ Стамбуловъ, улыбаясь весьма горькою и, нельзя сказать, чтобы прiятною по выраженiю, улыбкою. Да, да... у васъ русскихъ, есть пословица: пуля виноватаго найдетъ. Пословица красивая, но несправедливая, потому что политическiя пули попадаютъ, главнымъ образомъ, въ людей, виноватыхъ лишь тѣмъ, что они чересчуръ выдались изъ общаго строя, а выдались потому, что слишкомъ преданы общему благу...

На мой взглядъ, „раненый левъ Болгарiи“,—такъ звала смѣщеннаго Стамбулова его партiя,—походилъ скорѣе на загнаннаго волка, чѣмъ на льва. Представьте себѣ маленькаго, толстенькаго, черненькаго человѣчка, необыкновенно лобастаго: именно такъ лобасты бываютъ матерые, травленные волки; первое впечатлѣнiе — часть вмѣсто цѣлаго, лобъ вмѣсто лица. Портреты Стамбулова не похожи. Художники и фотографы-ретушеры неумѣло льстили диктатору, расправляя смятыя черты его лица. Они не понимали, что тѣмъ портятъ характерную его выразительность. Подгоняя наружность Стамбулова

къ русскимъ типамъ, можно сказать, что онъ смотрѣлъ частнымъ повѣреннымъ (каковымъ онъ и былъ до политической карьеры) съ бойкой, сомнительной практикой и огромнымъ въ ней успѣхомъ. Минимое сходство съ Наполеономъ (иные болгары любятъ проводить параллели между нимъ и Стамбуловымъ) ограничивалось брюшкомъ и общою коротковатостью фигуры. Во время разговора, Стамбуловъ любилъ острить, привязываться къ удачной фразѣ, красному словечку и часто смѣялся непріятнымъ, потому что мало естественнымъ, смѣхомъ: хихикаетъ и хохочетъ, а у самага глаза даже не улыбнутся, полные тревожнаго, опасливаго и жестокаго выжиданія. Частая улыбка—постоянная маска Стамбулова—обнажала два низанныхъ ряда великолѣпныхъ бѣлыхъ зубовъ; не диво, что Стамбуловъ скушалъ ими Болгарію. Зубы хищнаго звѣря, грозные клыки въ крѣпкихъ челюстяхъ—признакъ деспотической, властной натуры. Таковую волчью пасть на человѣческомъ лицѣ я видѣлъ ранѣе лишь одинъ разъ—у Леопольда Захеръ-Мазоха. Между нимъ и Стамбуловымъ было, вообще, странное родственное сходство, какая-то смежность натуръ. Соперничали они, между прочимъ, и въ необузданной чувственности. У Стамбулова, она, по крайней мѣрѣ, имѣла естественное направленіе, тогда какъ Захеръ-Мазохъ мало того, что самъ былъ „клиническимъ случаемъ“ всевозможныхъ половыхъ извращеній, но еще и твореніями своими далъ Крафтъ-Эбингу поводъ окрестить

именемъ „мазохизма“ одну изъ наиболѣе распространенныхъ аномалій инстинкта любви. Охотники до „человѣческихъ документовъ“ по этой части могутъ отмѣтить фактъ, подтверждаемый многочисленными показаніями, что у Стамбулова была довольно дикая страсть: поливать на своихъ оргіяхъ голыхъ женщинъ шампанскимъ. Въ полемической брошюрѣ Д. Ризова сцена эта изображена подробно, а въ другой книжкѣ, не помню чьей, негодующій авторъ даже припоминаетъ по этому поводу пиры Тиверія и Нерона, какъ описаны они у Светонія. Правду сказать, отъ упражненія этого отдаетъ не столько цезаризмомъ, сколько нижегородскою ярмаркою и разгулявшеюся купецко-бурсацкою натурою:

— Нашему ндраву не препятствуй! Пей, а то за воротъ вылью!

Мнѣ такъ много говорили про обаятельность манеръ Стамбулова, что я почти боялся къ нему идти.

— Запоетъ онъ васъ! Это—сирена!—предупреждали меня,—онъ, когда захочетъ очаровать нужнаго ему человѣка, прямо великъ дѣлается. Такого эффектнаго оратора, такого ловкаго, живого собесѣдника не найти, пожалуй, не то, что въ Болгаріи, но и во всей Европѣ. Онъ вамъ всякую свою подлость подъ такимъ соусомъ подастъ, что она вамъ сгоряча, на первый взглядъ, за великій подвигъ покажется. Всѣ, кто знакомится со Стамбуловымъ, нѣкоторое время влюблены въ него, говорятъ его словами,

смотреть его глазами. Съ нимъ надо пудъ соли съѣсть,—тогда только узнаете, какіе у него когти; а раньше—онъ съ васъ будетъ шкуру драть, а вамъ все еще будетъ казаться, будто это онъ только такъ, шутки и ласки ради, царапается по игривости натуры.

Съ гордостью могу сказать, что, несмотря на явное желаніе Стамбулова произвести на русскаго корреспондента сильное впечатлѣніе и блеснуть передъ нимъ „какъ можно очаровательнѣе“, я ушелъ отъ него столь же равнодушный къ нему, какъ и раньше былъ,—такъ, словно посмотрѣлъ любопытнаго звѣря. Типъ дѣятеля-самовольца я видѣлъ гораздо красивѣе представленнымъ, хотя и въ меньшемъ масштабѣ, въ лицѣ покойнаго московскаго городского головы Н. А. Алексѣева; въ немъ, если хотите, было не мало стамбуловскихъ чертъ, только направленныхъ къ добру, къ общей пользѣ.

— Да, Карно убить,—продолжалъ Стамбуловъ,—убить мерзавцемъ-анархистомъ. Вотъ онъ, социалистическія ягодки. Плоды движенія, которому льстятъ силы, меня низвергшія, потому что онъ плоть отъ плоти и кость отъ кости этого движенія. Да! я знаю его наизусть. Еще въ Одессѣ я былъ знакомъ съ русскими нигилистами и изучилъ ихъ... А потомъ пошли нигилисты болгарскіе... Ха-ха-ха! болгарскіе нигилисты! Глупость-то какая! Соціализмъ въ странѣ, гдѣ не знаемъ, что дѣлать съ обиліемъ земли, и нѣтъ промышленности, нѣтъ рабочаго класса, немыслимъ рабочій вопросъ... Едва выходимъ изъ пас-

тушескаго быта,--и уже соціалисты!.. Мальчишки толкуются въ швейцарскихъ университетахъ и, по наивности, заражаются, на вѣру, идеями вашихъ эмигрантовъ, а затѣмъ возвращаются сюда и дѣлають движеніе. Да! я смѣло говорю, положа руку на сердце: нашею соціалистическою партіей мы обязаны вамъ, русскимъ, вашему заграничному студенчеству, а черезъ него—студенчеству нашему.

Я пришелъ къ Стамбулову, чтобы слушать его и изучать, а не для дебатовъ съ нимъ, не для того, чтобы обратить его въ новую политическую вѣру. Поэтому я оставилъ безъ возраженія его выходку противъ заграничныхъ университетовъ и болгарскаго и русскаго въ нихъ студенчества. А возразить было что. Если въ словахъ Стамбулова и была доля правды, то кто же виноватъ? Кто, какъ не Стамбуловъ, развилъ—на зло Россіи—въ болгарской молодежи повальное стремленіе въ европейскіе университеты, кто отбилъ ее отъ университетовъ русскихъ? Болгаринъ, кончившій курсъ въ русскомъ университетѣ, по возвращеніи на родину, не находилъ у стамбуловскаго правительства ни привѣта, ни службы; его встрѣчали, какъ политически неблагонадежнаго, за нимъ, безъ всякой вины, учреждали полицейскій надзоръ. Между тѣмъ, русскій университетъ для болгарина всегда значительно полезнѣе западно-европейскаго. Правда, западно-европейскій курсъ короче по годамъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что прежде, чѣмъ явиться факти-

ческимъ слушателемъ курса, болгаринъ долженъ изучить французскій или нѣмецкій языкъ—настолько, чтобы понимать живую, устную рѣчь, чтобы лекціи не оставались для него „узоромъ надписи надгробной на непонятномъ языкѣ“. Такое изученіе, какъ признавались мнѣ многіе болгаре-западники беретъ не менѣе года. Въ Россіи же, благодаря родственности языка, болгаринъ свободно слушаетъ и понимаетъ лекціи спустя мѣсяць, много два, по вступленіи въ университетъ. Да и то для студентовъ изъ южныхъ славянъ существуютъ особо установленныя права и льготы испытаній. Такимъ образомъ, русскій университетъ образовываетъ болгарина нормально, исподволь, безъ чрезмѣрныхъ усилій и переутомленія, вызываемыхъ необходимостью догонять въ курсѣ, запущенномъ по безязычію, остальныхъ товарищей. Западныя же университеты, хотя и скорѣе ведутъ къ практической цѣли, но массою неизбѣжнаго труда безнадежно придавливаютъ болгарскую голову. Сколько я ни видалъ болгаръ-западниковъ, всѣ они—либо заучившіеся педанты, либо неврастеники, либо, наконецъ, просто шелопаи, убожавшіеся бездны премудрости, а потому проходившіе научные курсы въ университетахъ Парижа и Вѣны лишь номинально, фактически же — въ Café Americain, либо у Ронахера. Молодежь послѣдняго типа засиживается въ Европѣ подолгу, отвыкаетъ отъ родины, либо не женится вовсе, либо женится на иностранкахъ.—вообще, ста-

новится уже отрѣзаннымъ ломтемъ болгарской семьи.

— Помилуйте!—жаловался мнѣ г. М., кметъ города Софіи,—на что это похоже? Мой сынъ сидитъ въ Вѣнѣ восьмой годъ и не дозовешься его на родину. Чего,—пишетъ онъ мнѣ,—я не видалъ въ Софіи? Малому двадцать семь лѣтъ... Боже мой! да мы въ его годы уже политику дѣлали! Самъ-то я русскаго воспитанія, а сына—польстился на карьеру—послалъ въ Вѣну... И вотъ—плоды!..

Любопытно, что болгары-студенты русскихъ университетовъ проявляютъ гораздо больше чуткости и отзывчивости къ общественнымъ вопросамъ, чѣмъ студенты западно-европейскіе. Послѣдніе всѣ—какъ будто немножко blasés, не то стыдятся своей родины, не то махнули на нее рукою: съ такою, молъ, азіатчиною и во сто лѣтъ не управиться! Только на то и годится, чтобы снимать съ нея шкуру за шкурою... Сильные политическіе дѣятели восьмидесятихъ годовъ—Каравеловъ, Климентъ, даже самъ Стамбуловъ—русскаго воспитанія. Дурно ли, хорошо ли, но они сыграли въ болгарской исторіи яркія роли. Сумѣютъ ли замѣнить ихъ офранцузенные и онѣмѣченные западники,—бабушка надвое говорила.

— Новое правительство! — иронически говорилъ между тѣмъ Стамбуловъ, — что же, пусть правятъ. Если господину Стоилову удастся добиться, чего не могъ добиться я. — уравновѣситъ нашу виѣшнюю

политику—я готовъ поцѣловать у него руку. Обѣщаю тѣмъ легче, что исполнять не придется: они затѣяли невозможное. Они заигрываютъ съ Россіей, они, изволите ли видѣть, руссофилы...

— Виновать,—прервалъ я Стамбулова,—съ тѣхъ поръ, какъ я въ Болгаріи, меня смущаетъ одна странность. Смѣнившее васъ правительство со стороны нѣкоторыхъ органовъ, преимущественно же, вдохновляемой вами „Свободы“, подвергается упрекамъ въ руссофилствѣ. Между тѣмъ, въ Россіи значительная часть прессы пророчила—основываясь, главнымъ образомъ, на прошломъ поведеніи настоящаго болгарскаго премьера Стоилова—вполнѣ руссофобскую политику. Какъ помирить эти два взгляда?

— Очень просто. Люди новаго правительства не въ состояніи составить собственныхъ партій. Имъ, каждому въ отдѣльности, не повѣрятъ, за знаменемъ ихъ не пойдутъ. Случай бросилъ къ власти, власть хороша, за нее надо держаться. А чѣмъ держаться? Гдѣ партія? Нѣту партіи. Ну, разъ нѣту партіи своей, надо поддѣлаться подъ чужую. Руссофилы въ Болгаріи огромная и страшная сила. Надо мою энергію, чтобы ее обуздывать. Господинъ Стоиловъ и Комп.—недавніе руссофобы, но еще больше, чѣмъ русскихъ, боятся потери власти. Поэтому изъ руссофобовъ они со спокойною совѣстью превратятся въ руссофиловъ.

Глазки Стамбулова засверкали.

— Только, предсказываю вамъ это, не удадутся

имъ ихъ руссофильскія комедіи. Я знаю: меня въ Россіи считаютъ людоедомъ; будто я каждое утро перекусываю кому нибудь горло и пью кровь вмѣсто кофе. Меня считаютъ врагомъ Россіи; въ чемъ ошибаются, и врагомъ русскаго вліянія въ Болгаріи, въ чемъ совершенно правы, чѣмъ я горжусь. Но я былъ всегда открытымъ и, слѣдовательно, честнымъ врагомъ. А новое правительство играетъ съ Россіей въ прятки, въ жмурки; оно думаетъ обольстить ее руссофильствомъ, чтобы добиться разрѣшенія династическаго вопроса, главнаго изъ стоящихъ на очереди.

— Вы играете въ карты? — неожиданно озадачилъ онъ меня вопросомъ.

— Нѣтъ... а что?

— Да такъ: у не совсѣмъ чистыхъ игроковъ есть система—давать партнеру маленькія ставки, а крупныя—бить. Наши мудрецы хотятъ затянуть въ такую игру русскихъ: дать мало, а получить много. Но... Ха-ха-ха! Надуть Россію! Знаете ли вы, что это значитъ? Это значитъ играть на ошибочные козыри, думать, что имѣешь за собою девяносто девять шансовъ, а на самомъ дѣлѣ они всѣ—за противникомъ, а у тебя то врядъ ли есть хоть одинъ. Я никогда не боялся никакихъ дипломатовъ и не боюсь, а вашихъ боюсь. Не потому, чтобы они были особенно тонки, хитры, дальновидны, пронырливы, дѣятельны, наконецъ, въ агитаціи,—напротивъ, вы иногда держали въ Болгаріи такихъ дипломатовъ, что—храни

отъ нихъ Господь всякую страну, наипаче же ту, которой они служатъ! Но потому, во-первыхъ, что нихъ есть чутье, славянское чутье на насъ, болгаръ; они насъ понимаютъ и знаютъ, когда на насъ на-жать, когда распустить руку. А, во-вторыхъ, потому, что на русскаго дипломата никогда нельзя по-ложиться, какъ на дипломата западнаго.

— Почему же?

— Оттого, что ихъ полномочія разныя Всѣ правительства, отправляя дипломатическихъ агентовъ на востокъ, говорятъ имъ: программа твоя вотъ такая-то, а какъ ее выполнять—твое дѣло, тебѣ на мѣстѣ виднѣе. Германская, англійская, австрійская политика въ балканскихъ вопросахъ на Балканахъ же и дѣлается. А русская—вся въ Петербургѣ, здѣсь она только выполняется. Когда англійскій агентъ говоритъ мнѣ „да“, я увѣренъ, что и изъ Лондона мнѣ не скажутъ „нѣтъ“. А если мнѣ говоритъ „да“ агентъ русскій, я еще очень подумаю повѣрить, ибо весьма можетъ быть, что завтра же прилетитъ изъ Петербурга телеграмма съ категорическимъ отказомъ мнѣ и съ головомошкой агенту за самовольство. Русскіе агенты у насъ сами какъ мнѣ кажется, не знаютъ границъ своихъ полномочій, да не всегда хорошо освѣдомлены и о настроеніи и намѣреніяхъ своего правительства. Я живо помню, какъ, въ день присоединенія Румеліи, русскій агентъ совершенно растерялся: поздравлять ему князя или протестовать? А Сливница? А послѣ

Сливницы? А переворотъ Баттенберга? А Каульбарсъ? А Сорокинъ? А Хитрово, которому, когда онъ былъ перемѣщенъ, я послалъ вслѣдъ поздравительную телеграмму, ибо онъ былъ радъ избавиться отъ меня, а я былъ радъ избавиться отъ него?

— Съ другой стороны, положимъ, что „они“ искренни, — продолжалъ онъ, помолчавъ, — предположимъ, что они, дѣйствительно, собираются играть въ руссофильскую политику. дѣлать Россіи уступки, пустить ее хозяйкою въ свой домъ. Мыслимо ли это? Не думаю. Моя дѣятельность всегда ляжетъ между Россіей и Болгаріей черною, раздѣльною полосой; ее не такъ-то легко переступить. Было время, когда Болгарія была совсѣмъ русскою. Мнѣ стоило тяжкаго труда отодвинуть ее отъ Россіи. Но теперь я твердо вѣрю, что, по крайней мѣрѣ, раньше пятидесяти лѣтъ сближенія не произойдетъ. А тогда— съ Богомъ! Тогда Болгарія будетъ такъ самостоятельно крѣпка, такъ проникнута сознаниемъ своей неприкосновенной національности, что никакое иностранное вмѣшательство не будетъ страшно. Россія указала путь моей политикѣ, когда совершила огромный промахъ — отозвала изъ болгарской арміи своихъ офицеровъ. Пока они были въ Болгаріи, наша армія была на три четверти русскою. Теперь она въ высокой степени національна. Ей не нужны ни русскіе, ни австрійскіе инструкторы. Она самостоятельно развивается и любитъ свое самостоятельное развитіе. Она не потерпитъ иноземнаго вмѣшатель-

ства. Введите въ нее снова русскихъ офицеровъ, посадите военнымъ министромъ русскаго генерала, — армія будетъ принципиально противъ нихъ, окажетъ имъ пассивное сопротивленіе бездѣйствіемъ и, слѣдовательно, дезорганизаціей, а, можетъ быть, и военною революціей.

Здѣсь я опять долженъ вставить нѣсколько словъ отъ себя. Говорилъ столь храбрыя и патріотическія слова Стамбуловъ въ іюнѣ 1894 года. А еще въ мартѣ онъ вступилъ въ соглашеніе съ тоже покойнымъ уже, министромъ-президентомъ австрійскимъ Кальноки — именно о введеніи въ болгарскую армію австрійскихъ инструкторовъ. Взамѣнъ того, Австрія обязывалась развязать болгарамъ руки въ Македоніи. Сдѣлка не состоялась лишь по противодѣйствію ей военнаго министра Петрова, руководившагося именно тѣми мотивами, какіе высказывалъ теперь Стамбуловъ. Я, впрочемъ, не думаю, чтобы обѣщаніе Стамбулова Кальноки было дано серьезно. Степанъ Николаевичъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понимать его неисполнимости. Нѣтъ сомнѣнія, что, если онъ и обѣщалъ, то обѣщалъ съ заранѣе обдуманымъ намѣреніемъ надуть Кальноки, — благо австріякъ вѣритъ!... Сдержатъ же ему слово Стамбуловъ, при всей неограниченности своихъ полномочій, какъ мы увидимъ ниже, не имѣлъ никакой возможности.

Стамбуловъ развивалъ свою мысль.

— Господинъ Татищевъ, когда онъ былъ здѣсь, — не знаю, офиціознымъ ли посломъ или просто

путешественникомъ - дипломатомъ, охочимъ зондировать почву изъ любви къ искусству.—предлагалъ, въ видѣ компромисса, русскую военную стоянку въ двухъ гаваняхъ Чернаго моря: въ Варнѣ и Бургасѣ. Тогда я имѣлъ рѣшимость отвѣтить „нѣтъ“. Думаете ли вы, что сейчасъ у меня было бы меньше поводовъ къ такому же отвѣту? Какое основаніе есть у меня довѣряться русской политикѣ, хотя бы по вопросу признанія князя? Я знаю, что въ этомъ вопросѣ все зависитъ отъ личной воли его величества государя императора. Прославленная стойкость Александра III въ симпатіяхъ и взглядахъ извѣстна мнѣ не меньше, чѣмъ всякому государственному человѣку въ Европѣ. Я знаю, что однажды государь императоръ уже не пожелалъ признать правъ Фердинанда, какъ принца-католика, на болгарскій престолъ. Имѣя такой огромный отрицательный капиталъ, я не считалъ уже возможнымъ вести двусмысленную политику, какой хочетъ держаться новое правительство; значить, заигрывать съ русскими мнѣ стало не зачѣмъ....

Теперь, когда я снова пишу эти строки, навѣянные Стамбуловымъ, просто оглянуться жутко: что воды утекло! Скончался царь-миротворецъ, восемь лѣтъ безмолвно державшій Болгарію подъ тяжкою карою своего презрѣнія; убить Стамбуловъ, обратившій за эти восемь лѣтъ Болгарію въ политиканствующую клоаку; присоединенъ къ православію, на зло побѣдъ Стамбулова надъ конституціей, наслѣдный княжичъ

Болгаріи Борисъ; умерла Марія - Луиза; князь Фердинандъ признанъ и уже трижды былъ гостемъ русскаго царя; а Болгарія, будто бы отторгнутая стамбуловскимъ геніемъ отъ Россіи на цѣлые полвѣка, уже давнымъ—давно вернулась въ лоно покинутой дружбы. Впрочемъ, о разрывѣ этомъ, якобы столь рѣшительномъ и безповоротномъ, Стамбуловъ уже и въ то время говорилъ черезчуръ самонадѣянно. Онъ не хотѣлъ видѣть, что въ этомъ вопросѣ онъ одинъ противъ цѣлой страны. Живо помню свой разговоръ въ Рушукъ съ временнымъ его правителемъ, г. Петковичемъ. То была личность весьма замѣчательная и съ огромнымъ вліяніемъ въ Рушукъ,—второмъ, по размѣрамъ и политическому значенію, городѣ Болгаріи. Именно его авторитету, энергіи, и умѣлой пропагандѣ кн. Фердинандъ былъ обязанъ легкостью, съ какою правительство восторжествовало надъ стамбуловщиною въ Рушукѣ, а слѣдовательно, и вообще на всемъ Дунаѣ. Его ждала блестящая карьера, но кончилъ онъ дурно—застрѣлился по неудачной любви ¹⁾).

Онъ говорилъ мнѣ:

— Русскіе имѣютъ о насъ ужасное понятіе. А это больно. Какія бы политическія причины ни раздѣляли болгаръ отъ русскихъ, у насъ одна кровь, одно происхожденіе, одна вѣра, почти одинъ языкъ. Россія дала намъ свободу, мы ей обязаны нашей

¹⁾ См. о немъ „Софійское житье-бытьѣ“.

арміей. Мы не хотимъ, чтобы русскій солдатъ, стоя на болгарской землѣ, диктовалъ ей свою волю, но никогда ни одинъ болгаринъ не забываетъ и не забудетъ, что кровью этого солдата смыто съ нашей родины пятно рабства. И если Болгарія ужъ такъ несчастна, что не можетъ существовать безъ иностраннаго вмѣшательства и опеки, конечно, пусть лучше будетъ опека русская, чѣмъ всякая другая. Народная воля указываетъ новому правительству непрѣмѣнное условіе: найти путь примиренія съ Россіей, не оскорбляя въ то же время національнаго самолюбія. Народъ утомленъ отчужденіемъ отъ страны царя-освободителя, полубога Болгарин. Упорядоченіе нашихъ внѣшнихъ отношеній должно начаться съ Россіи потому что только ею, собственно, интересуется народъ. Упорядочимъ мы отношенія съ Россіей,—народъ намъ повѣритъ; нѣтъ,—будетъ тяпуться старая канитель. Стамбуловъ запугалъ насъ русскими нагайками. Но всякое запугиванье—до поры до времени. Русскихъ нагаекъ мы не видали, а стамбуловская гуляла по нашему тѣлу восемь лѣтъ. Пора образумиться и не трусить призраковъ, когда дѣйствительность ихъ страшнѣе. Часъ, когда Россія согласится признать внутренній распорядокъ Болгарин *in statu quo*, или съ небольшими поправками, будетъ для насъ такимъ же радостнымъ, какъ часъ освобожденія. Но мы любимъ дарованную намъ свободу, желаемъ пользоваться ею самостоятельно, безъ помочей, любимъ свою конституцію... Кто прикасался

къ нашей конституціи съ цѣлью поколебать ее, фатально погибалъ, — въ томъ числѣ, и Стамбуловъ. И такъ—наша задача: сохранить въ цѣлокупности народную самостоятельность и все, достигнутое и утвержденное народною волею, но въ то же время, во что бы то ни стало, склонить къ себѣ отторгнутыя симпатіи Россіи, признательность къ которой живетъ въ каждомъ болгарскомъ сердцѣ; ея не знаетъ развѣ лишь ничтожная кучка отъявленныхъ негодяевъ, людей безъ совѣсти и отечества.

Мнѣніе Петковича повторяли мнѣ сотни разъ десятки людей, изъ разныхъ сословіій—купцы, доктора, адвокаты—и изъ разныхъ городовъ: изъ Варны, Рушука, Силистріи, Тырнова, Систова и т. д.—люди, впервые встрѣчавшіеся между собою, но единодушно сходящіеся во взглядахъ.

— Не думайте, чтобы это была перемѣна направленія, — говорилъ молодой варнинскій врачъ Т. (Кіевскаго университета). — Всегда всѣ такъ думали. Но... мы народъ нетвердый. Палка и деньги одолеваетъ болгарина. А Стамбуловъ, нельзя не сознаться, пользовался ими мастерски, да и убѣждать онъ умѣетъ! Огромный талантъ, гнусно направленный, но огромный! Столкнули его, наконецъ, вздохнули легче, и всѣ заговорили...

А когда я, посѣтивъ митрополита Климента, завелъ съ нимъ рѣчь о руссофильской партіи, владыка прервалъ меня словами:

— Какая руссофильская партія? Нѣтъ такой въ

Болгаріи! Есть цѣлый руссофильскій народъ, который разныя злонамѣренныя партіи стараются отучить отъ любви къ Россіи, но безуспѣшно. Народъ—вотъ наша партія!

До сихъ поръ Стамбуловъ говорилъ съ видомъ искренно и глубоко убѣжденнаго человѣка, увѣреннымъ, твердымъ голосомъ, съ открытымъ, яснымъ взглядомъ. Но затѣмъ глазки его какъ-то и скрытно, и насмѣшливо забѣгали по сторонамъ; интонаціи сдѣлались неувѣренными.

— Они тамъ, эти новые гг. министры, приготовляются судить меня. Пускай судятъ, пускай. Только за что? вотъ вопросъ. Они не найдутъ ни одного факта, ни одного документа, который бы допустилъ мое осужденіе. Все, что я дѣлалъ, я дѣлалъ для блага Болгаріи. Нѣтъ правительства безъ злоупотребленій. Говорятъ, Стамбуловъ—извергъ, Стамбуловъ—звѣрь: долу Стамбулова! Однако, гдѣ люди, кого я мучилъ или истязалъ лично? Я никогда не ударилъ собственноручно ни одного человѣка. А что дѣлалось по участкамъ—виновать ли я въ томъ? Я не могъ разбирать людей, ихъ у насъ немного; если я иногда бралъ людей изъ дикой массы, то потому, что на нее можно было положиться,—это были болгары, а не партизаны того или другого коновода, готовые, въ угоду своимъ честолюбивымъ шефамъ, продать и меня, и князя, и Болгарію. Наша интеллигенція—дрянь,—рѣзко рванулъ онъ.—Много ли въ ней людей, не побывавшихъ послѣдова-

тельно во всѣхъ партіяхъ? Сегодня выгодна одна, завтра другая,—гдѣ хорошо, тамъ и отечество. То, что творится въ нашихъ образованныхъ классахъ, у васъ только въ Тушинѣ бывало! Такъ ужъ лучше имѣть дѣло съ простецами, чѣмъ съ перевертнями, хотя простецы и грубы и буйны иной разъ. Наконецъ, и въ этомъ отношеніи я имѣю оправданіе: я не создавалъ своей собственной полицейской бригады—я принялъ всю каравеловскую полицію съ ея привычками и традиціями. Вы слышали поговорку „если бы не сопы (палки) Радославова?“ знаете его уличную кличку—„сопаджія—сойката“ (палочникъ—ворона)? Радославовъ заслужилъ ее, задолго до того, какъ судьба поставила меня у власти. Я унаслѣдовалъ порядки моихъ предшественниковъ и, даю вамъ слово, многое смягчилъ, а не ухудшилъ. Кто докажетъ, чтобы я заставлялъ истязать людей? Я не отвѣчаю за грубость и дикость своихъ подчиненныхъ. Было бы смѣшно требовать отъ перваго министра отвѣтственности за кулакъ подкаса. Скажутъ: зачѣмъ я не смѣнялъ виноватыхъ? Пусть бы мнѣ указали, кого поставить на ихъ мѣсто. Что же дальше? Сейчасъ я палъ. Когда падаетъ министръ, падаютъ и его подчиненные. Однако побѣдители что-то не торопятся мѣнять моихъ людей и назначать своихъ. Знаете—почему? Потому что имъ не откуда взять ихъ. Болгарія не такъ богата людьми, чтобы ихъ хватало на всѣ наши превраты!

За исключеніемъ послѣдняго замѣчанія и, пожа-

луй, указанія, что болгарскіе полицейско-административныя приемы были жестоки и дики и до его „воцаренія“, Стамбуловъ лгалъ безсовѣстно. „Свободное Слово“ въ это же самое время уличало эксъ-диктатора именно въ фактахъ собственноручной кулачной расправы, а „лукановское дѣло“ дало богатый новый матеріалъ для такихъ обличеній. Въ оплеухахъ и затрещинахъ сознаваться не сладко, однако я самъ видалъ депутатовъ народнаго собранія, которые, преодолевъ ложный стыдъ, рассказывали о личныхъ оскорбленіяхъ, полученныхъ ими отъ стамбуловской руки. Одинъ изъ такихъ обиженныхъ. нѣкто Писаревъ, всегда носилъ въ карманѣ клочекъ своей курчавой черной бороды, выданный при допросѣ по миларовскому процессу (объ убійствѣ Бельчева) собственными пальцами Стамбулова.

— Когда его, подлеца, будутъ жечь, я этимъ клочкомъ подпалю костеръ,—съ непримиримою злобою въ глазахъ говорилъ обиженный...

— Что же дальше? Что я очень люблю женщинъ? Пускай даже такъ. Но это мое личное дѣло, а не государственное. Я не тянулъ къ себѣ бабъ неволей, никого не обижалъ; въ крайнемъ случаѣ, я ихъ покупалъ,—грубо отрубилъ Стамбуловъ.

Здѣсь я долженъ опять остановиться. Эта фраза эксъ-диктатора, когда я напечаталъ ее въ „Новомъ Времени“, вызвала жестокое негодованіе въ софійскомъ обществѣ.

— Во-первыхъ,—волновался, напримѣръ, ми-

нистръ торговли Тончевъ,—хорошъ государствен-
ный мужъ и семейный челоуѣкъ, который не стыдится,
съ такимъ откровеннымъ цинизмомъ, заявить на
весь свѣтъ, что онъ покупаетъ женщинъ для своего
разврата. Во-вторыхъ, даже и это его заявленіе—
ложь, даже и эта гадость прикрашена! Между уго-
ловными дѣлами, заявленными на г. Стамбулова, по
падении его, частными лицами, огромный процентъ
приходится на обвиненія именно въ изнасилованіи и
обольщеніи. Покупаль! Очень можетъ быть, что онъ да-
валъ своимъ жертвамъ деньги, очень можетъ быть, что
онъ даже и брали деньги... Но хороша покупка, если
покупателемъ является всевластный тиранъ, кому
стоитъ сказать слово,—и братъ, мужъ, отецъ непо-
корной ему женщины, и сама она очутятся въ за-
стѣнкѣ Черной Джаміи или пятаго участка. Онъ
вымогалъ женскій позоръ грозой и нравственнымъ
насилиемъ, а не покупалъ его,—лжетъ онъ и клеве-
щетъ на болгарскихъ женщинъ! Между ними, слава
Богу, нѣтъ еще продажныхъ.

Стамбуловъ продолжалъ.

— Въ денежномъ отношеніи я готовъ дать от-
четъ въ каждой копейкѣ. Я имѣлъ неограниченное
право распоряжаться государственною казной, одна-
ко моя отчетность безупречна. Меня упрекаютъ
въ моемъ богатствѣ. Оно не такъ велико, какъ дума-
ютъ. Да я и всегда имѣлъ состояніе; промѣнять адво-
катуру на министерство было, повѣрьте, невыгодною
сдѣлкою, при условіяхъ моей огромной практики!..

Если будутъ судить меня, то на скамьѣ подсудимыхъ должны явиться вмѣстѣ со мною и наши настоящіе министры. Всѣ они когда-нибудь работали вмѣстѣ со мною, подѣ моимъ президентствомъ... всѣ! Режимъ мой никогда не мѣнялся, я велѣ всегда одинаковую внутреннюю политику и одинаковыми средствами. Слѣдовательно, если я виноватъ теперь, то былъ виноватъ и—когда они шли за мною; будучи равноправными со мною министрами, они допускали мой образъ дѣйствій, находили его возможнымъ,—значить, и они были преступны вмѣстѣ со мною, и ихъ надо судить. X

Однако, наканунѣ моего свиданія съ Стамбуловымъ, министръ Тончевъ говорилъ мнѣ по этому поводу совсѣмъ другое:

— Я былъ не только сотрудникомъ, но и интимнымъ другомъ Стамбулова въ эпоху его начинаній. Я считалъ его націоналистомъ, героемъ истиннаго возрожденія болгарскаго народа, возрожденія къ самостоятельному прогрессу и самостоятельной политикѣ, безъ чужой опеки, чужихъ помочей и пеленокъ. Но его противоконституціонныя выходки, его деспотическій, не признающій никакого контроля, образъ дѣйствій, его оскорбительное высокомеріе, желаніе стать выше всѣхъ людей и законовъ, скоро показали мнѣ, что идти за Стамбуловымъ значить идти къ гибели своей страны и къ своей собственной. Я ушелъ отъ него въ оппозицію, по долгу честнаго человѣка,—признаюсь, съ самымъ нехо-

рошимъ чувствомъ къ своему бывшему шефу. У него есть талантъ обращать со временемъ своихъ сторонниковъ, особенно интеллигентныхъ, въ заклѣтыхъ враговъ. Вы спрашиваете, есть ли формальная возможность судить г. Стамбулова? По моему мнѣнію, такую возможность представляетъ каждое дѣйствіе его режима; каждое дѣло министерскаго архива—доказательство его виновности. Онъ не могъ сдѣлать шага, чтобы не насмѣяться надъ конституціей. Просто—точно болѣзнь какая-то, противоконституціонный психозъ! Поводы къ политическому процессу можно выбирать, зажимуивъ глаза. Стамбуловъ безотчетно, по простымъ роспискамъ, забиралъ по два, по три милліона левовъ изъ государственной казны на употребленія, ему одному извѣстныя. Факты истязаній, интернированія, изгнаній доказаны: любого достаточно, чтобы, дозволившій себѣ подобные поступки, министръ очутился на скамьѣ подсудимыхъ. Стамбуловъ не стѣснился подвергнуть военной экзекуціи, не угодившее ему, село Садино на цѣлый мѣсяцъ. По конституціи, это дозволяется въ одномъ лишь случаѣ: если село, завѣдомо властямъ, укрываетъ у себя разбойниковъ. А, разумѣется, никакихъ гайдуковъ въ Садинѣ не было,—оно пострадало исключительно за оппозицію лично-стамбуловскому требованію. Посадить Стамбулова на скамью подсудимыхъ можно, когда угодно, и, надо полагать, что, однажды сѣвши на нее, Стамбуловъ уже не сойдетъ съ нея иначе, какъ осужденнымъ государственнымъ преступникомъ.

Во второе свое посѣщеніе Болгаріи, когда Стамбулова не было уже на свѣтѣ и память его поне-
многу стиралась въ умахъ людей, я не разъ слы-
шалъ въ Софіи мнѣніе даже въ правительственныхъ
кругахъ:

— Убили Стамбулова очень жестоко, но все-таки
для него лучше, что его убили. Изъ своего процес-
са онъ не вынесъ бы головы. Со скамьи подсудимыхъ
ему была одна дорога—на висѣлицу, по слѣдамъ
тѣхъ, кого онъ самъ безвинно перевѣшалъ.

Обвиненія въ денежномъ хищничествѣ, взводи-
мая на Стамбулова, были огромны. Предполагали,
что Стамбуловъ положилъ въ банкъ на свое имя
240.000 франковъ—секретныя безотчетныя суммы
годового бюджета двухъ министерствъ—внутрен-
нихъ и иностранныхъ дѣлъ. Кабинетъ Стоилова
сдѣлалъ ему запросъ объ этихъ суммахъ, но не
получилъ никакого отвѣта.

Изъ реализованной въ счетъ внѣшняго займа
у Laenderbank' а, суммы въ 65.000.000 фр. Стамбуло-
вымъ израсходовано 32.000.000 фр. Единственнымъ
активомъ противъ этого пассива была выставлена
крохотная желѣзнодорожная линія къ рудникамъ
на турецкой границѣ. Концессионнымъ способомъ
эту линію разные европейскіе и мѣстные пред-
приниматели брались построить за 3.000.000 фр.
Предположивъ даже, что избранный хозяйственный
способъ постройки оказался значительно дороже,
положимъ, въ 5.000.000 фр.,—спрашивается: куда же

дѣвалось 27.000.000 фр.? Впослѣдствіи Стамбуловъ оправдывался тайною покупкою оружія въ Австріи и Англіи,—и все это опять-таки безконтрольно, чуть ли не безъ всякихъ документовъ, съ отчетами „на честное слово“. Свою огромную частную полицію, шпіоновъ, палочниковъ и т. д. Стамбуловъ содержалъ на государственный счетъ. Въ бюджетѣ есть фондъ въ 500.000 фр.—на преслѣдованіе и истребленіе въ странѣ разбойниковъ. Этотъ фондъ Стамбуловъ счелъ возможнымъ употребить на преслѣдованіе и истребленіе своихъ противниковъ. При контролѣ, израсходованныхъ въ этомъ фондѣ, суммъ происходили весьма комичныя сцены.

— Вамъ слѣдуетъ 500 франковъ... однако, сколько намъ извѣстно, вы софійскій обыватель и никогда изъ Софіи не выѣзжали. Какъ же это вы въ Софіи преслѣдовали разбойниковъ?

— Разбойниковъ? какихъ разбойниковъ? Зачѣмъ разбойниковъ? Я стражарь Степана Николаевича, а никакихъ разбойниковъ знать не знаю и вѣдать не вѣдаю.

Чиновничество стамбуловщины крало и грабило налѣво и направо, какъ попало. Стамбуловъ не только зналъ, что крадутъ, но и давалъ понимать хищникамъ, что знаетъ,—чтобы всегда держать ихъ въ рукахъ.

— Миѣ извѣстно твое преступленіе. Берегись и благодари Бога и меня, что ты еще не въ Черной Джаміи.

Время отъ времени онъ вырывалъ изъ этой рабской толпы какую-нибудь случайную жертву—„берущую не по чину“—и отдавалъ подъ судъ. Это наводило страхъ на остальныхъ. Они не боялись ни Бога, ни людей, но боялись Степана Николаевича. Они смѣялись надъ закономъ и совѣстью, но трепетали предъ стамбуловскимъ произволомъ.

Стамбуловъ откровенно говорилъ:

— Мнѣ невыгодно держать на службѣ честныхъ людей. Они слишкомъ самостоятельны, и мнѣ не чѣмъ заставить ихъ плясать по своей дудкѣ...

Что „людей“ въ Болгаріи мало и нельзя дѣлать изъ нихъ слишкомъ строгаго выбора для государственной службы,—въ этомъ Стамбуловъ былъ совершенно правъ, какъ и въ насмѣшливомъ замѣчаніи: почему стоиловское правительство не въ состояніи смѣнить съ занимаемыхъ ими постовъ чиновниковъ, бывшихъ на его, Стамбулова, службѣ. Мало того, что не откуда было выбрать — безспорно, и боялись удалять. Опасались массовымъ удаленіемъ уволенныхъ увеличить партію стамбуловцевъ, недовольныхъ переворотомъ. Политика эта оказалась довольно мудрою. Провинціальные служаки Стамбулова, увидавъ, что ихъ не трогаютъ съ мѣста, совершенно равнодушно приняли вѣсть о паденіи своего патрона и стали служить новому начальству столь же усердно, какъ служили старому. Но мириться съ составомъ стамбуловской администраціи и быть за нее отвѣтственнымъ, разумѣется,

не могло взять на себя долгаго обязательства никакого правительство.

— Если бы вы знали,—говорилъ мнѣ Петковичъ,—какимъ людямъ раздавалъ Стамбуловъ отвѣтственные должности! Въ лучшемъ случаѣ, они не имѣли другихъ достоинствъ, кромѣ слѣпой исполнительности, стихійной силы, готовой, по хозяйскому приказу, выливаться въ какія угодно формы, дѣлать, что велятъ, не разбирая ни средствъ, ни цѣлей. А еще чаще попадали къ власти и завѣдомые негоды, мучители изъ любви къ искусству, палачи по призванію. Пора очистить Болгарію отъ этой коросты!...

— Правительство!—иронизировалъ Стамбуловъ предо мною,—хорошее, прочное правительство! Они всѣ ненавидятъ другъ друга. Объединило ихъ, создало, изъ обломковъ разныхъ партій и фракцій, это правительство пресловутой народной партіи, конечно, не убѣжденіе. Они сплотились изъ ненависти ко мнѣ. Развѣ я не знаю, что всѣ они уже злобятся другъ на друга? Я знаю все, что дѣлается въ министерствахъ. И, какъ только я перестану быть имъ страшенъ, какъ только они, въ торжествѣ своемъ, успокоятся,—они перегрызутся и станутъ устроить политическіе скандалы и перевороты... Какая прочная опора для трона!..

Князь Фердинандъ горячо отрицалъ мнѣ эти предположенія павшаго министра, говоря, что Стамбуловъ слишкомъ много беретъ на себя. Однако,

Стамбуловъ былъ правъ. Да и многія предсказанія его сбылись въ скорости и буквально. Едва правительство обезопасило себя отъ стамбулистовъ, принявъ соглашеніе съ людьми умѣренно руссофильской окраски, сойдясь съ духовенствомъ и народомъ, министерство подверглось жестокой чисткѣ, и непріятные Стоилову доктринеры, Радославовъ и Тончевъ, оказались за бортомъ. Значить, князю Фердинанду и Стоилову они были нужны лишь для того, чтобы они были съ правительствомъ, а не со Стамбуловымъ, и до тѣхъ поръ, пока послѣдній не сойдетъ вовсе на нѣтъ. Они должны были быть съ правительствомъ лишь затѣмъ, чтобы не быть противъ него. Что касается ненависти къ нему, какъ единого цемента партій, эксъ-диктаторъ былъ опять правъ. Характеръ Стамбулова и тяжелая рука его были слишкомъ хорошо знакомы Болгаріи. Всякій, попадавшій къ власти, въ первое время послѣ него, цѣплялся за нее всѣми, зависящими отъ него, средствами, хотя бы уже только для того, чтобы, отступя съ своей тропинки, не открыть доступъ на нее Стамбулову. Потому что Стамбуловъ—снова у власти—явился бы тигромъ, вырвавшимся изъ клѣтки въ толпу зрителей, которые долго и беспощадно его дразнили и мучили. Желая ссорить своихъ торжествующихъ побѣдителей, „Свобода“, органъ Стамбулова, не постѣснилась прибѣгнуть даже къ открытой клеветѣ на человѣка, совершенно непричастнаго болгарской политикѣ. Въ Софіи жилъ г. Васи-

ліій Водовозовъ, сынъ извѣстнаго русскаго педагога корреспондентъ одной изъ петербургскихъ газетъ нынѣ уже покойной „Русской Жизни“. На этого г. Водовозова, весьма симпатичнаго и правдиваго молодого человѣка, „Свобода“ взвела поклепъ, будто Водовозовъ получилъ отъ министра Начевича личныя увѣренія, что, едва установится порядокъ, Тончевъ и Радославовъ будутъ выкинуты за бортъ, какъ балластъ кабинета. Поклепъ былъ правдоподобень. Ехидная выдумка взволновала софійское общество. Министры стали объясняться и переругались, такъ что, дѣйствительно, кабинетъ едва не рухнулъ. Стамбуловъ, говорятъ, много хохоталъ надъ этою исторіею. Дѣло въ томъ, что,—хотя Начевичъ не говорилъ г. Водовозову о Тончевѣ и Радославовѣ ни одного слова, да, кажется, и въ глаза его не видывалъ,—но Тончевъ и Радославовъ, дѣйствительно, были обречены на паденіе. Стамбуловъ зналъ это, и ему надо было пустить черную кошку между своими врагами—устами, по возможности, нейтральными. Выборъ его палъ на русскаго корреспондента. Корреспонденту „Berliner Tageblatt'a“ Стамбуловъ подчеркнулъ вражду между Тончевымъ и Радославовымъ. Миѣ онъ пророчилъ стоилговскую измѣну князю и отечеству. Словомъ, всѣмъ и каждому изъ правительства, начиная съ князя, Стамбуловъ старался передать черезъ людей печати что-либо непріятное и опасное про своихъ враговъ, а его временныхъ товарищей и союзниковъ. Старый принципъ Макіавели: *divide et impera!*

— Они думаютъ,—смѣялся Стамбуловъ,—что я не прочь бы эмигрировать. Нѣтъ, я останусь въ странѣ. Я хочу слѣдить за ними, какъ будутъ они подготавливать народное собраніе. Я не думаю, чтобы могъ опять взяться за государственныя дѣла, стать у власти, сдѣлаться первымъ министромъ. Но я не могу позволить сѣсть свою партію. Говорятъ: стамбуловской партіи нѣтъ. Тогда позвольте: зачѣмъ же преслѣдуютъ людей, бывшихъ со Стамбуловымъ, преданныхъ Стамбулову? Каковы бы ни были эти люди, они служили опредѣленному порядку, служили власти. А у нихъ есть ли власть? Помилуйте! Я—теперь уже простой гражданинъ, съ такими же правами, какъ и всякій въ Софін,—не могу показаться изъ дома, чтобы уличные мальчишки не оскорбили меня свистками, криками „долу“... И они не властны оградить отъ этихъ безобразій своего бывшего товарища! Ну, Богъ не безъ милости, не я первый падаю! Падали министры до меня, будутъ падать и послѣ меня... Тогда они поймутъ, какъ позволить толпѣ разнуздываться! Возвращаюсь къ вопросу объ эмиграціи. Я имѣлъ въ этомъ смыслѣ намекъ изъ дворца, гдѣ, хоть я и палъ, будутъ жалѣть, если я сдѣлаюсь жертвою злобы „народной партіи“... Нѣтъ, я не поѣду! Я останусь въ Софін или уберусь въ мой родной городъ Тырновъ, но за границу не сдѣлаю шага... можетъ быть, отправлю своихъ дѣтей въ Италію.

На другой день послѣ разговора со Стамбуло-

вымъ, меня посѣтилъ софійскій начальникъ почтъ и телеграфовъ, Иванъ Петровичъ Стояновичъ. Я спросилъ у него, насколько можно вѣрить искренности этихъ намѣреній Стамбулова. Г. Стояновичъ засмѣялся.

— Стамбуловъ, ѣдущій въ Тырново! Вы немножко видѣли нашу провинцію. Ненависть къ его тиранніи тамъ сказывается съ большею яростью, чѣмъ въ Софіи. Онъ и здѣсь-то, можетъ быть, живъ только потому, что правительство держитъ въ комендантскомъ управленіи полуроту солдатъ, всегда готовую защитить Стамбулова, если бы народъ вздумалъ броситься на домъ его. Онъ цѣль потому, что правительство благоразумно стало между нимъ и народною яростью. Но въ провинціи я за голову Стамбулова не поставлю ни гроша. Если его откроютъ, ему не доѣхать до первой станціи: разорвутъ въ куски. Развѣ правительство дастъ ему цѣлый полкъ конвоемъ, чтобы нельзя было добраться до коляски. Въ тотъ же день, когда онъ выйдетъ изъ-подъ полицейскаго надзора,—онъ къ вечеру покойникъ! Вы бы видѣли, что дѣлалось на Левской 21-го мая, когда Стамбуловъ ѣздилъ прощаться съ княземъ...

Это былъ первый выѣздъ павшаго министра послѣ переворота. Условлено было, во избѣжаніе уличныхъ сценъ, что онъ пріѣдетъ во дворецъ тайно и экстренно, какъ бы нечаянно. Это удалось. Но, проѣзжая во весь опоръ мимо большого Софійскаго бульвара, Стамбуловъ былъ признанъ кѣмъ-то изъ гуляющихъ.

Вѣсть, что онъ у князя, съ быстротою молніи облетѣла весь городъ и, пять минутъ спустя, огромная площадь передъ дворцомъ, садъ и Левская улица превратились въ живой муравейникъ. Толпа ревѣла, проклинала, пѣла патріотическія пѣсни. Полиція, отчаявшись сохранить порядокъ, прибѣгла къ хитрости: поставила городскихъ какъ бы для расчистки пути Стамбулову по Левской улицѣ; вниманіе толпы сосредоточилось на нихъ. Тѣмъ временемъ, Стамбуловъ, окольнымъ путемъ, вскачь помчался къ своей квартирѣ.

— Други! Насъ надули,—крикнулъ кто-то, и народъ бросился догонять или, переулками, пустился наперерѣзъ ускользнувшей-было жертвѣ. Догнали. Стамбуловъ былъ смертельно блѣденъ отъ злобы или отъ страха, кто его знаетъ. Извинительно, если и отъ страха, потому что было чего испугаться.

— Въ клѣтку тебя! Въ клѣтку!—ревѣла толпа... Свистали, грозили палками, плевали въ коляску...

Одинъ студентъ, недавняя жертва стамбуловскаго интернированія, вскочилъ на подножку экипажа и при восторженныхъ рукоплесканіяхъ разъяренной толпы, плюнулъ прямо въ лицо своего врага...

— Счастье, что удалось повезти его окольнымъ путемъ,—говорила полиція.—Все-таки здѣсь было меньше народа, чѣмъ на Левской улицѣ. По ней Стамбуловъ врядъ ли доѣхалъ бы живымъ.

Когда онъ добрался домой, то, говорятъ, затопалъ ногами на встрѣтившаго его полицейскаго чиновника.

— Куда вы смотрите? Что дѣлаете? Народъ распустили, мерзавцы! Я васъ перевѣшаю!

— Попробуйте!—дерзко возразилъ полиціантъ.

Это былъ уже ударъ ослинаго копыта, но... заслуженный!.. Самъ Стамбуловъ фразу о перевѣшаніи отрицалъ, утверждая, будто онъ сказалъ только:

— Я вамъ еще покажу себя!

Кромѣ непосредственной ненависти къ Стамбулову лично, сцена эта имѣла подкладкою и угрожающую демонстрацію по адресу князя Фердинанда — въ своемъ родѣ, первое предостереженіе: дескать, не вздумай вернуть и снова посадить намъ на шею „тиранина и блудника“. — вотъ, ты видишь, какъ мы къ нему относимся. Дѣло въ томъ, что и провинція, а отчасти и Софія не сразу повѣрили въ искренность князя Фердинанда, по вопросу объ удаленіи Стамбулова, и довольно долго предполагали, что отставка всемогущаго министра — результатъ искусственнаго давленія на князя, преимущественно, со стороны княгини Маріи-Луизы. Участіе княгини въ переворотѣ было значительно преувеличено молвою, а затѣмъ австрійскою пресою, которая съ легкой руки одного интервьюера, явившагося въ Софію отъ „Neue Freie Presse“, провозгласила принцессу Марію-Луизу центромъ оппозиціонной партіи, агитаторшей противъ Стамбулова. Совсѣмъ не то. Антипатія молодой и симпатичной принцессы была, безспорно, одною изъ главнѣйшихъ причинъ паденія „тиранина и блудника“. Но

противодѣйствіе ея Стамбулову было не активно агитаціоннаго характера, а чисто женское, пассивное противодѣйствіе, противъ котораго, правду сказать, труднѣе всего выстоять... Вы имѣете нужнаго человѣка, дорожите имъ, боитесь его, вамъ съ нимъ трудно разстаться; но, если ваша жена будетъ уходить изъ дома всякій разъ, какъ „нужный человѣчекъ“ въ домъ вашъ входитъ.—недолго продержитесь вы за нужнаго человѣчка.

Сомнѣніе въ томъ, что искусственно отстраненный отъ власти Стамбуловъ можетъ опять вернуться къ ней, угнетало страну.

— Онъ такъ хитеръ и богатъ, такъ смѣлъ и нахаленъ,—говорили мнѣ на Дунаѣ. Есть у него зубы, есть... Покуда онъ живъ, Болгарія—подъ вѣчнымъ страхомъ его тиранніи. Что его судить? Онъ умнѣе своихъ судей и богаче. Онъ и обойдетъ ихъ, и купитъ. У насъ въ Болгаріи палкою и деньгами можно сдѣлать, что угодно. Чтобы пропали змѣиные зубы,—надо, чтобы пропала змѣя.

— Вы хотите сказать...

— Убить его слѣдуетъ,—вотъ что.

А одинъ старикъ прямо не вѣрилъ, что Стамбуловъ палъ.

— Какъ можно?—спросилъ онъ, качая головою,—кто его свалитъ? Нѣтъ, намъ съ нимъ вѣкъ вѣковать... Что вы мнѣ говорите: „князь его отставилъ?“ Онъ и князя сожретъ... Захочетъ, и самъ княземъ будетъ.

Словомъ какъ въ старой баснѣ: „сплыньѣ кошки звѣря нѣтъ“.

— Бѣда въ томъ,—говорилъ мнѣ другой старикъ-депутатъ,—что князь до сихъ поръ убѣжденъ, будто Стамбуловъ—честнѣйшій человѣкъ и лучшій болгаринъ. Первая неудача правительства, и Стамбуловъ можетъ снова очутиться у власти. А это будетъ ужасно, потому что онъ не забудетъ ненависти, которую проявилъ народъ при его отставкѣ. Я думаю, онъ самъ не ожидалъ, что такъ опостылѣлъ странѣ. Да и шутка ли! вѣдь у рѣдкаго изъ насъ нѣтъ родственниковъ, подвергнутыхъ интернированію, эмигрантовъ, изгнанниковъ. Меня два раза истязали, того томили въ тюрьмѣ, этого такъ стѣснили полицейскимъ надзоромъ, что онъ предпочелъ удавиться... Люди пропадали безъ вѣсти. Переодѣтые брави, какъ въ средневѣковой Италіи, производили необъяснимыя убійства. Возможно ли при другомъ режимѣ, не стамбуловскомъ, такое нахальное преступленіе, какъ убійство Бельчева? Такая пощечина правосудію, какъ миларовскій процессъ? Родные боялись розыскивать своихъ исчезнувшихъ братьевъ, племянниковъ, дядей, потому что черезчуръ смѣлыхъ легко постигала та же участь. Гдѣ собиралось трое пріятелей, четвертымъ подходилъ шпионъ. Сосѣдъ, поссорившись съ сосѣдомъ, мстилъ ему доносомъ, и доносъ являлся не только обвинительнымъ актомъ, но и приговоромъ. Неосторожное слово о Стамбуловѣ,—и человѣка истязали, сажали

въ тюрьму, интернировали въ глушь... И вы еще удивляетесь, что мы имѣемъ видъ школьниковъ, выпущенныхъ послѣ уроковъ! Посмотрѣли бы вы первый день нашей свободы... Люди цѣловались на улицахъ, какъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье!.. И представьте, что это блаженство не надолго, опять эта мрачная тѣнь, эта желѣзная когтистая лапа... Ну, а, впрочемъ, разъ добытыя блага дешево назадъ не уступаются... Вернется Стамбуловъ,— пусть правительство пеняетъ на себя: страна отвѣтитъ революціей.

Самыми рьяными оппозиціонерами Стамбулову были такъ называемые „поборники“, т. е. участники въ русско-турецкой войнѣ за освобожденіе Болгаріи. Окруженные всеобщимъ почетомъ, они пользуются въ населеніи огромнымъ вліяніемъ. Это—какъ въ Италіи: всюду первыя мѣста—гарибальдійцамъ. Стамбуловъ, сознавая ихъ авторитетъ, старался привлечь ихъ на свою сторону, въ чемъ и успѣлъ у человѣкъ сорока. Но общая поборническая масса осталась непреклонно вѣрна своимъ убѣжденіямъ. Есть легенда, будто въ свое время Стамбуловъ хотѣлъ отдѣлаться отъ митрополита Климента путемъ тайнаго убійства. Но поборники, предвидя покушеніе, предупредили, что, если съ митрополитомъ приключится бѣда, не сдобровать самому Стамбулову. Этотъ рѣшительный ультиматумъ заставилъ тирана одуматься. Поборники явились вождями противостамбуловскихъ ми-

тинговъ по всей провинціи. Бурныя демонстраціи достигли цѣли. Въ грозные софійскіе дни 18—21-го мая правительство было принуждено убѣдиться, что отнынѣ для него слова: Стамбуловъ и революція,—будутъ имѣть одинаковое значеніе. Революція же противъ Стамбулова—революція противъ австрійскаго режима, противъ Австріи и Болгаріи. Австрійскому принцу, князю Фердинанду поставленъ былъ выборъ: что спасать въ Болгаріи? себя или Австрію?—идти впередъ съ народомъ или противъ народа? Онъ рѣшился спасти себя и пойти съ народомъ.

Рѣшился,—нельзя не согласиться съ противниками князя Фердинанда,—очень осторожно, на ощупь, оставивъ себѣ, на всякій случай, лазейку къ примиренію съ Стамбуловымъ, если бы оказалось, что послѣдній,—какъ залугивалъ онъ ранѣе своего государя—дѣйствительно, силенъ въ народѣ и въ состояніи заставить правительство вернуть его къ власти. Лазейкою явился княжескій рескриптъ наипшему министру, написанный въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ, и едва было не погубившій новорожденной популярности князя Фердинанда. Въѣхавъ новому министерству, князь сомнѣвался въ его прочности. Втайнѣ не долюбивая ни Стоилова, какъ друга цанковистовъ, ни Радославова, какъ друга каравелистовъ, принцъ не могъ не бояться, что рано или поздно, а не обойтись ему снова безъ Стамбулова. И правою рукою давалъ эксъ-диктатору

пинка въ шею, а лѣвою гладилъ его по головкѣ: кто тебя знаетъ? можетъ, и пригодишься. Но—когда настроеніе умовъ въ Болгаріи вполнѣ выяснилось, Стамбуловъ оказался политическимъ мертвецомъ, а рескриптъ князя — вѣнчикомъ, положеннымъ ему на лобъ, чтобы съ честью проводить его въ могилу. Князь видѣлъ передъ собою въ будущемъ порядочный рискъ, а въ настоящемъ полную неопредѣленность положенія. Стамбулова надо сплавить, а люди должные и обязавшіеся его замѣнить не могутъ сразу столкнуться и составить кабинетъ. Это былъ первый сюрпризъ князю со стороны, призванной къ власти, „оппозиціи“ послѣ того, какъ Стамбуловъ подалъ въ отставку, но она еще не была принята принцемъ. Извѣстно, что министерство 18 мая сладилось лишь подъ угрозою полковника Петрова объявить,—въ случаѣ, если гг. министры *in spe* долго будутъ мѣшкать организаціей кабинета,—военную диктатуру. Князь чувствовалъ, что играетъ въ темную на крупный кушъ, имѣя противъ себя опредѣленные и сильные шансы, а за себя—очень шаткіе и еще не выясненные: Богъ знаетъ, что въ прикупкѣ... хорошо, если сильная картина, а вдругъ —одинъ „жиръ“? Необходимости давать Стамбулову хвалебный рескриптъ, пожалуй, не было, но возможность дать была, и возможность,—въ трудномъ положеніи князя Фердинанда,—извинительная.

Самъ Стамбуловъ относился къ рескрипту—какъ, впрочемъ, и ко всему въ то время, что исходило

отъ князя Фердинанда—довольно презрительно, по крайней мѣрѣ, на словахъ:

— Зачѣмъ мнѣ его похвалы? Я всѣмъ своимъ успѣхомъ обязанъ лично себѣ, — говорилъ онъ мнѣ,—но долженъ прибавить: и счастьемъ. Оно всегда стояло за меня. Иностранные дипломаты, вмѣшиваясь въ наши дѣла, хотѣли мнѣ вредить и вмѣсто того помогали. О нашихъ политикахъ не стоитъ и говорить: они своими глупостями неизмѣнно играли мнѣ въ руку. Меня искали убить и, вмѣсто меня, убили другого,—это исторія Бельчева... Счастье дало мнѣ власть. Я *смиль хотѣть*, чего не посмѣютъ мои преемники. Я имѣлъ возможность принять отвѣтственность за судьбу Болгаріи лично на себя—предъ цѣлымъ свѣтомъ: предъ Европой, предъ враждебной Россіей... и страна дозволила это. Рисковать ли на то гг. Стоиловъ, Радославовъ и ихъ партизаны? Нѣтъ, у нихъ нѣтъ авторитета и силы. Пять мѣсяцевъ—вотъ сколько срока даю я для ихъ существованія. Въ вопросѣ о вѣроисповѣданіи престолонаслѣдника все было противъ меня: страна, духовенство, печать, моя собственная партія... Я былъ одинъ. Но я заставилъ вычеркнуть 38-й пунктъ. Чѣмъ? Моимъ личнымъ авторитетомъ, общественнымъ признаніемъ моей необходимости. Я взялъ портфель подъ мышку:—Если 38-й пунктъ будетъ существовать,—я не ручаюсь, что князь найдетъ невѣсту и оснуетъ династію; не ручаясь за это, я не могу оставаться у власти, я уйду... Мнѣ поко-

рились. Пропасть между Россіей и Болгаріей расширилась на много саженой. Я далъ Болгаріи династію и честно служилъ ей. Пятнадцать разъ просилъ я князя объ отставкѣ... пятнадцать разъ! и пятнадцать разъ онъ молилъ меня удержать портфель. Теперь—совершенно неожиданно—ему угодно было принять мою отставку... что-жъ? государи не всегда бываютъ благодарны и благоразумны. Но неблагодарность и неблагоразуміе не проходятъ людямъ даромъ. Я сохранилъ бы престолъ князю, а его новые друзья продадутъ его при первомъ выгодномъ случаѣ. Потерявъ меня, онъ потерялъ престижъ. Онъ отдалъ себя въ руки предателей. Я не далъ ему въ руки много власти, но со мною онъ процарствовалъ бы до конца своей жизни. Теперь же онъ не сегодня-завтра будетъ скитаться по Европѣ, какъ Александръ Баттенбергъ. Когда этимъ господамъ—Стоиловымъ и К^о—придется туго, они не задумаются выкупать свои головы его головою. Ему не слѣдовало принимать моей отставки...

Вотъ когда Стамбуловъ, дѣйствительно, много бралъ на себя. Онъ такъ привыкъ самъ къ неограниченной власти, что никакъ не могъ представить себѣ, чтобы и другіе становились къ кормилу правленія просто для правленія, безъ мечтаній о всевластной диктатурѣ. Онъ,—быть можетъ, самый антиконституционный политическій дѣятель конца XIX вѣка,—забывалъ одно: что смѣнившій его Стоиловъ, въ противоположность ему, рѣдкій представитель строгаго консти-

туціоналізма, вѣрноподанный „короля-народа“, готовый исполнить волю своего многомилліоннаго повелителя, хотя бы воля эта шла въ разрѣзъ съ его личными взглядами и симпатіями. Народъ звалъ правительство къ Россіи. Князь Фердинандъ внялъ зову и пошелъ. Пошелъ за нимъ,—можетъ быть, на первыхъ порахъ скрѣпя сердце, но съ обычною корректностью,—западникъ и бывшій австрофилъ Стоиловъ. Въ результатъ, на зло пророчествамъ Стамбулова, колебавшійся тронъ князя Фердинанда стоитъ теперь прочно — не шелохнется, а Стоиловъ премьерствовалъ цѣлое пятилѣтіе безсмѣнно — для Болгаріи чудо чудное, диво дивное!

Любопытно, что, подтвердивъ мнѣ неожиданность своей отставки, Стамбуловъ, спустя нѣсколько недѣль послѣ нашего разговора, заявилъ корреспонденту газеты „Berliner Tageblatt“ совершенно обратное, выставляя въ доказательство справедливости своихъ словъ именно какъ разъ тѣ же факты: что, во-первыхъ, онъ „пятнадцать разъ подавалъ въ отставку“ (въ разговорѣ со мною это, какъ читатель видѣлъ, служило доказательствомъ для совсѣмъ противнаго); во-вторыхъ, что предъ отставкою онъ демонстративно отсутствовалъ на встрѣчѣ князя съ молодой княгиней, когда они вернулись въ Софію изъ Эбенталя. Совершенно вѣрно: и подавалъ, и отсутствовалъ. Но какое же это возраженіе? Въ отставку Стамбуловъ просился—всякій разъ, зная навѣрняка, что князь ее не приметъ,

что князь считаетъ его крестомъ своимъ, но безусловно необходимостью для себя. Да и выбиралъ онъ для просьбъ такіе трудные моменты, когда, пожалуй, и впрямь былъ необходимъ. Отсутствовалъ на встрѣчѣ Стамбуловъ по болѣзни, приславъ князю, вмѣсто себя, въ высшей степени умильное посланіе. Да и не было ли это демонстративное отсутствіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, и мѣрою пугнуть князя? Вѣдь было время, когда Фердинанду было втолковано, что Стамбуловъ—все, что онъ только и держится Стамбуловымъ, что за Стамбулова—народъ, что вражда со Стамбуловымъ—погибель для династїи. Князь чувствовалъ себя княземъ не „Божіей милостью и волею народною“, а прихотью Стамбулова. И вотъ этотъ всемогущій Стамбуловъ демонстративно протестуетъ противъ княжеской четы, не желаетъ ее встрѣтить... Ахъ, какой ужасъ! Надо скорѣе умило-стивить Стамбулова, согласиться на всѣ его возможные и невозможные требованія, принести ему извиненія. Мы видѣли, какъ выразился бухарестскій дипломатъ объ отношеніяхъ князя и Стамбулова—именно по поводу отсутствія его при встрѣчѣ: политическіе люди приняли это извѣстіе за знакъ, что плохо-то приходится не Стамбулову, а князю Фердинанду, и были не мало удивлены экстреннымъ паденіемъ перваго.

Окончательно ослѣпилъ Стамбулова отказъ князя принять его отставку послѣ скандальной савовской исторїи, въ корень погубившей перваго ми-

нистра въ глазахъ княгини Маріи-Луизы, — женщины честнѣйшихъ убѣжденій и высоко-нравственнаго образа мыслей. Она, какъ уже указано, никогда не симпатизировала Стамбулову — вразрѣзъ съ свекровью своею, знаменитою принцессою Клементиною, которая его поддерживала и видѣла въ немъ единую опору Фердинандова трона. Но, послѣ савовской исторіи, Маріи-Луиза прямо уже возненавидѣла перваго министра. Она выходила изъ дворца всякій разъ, какъ пріѣзжалъ къ князю Стамбуловъ, не желая оставаться подъ одной кровлею съ человѣкомъ котораго считала врагомъ страны, династіи, воплощеніемъ всяческихъ насилій и разврата. Однако, на практикѣ это принципіальное отвращеніе сперва ничѣмъ не сказалось. Жена военнаго министра Савова, опозоренная Стамбуловымъ и его шайкой, хотя и потерпѣвшая, была вычеркнута изъ списковъ порядочнаго общества. Савовъ вызвалъ Стамбулова на дуэль, — Стамбуловъ отъ дуэли отказался, а Савовъ былъ ославленъ сумасшедшимъ и потерялъ министерскій портфель, переданный Стамбуловымъ, на горе свое, энергичному и честолюбивому полковнику Петрову.

Стамбуловъ — тоже для вида — подавалъ въ отставку, но тогда-то онъ ужъ навѣрное зналъ, что ея не примутъ: была эпоха, когда ему въ послѣдній разъ улыбнулось счастье, и онъ даже едва-едва не поправилъ своей утраченной репутаціи борца за національную идею — побѣдою надъ греками въ во-

просѣ о болгарскихъ епископахъ въ Македоніи. Словомъ, былъ одинъ изъ моментовъ, когда Фердинандъ чувствовалъ сильнѣе, чѣмъ когда либо: этотъ разбойникъ позоритъ меня, но онъ геній и необходимъ. И, хотя скандализованный (извѣстна его рѣзкая телеграмма Стамбулову изъ Эбенталя), онъ взглянулъ на Савовскую исторію сквозь пальцы. Тогда Стамбуловъ рѣшилъ:

— Если я даже эту передѣлку пережилъ, значитъ, я непоколебимъ.

Но... есть анекдотъ о шулерѣ, который, благополучно передернувъ короля червей, даму пикъ и шестерку трефъ, вдругъ совершенно неожиданно былъ выброшенъ въ окно за бубновую девятку. Нѣчто подобное произошло и со Стамбуловымъ.

Бубновою девяткою Стамбулова оказались роковыя настоянія его на военномъ положеніи. Онъ споткнулся на камнѣ, о который издавна запинались ноги весьма многихъ политическихъ Васекъ Буслаевыхъ—диктаторовъ воинственныхъ, но не военныхъ: на арміи.

Романъ съ m—me Савовою оказался для Стамбулова фатальнымъ не скандальною огласкою своею, но тѣмъ косвеннымъ послѣдствіемъ, что на мѣсто удалившагося Савова военнымъ министромъ былъ назначенъ полковникъ Рачо Петровъ, пресловутый „рущукскій убійца“, подписавшій смертный приговоръ друзьямъ своимъ и однокашникамъ Узунову и Панову за руссофильскій заговоръ. Креатура

Стамбулова, Петровъ былъ слѣпымъ исполнителемъ его воли, пока не сѣлъ въ министерскія кресла, но тутъ показалъ свои когти. Молодой, талантливый, страшно честолюбивый, съ характеромъ жестокимъ и холоднымъ, съ желѣзною силою воли, съ кошачьею гибкостью натуры, новый министръ сразу овладѣлъ довѣріемъ князя и арміи и почувствовалъ себя во главѣ силы, рѣшающей судьбы государства. Стихійная мощь Стамбулова стала встрѣчать вѣжливый, но систематическій отпоръ въ правильной военной организаціи, руководимой Петровымъ. Стамбуловъ понялъ свою ошибку, спохватился, но было уже поздно.

Былой одесскій семинаристъ, Степанъ Николаевичъ Стамбуловъ, хотя и неоднократно проявлялъ въ дѣятельности своей признаки воинственного азарта, но арміи не зналъ, корпоративному духу ея былъ чуждъ, да, я полагаю, и не любилъ ея. Армія, съ своей стороны, не любила диктатора. Когда Стамбуловъ палъ, ни въ Софіи, ни въ провинціи—даже въ такихъ городахъ, какъ Рушукъ, гдѣ комендантомъ былъ архи-стамбулистъ Дандеревскій—войско не шевельнулось въ защиту „льва Болгаріи“. Напротивъ, въ безпорядкахъ 18 мая софійскій гарнизонъ сыгралъ, хотя нейтральную, но важную роль, весьма прозрачно покровительствуя анти-стамбуловскому движенію. Объ этомъ я расскажу нѣсколько ниже, теперь же—два слова объ отношеніяхъ между Стамбуловымъ и военнымъ міромъ.

Диктаторъ любилъ хвалиться, будто онъ сдѣлалъ армію народною.

— Самостоятельная національная обособленность Болгаріи, полное отчужденіе отъ Россіи, націонализація арміи, сильное сближеніе съ Турціей.— вотъ задачи, которыхъ я достигалъ и достигнулъ,— говорилъ онъ. мнѣ и смѣялся при этомъ:—ха-ха-ха! могъ ли я, борецъ первыхъ освободительныхъ возстаній, членъ бухарестскаго комитета, предполагать, что современемъ долженъ буду тянуть Болгарію къ союзу съ турками?

Но, национализируя армію, онъ въ то же время находилъ удобнымъ дурачить обѣщаніями за ея счетъ австрійскихъ дипломатовъ и дѣлалъ это съ такою самоувѣренностью, что даже личный другъ Стамбулова, участникъ его политическихъ и финансовыхъ операцій, австрійскій агентъ Бурьень считалъ возможнымъ поддерживать предъ своимъ правительствомъ Стамбулова въ его заносчивыхъ посулахъ—въ родѣ указаннаго уже, объ инструкторахъ. Это трактованіе арміи, какъ вещи, которою или, по крайней мѣрѣ, именемъ которой можно распоряжаться по произволу, отзывалось въ военныхъ кругахъ серьезнымъ неудовольствіемъ. Я живо помню рѣзкій отзывъ Петрова о Стамбуловѣ по этому поводу.

— Это басня!—горячился онъ,—безосновательная, нелѣпая басня. Я даже не вѣрю, чтобы она исходила отъ Стамбулова. Онъ слишкомъ уменъ и слишкомъ знаетъ Болгарію для подобнаго замысла. Онъ

долженъ понимать, что, если бы даже и затѣялъ что либо подобное, то не смогъ бы выполнить свой планъ. Какой военный министръ согласится быть проводникомъ мѣры, и до безсмыслицы ненужной и до бѣшенства оскорбительной и для него, и для арміи, и для страны? Болгарская армія считаетъ пятнадцать лѣтъ существованія. Она прошла русскую школу, вполне достаточную, чтобы охранять внѣшнее спокойствіе страны. Мы имѣемъ много офицеровъ, заявившихъ себя опытными, храбрыми и толковыми служаками. Дисциплина войскъ безупречна. Зачѣмъ намъ при всѣхъ этихъ условіяхъ иностранные инструкторы, да еще австрійскіе? Неужели наши офицеры хуже австрійскихъ? Австрійцевъ не было съ нами, когда мы били сербовъ при Сливницѣ! Мы разбили ихъ сами, съ помощью недавней русской школы: вѣдь наши учителя только что были отозваны отъ насъ. И, какъ же мы плакали, ихъ провожая! Нѣтъ, ученыхъ учить—только портить. Сажать на шею нашимъ офицерамъ иноземцевъ—и нелѣпость, и несправедливость. Армія никогда не снесла бы такой пощечины. Я первый подалъ бы въ отставку, если бы зашла рѣчь о подобной мѣрѣ.

Кое-что Стамбуловъ сдѣлалъ для арміи хорошаго и, надо отдать ему полную справедливость, сдѣлалъ сознательно, хотя, какъ оказалось потомъ, и на свою голову. Напуганный политическимъ вліяніемъ поборниковъ, памятуя военную революцію противъ Баттенберга, смущаемый армейскими заговорами

Паницы, Узунова и т. п., въ постоянномъ опасеніи офицерскаго авантюризма, онъ, чрезъ своихъ ставленниковъ-министровъ, принялся очень ловко и послѣдовательно отучать армію отъ политики и добился въ этомъ отношеніи блестящихъ результатовъ,—для себя самого, повторяю, черезчуръ блестящихъ... до неожиданности! Армія настолько выучилась видѣть въ себѣ орудіе исключительно внѣшней національной защиты, а не хозяйку внутренняго распорядка страны, что очутилась совершенно внѣ сферы партійной борьбы. II, когда Стамбулову самому понадобилось позвать ее въ партію, онъ встрѣтилъ въ военныхъ кругахъ гдѣ холодное недоумѣніе, а гдѣ—и явное негодованіе: какое моль намъ до васъ дѣло? Мы—спеціально военная корпорация, со своимъ спеціальнымъ управленіемъ, и знать не хотимъ ни иныхъ государственныхъ функцій, кромѣ тѣхъ, вершить которыя мы спеціально призваны, ни иного командирства, кромѣ того, которому мы спеціально подчинены.

Новый министръ, выдвинутый къ этому посту Стамбуловымъ—съ цѣлью поправить „ошибки“ восьмилѣтняго воспитанія арміи въ столь безупречно конституціонномъ направленіи,—совершенно обманулъ надежды диктатора. Уличная софійская кличка зоветъ Петрова „кошечкой“—„котка“. Кошечка не захотѣла таскать изъ огня каштаны для перваго министра, обжигая при этомъ свои собственные ланы. Петровъ подумалъ:

— Зачѣмъ арміи быть частью стамбуловской партіи, когда она, сама по себѣ, партія—и самая завидная, самая грозная изъ всѣхъ? Зачѣмъ я позволю г. Стамбулову распоряжаться своими судьбами, когда онъ самъ вложилъ въ мои руки власть распоряжаться его судьбою?

И, главное, теперь это ему ровно ничего не стоило. Надо было лишь исполнить долгъ истинно военного человѣка и истинно конституціоннаго гражданина, то-есть: держать армію, подчиненную Петрову, въ столь же строгомъ удаленіи отъ государственныхъ бурь, какъ завелось это до Петрова; не допускать къ распорядительству арміи никого, кромѣ себя, на то и поставленнаго княжескою волею, и спасти болгарскую боевую силу отъ превращенія въ легіоны преторіанцевъ, послушныхъ личной волѣ Стамбулова, исполнителей его личныхъ цѣлей, частныхъ задачъ. Роль эффектная, а сыграть ее—и благородно, и просто, и выгодно.

Замѣтивъ свою ошибку въ Петровѣ, Стамбуловъ сдѣлалъ одинъ изъ тѣхъ рискованныхъ политическихъ прыжковъ наудалую, какими онъ часто, въ минуты крайней опасности, бралъ верхъ надъ противниками, заставляя ихъ теряться предъ сюрпризами совершенно исключительной наглости. По болгарской конституціи, первый министръ, въ отсутствіе князя изъ страны, замѣняетъ его особу съ подчиненіемъ себѣ всѣхъ министерствъ, кромѣ военного. Стамбуловъ потребовалъ распространенія

этого параграфа и на военное министерство. Для князя Фердинанда это значило — либо безвыѣздно приковаться къ Софіи, отказавшись отъ всякихъ экскурсій въ Европу, что, по трудному его тогдашнему положенію, было совершенно немислимо; либо, уѣзжая, каждый разъ сознавать, скрѣпя сердце, что онъ оставилъ свое государство всецѣло во власти Степана Николаевича, въ безконтрольномъ его распоряженіи, съ руками, развязанными для какой угодно узурпаціи. Богъ знаетъ, на что рѣшился бы Фердинандъ, сиди на мѣстѣ Петрова другой военный министръ. Но теперь Стамбуловъ промахнулся. Увѣренный въ поддержкѣ Петрова, убѣждаемый принципою Маріею-Луизою, подстрекаемый волненіемъ народа, до котораго уже дошли отголоски дворцоваго конфликта, Фердинандъ отвергъ притязанія директора и предпочелъ принять отставку Стамбулова. Бубновая девятка была бита, шуллеръ полетѣлъ за окно.

Уличныя сцены переворота 18 мая были грозны, но, безъ косвеннаго участія въ революціи полковника Петрова, стамбуловской полиціи удалось бы задавить демонстраціонное движеніе горожанъ и студентовъ Великой Школы. Петровъ предписалъ войскамъ весьма двусмысленный вооруженный нейтралитетъ: способствуйте, молъ, прекращенію безпорядковъ, обуздывая разыгравшіяся страсти обѣихъ враждующихъ сторонъ въ равной мѣрѣ. Намъ де все равно, кто и за кого дерется. Мы — внѣшняя

оборона, а это дѣла внутреннія. Такъ оно и случилось... на словахъ и бумагѣ. На дѣлѣ же войска, страннымъ образомъ, опаздывали становиться между народомъ и агентами Стамбулова всюду, гдѣ народъ одолѣвалъ полицію, и моментально появлялись тамъ, гдѣ полиція одолѣвала народъ. Кучка мальчугановъ срывала вѣвѣски съ именемъ Стамбулова на улицѣ, впослѣдствіи переименованной, вмѣсто Стамбуловской, въ „Улицу 18-го мая“. Полиція схватила шалуновъ и заключила плѣнниковъ въ страшной памяти нятый участокъ. Толпа хлынула ихъ освобождать. Участокъ осадили. Жандармы дали залпъ. Толпа отвѣчала градомъ камней. Явились войска; солдаты раздѣлили осажденныхъ и осаждающихъ тѣсною стѣною. Жандармы потеряли возможность стрѣлять по толпѣ, а революціонеры продолжали швырять камни черезъ головы солдатъ, которые отъ души смѣялись этому нелѣпому бою—междоусобию съ дозволенія начальства. Потерявъ терпѣніе, жандармы ринулись было, сквозь солдатскіе ряды, на вылазку. Войска не препятствовали до перваго револьвернаго выстрѣла. Чуть Стамбуловскіе агенты взялись за привычные имъ револьверы, солдаты загородили народъ грудью и, пустивъ въ ходъ приклады, загнали стамбуловцевъ обратно въ участокъ.

Тѣмъ временемъ, какъ на Софійскихъ улицахъ разыгрывались подобныя сцены, во дворцѣ все было полно и надеждъ, и сомнѣній. Князь, въ нерѣшительности, сидѣлъ за письменнымъ столомъ. Предъ

нимъ лежала стамбуловская просьба объ отставкѣ. На дворцовой площади гудѣла многотысячная толпа: „долу тирана, долу блудника, долу Стамбулова!“ Кто-то изъ свиты почтительно указалъ князю на народное нетерпѣніе знать, какъ рѣшится роковой вопросъ, быть или не быть министерству Стамбулова? Князь возразилъ:

— Я не могу согласиться на требованія господина Стамбулова, но не могу также уволить министерства, не зная, какъ составить новое.

Ему замѣтили:

— Ваше высочество, обыкновенно, новыя назначенія совершаются лишь послѣ того, какъ уничтожены старыя.

Князь промолчалъ. Тогда Грековъ — стамбуловецъ больше, чѣмъ самъ Стамбуловъ, и теперь, по смерти самого эксъ-диктатора, шефъ стамбуловской партіи,—будучи увѣренъ, что колебанія князя искренни, и никакъ не предполагая, что отставка Стамбулова можетъ быть принята, позволилъ себѣ сказать, повысивъ голосъ и съ заносчивою горячностью:

— Ваше высочество, рѣшайте такъ или иначе! Въ Софіи безпорядки... при такомъ положеніи дѣлъ, мы не хотимъ удерживать наши портфели.

Нахальство Грекова переполнило чашу, давно полную съ краями.

Князь поблѣднѣлъ, смѣрилъ Грекова долгимъ взглядомъ, молча взялъ перо и подписалъ от-

ставку. Грековъ былъ такъ пораженъ, что присѣлъ на мѣстѣ...

Министерство еще не было составлено. Стоиловцы торговались съ каравелистами и никакъ не могли сторговаться... всѣ партіи боялись другъ друга, правительство шаталось. Тогда-то именно Рачо Петровъ и прислалъ къ Стоилову своего адъютанта съ наставленіемъ, что нельзя испытывать народное терпѣніе и оставлять страну безъ правительства, и въ предупрежденіе, что, если въ теченіе двухъ часовъ онъ, Петровъ, не получитъ списокъ новаго кабинета, то вынужденъ будетъ къ *pronunciamento* и объявить военную диктатуру. Эта энергическая мѣра прекратила споры. Получить на свою шею новаго Стамбулова, горше прежняго, да еще вооруженнаго грозною силою сливническихъ штыковъ, никто не желалъ. Хоть плохо, да сговорились на скорую руку. Создалась, изъ обрывковъ разныхъ партій, лыкомъ шитая, на живую нитку сметанная, „народная партія“, надъ которою такъ зло издѣвался потомъ Стамбуловъ. Объявлено было народу выдѣленное ею министерство Стоилова. Народъ принялъ его съ восторгомъ. Ему было все равно, кто,—только бы не Стамбуловъ.

Когда Стамбуловъ, послѣ прощальной аудіенціи у князя, возвратился домой, проѣхавъ сквозь строй народнаго волненія, подъ крики, насмѣшки, брань, угрозы толпы, между нимъ и княземъ произошелъ слѣдующій разговоръ по телефону:

— Ваше высочество, бунтовщики, подученные моими врагами—вашимъ новымъ министерствомъ, угрожаютъ мнѣ смертью, хотятъ разграбить мой домъ.

Князь отвѣчалъ горько и язвительно:

— Успокойтесь, Степанъ Николаевичъ, я уже просилъ гг. Стоилова, Радославова и Начевича принять мѣры къ охраненію васъ отъ вашего народа.

Въ поясненіе этой фразы, надо напомнить вновь, что сильнѣйшимъ козыремъ въ игрѣ Стамбулова съ княземъ была его фальшивая манера держать Фердинанда въ увѣренности, будто Степанъ Николаевичъ необычайно популяренъ въ болгарскомъ народѣ: вся де нація за него, а противъ него лишь ничтожная кучка честолюбивыхъ крикуновъ, реакціонеровъ-русофиловъ и неблагонадежныхъ антидинастическихъ партизановъ. Для этого стамбуловская полиція выбивала изъ населенія благодарственные адреса диктатору, организовала искусственные митинги, разсылала телеграфическія привѣтствія, хвалы и одобренія, сфабрикованныя по участкамъ. Въ „Софійскомъ житьѣ-бытьѣ“ рассказано, какую важную роль сыграла измѣна диктатору государственнаго телеграфа, въ роковой день 18 мая.

Отвѣтъ князя поразилъ Стамбулова. Онъ растялся и, вопреки обычной своей находчивости, не сумѣлъ ничего отвѣтить, кромѣ:

— Хорошо, ваше высочество, очень хорошо... Благодарю, ваше высочество, очень благодарю.

Впослѣдствіи, Стамбуловъ увѣрялъ, что благодарность его была ироническою.—Врядъ ли: ему приходилось въ это время туго—недо ироніи. Вообще, опамятовавшись отъ перваго погрома, онъ усиленно старался доказать, что въ дни переворота ничуть не струсилъ. Но сотни очевидцевъ единогласно свидѣтельствовали миѣ, что онъ совершенно потерялъ голову. Да и трудно было не потерять. Стамбуловъ зналъ, что у него врагамъ счета нѣтъ, но все же, кажется, самъ не подозрѣвалъ всей силы народной ненависти, какую воспиталъ онъ въ странѣ, и оцѣнилъ грозную полноту ея, лишь когда полетѣлъ въ пропасть и не нашелъ ни соломинки, за которую бы ухватиться, погибая. Струсить въ такой моментъ не стыдно. Не всѣмъ же дано быть эпическими римлянами.

Первые годы бытія самостоятельной Болгаріи—богатый матеріалъ для историческихъ романистовъ будущаго, а Стамбуловъ и князь Фердинандъ—безспорно, интереснѣйшіе изъ всѣхъ героевъ болгарскихъ драмъ. Отношенія ихъ между собою—любопытнѣйшее и общественно-политическое, и психологическое явленіе. Разъ мы стоимъ у момента, когда Фердинандъ и Стамбуловъ явились въ особенно обостренномъ противопоставленіи одинъ другому, остановимся нѣсколько на этихъ отношеніяхъ, одинаково характерныхъ и для болгарскаго государя, и для его министра.

Европейскій дипломатъ, котораго я въ этомъ

очеркъ уже неоднократно цитировалъ, рисовалъ мнѣ, въ объясненіе долгой пассивности князя подъ стамбуловскимъ гнетомъ, такую картину.

— Принцъ — европеецъ, а Болгарія — изрядная Азія. Она еще не успѣла отвыкнуть отъ турецкаго наслѣдія, авторитета кулака и палки. У Фердинанда ни воли, ни власти бить кулакомъ и палкой не было, а, чтобы утвердиться, кулакъ и палка были ему необходимы. Вотъ вамъ и вся тайна его покорности Стамбулову. Стамбуловъ, который, случись ему стать ренегатомъ, могъ бы сдѣлаться первымъ человѣкомъ въ исламѣ—онъ рожденъ для власти на восточный манеръ, — оборудовалъ для принца огромное дѣло: онъ вколотилъ Кобурга въ Болгарію, какъ гвоздь въ стѣну. Процессъ былъ острый, не могъ не возбудить ненависти, но, какъ показали теперь послѣдствія,—не противъ вколоченнаго гвоздя, а противъ мастера, который его вколачивалъ. Пока князь чувствовалъ себя слабымъ, онъ терпѣлъ, если Стамбуловъ въ своемъ азартѣ,—онъ весь сотканъ изъ азарта,—задѣвалъ и его. Окрѣпъ, кулакъ и палка стали ненужны—вонъ ихъ! Старая хлѣбъ-соль забывается. Стамбуловъ мнилъ себя чуть ли не державцемъ, а на дѣлѣ былъ просто игрушкою политическаго Witz'a. Надо было очень надѣяться на себя—вотъ именно, какъ самонадѣянъ Стамбуловъ,—чтобы этого не замѣчать. Онъ считалъ князя ничтожествомъ, а ничтожество, какъ Сикстъ V, въ одинъ прекрасный день, выпрямилось и заговорило.

барскимъ тономъ:—Ты мой слуга, я тобою недово-
ленъ, пошелъ вонъ!

Что князь Фердинандъ, въ душѣ, убѣжденный
абсолютистъ,—старинное обвиненіе его враговъ. А
Стамбулова иные удачно характеризовали, какъ
анархиста, ставшаго тираномъ. Стремленіе къ не-
ограниченной власти было сильно у обоихъ—у Фер-
динанда, умѣренное воспитаніемъ европейскаго прин-
ца, тактомъ, званіемъ конституціоннаго государя;
у Стамбулова — разнузданное до истинно-семинар-
скаго бѣснованія. Одесская бурса успѣла таки по-
рожить свое „помяловское“ клеймо — печать Горо-
благодатскихъ, Аксютокъ, Бенелявдовыхъ, — на по-
лудикаря, котораго капризъ судьбы сдѣлалъ впо-
слѣдствіи полудержавнымъ властелиномъ цѣлаго
славянскаго народа.

Помимо долгой взаимной необходимости, Стам-
булова могла соединять съ Фердинандомъ и нѣко-
торая фантастичность, свойственная натурамъ обо-
ихъ. Авантюристъ, ставшій первымъ министромъ, и
молодой государь, брошенный имъ на путь полити-
ческаго авантюризма, — щадимые Европою, оставлен-
ные безъ вниманія, на произволъ судьбы русскимъ
царемъ, — въ упоеніи властью, наперерывъ строили
воздушные замки — широкіе планы, огромные замы-
слы. Болгарія имъ была тѣсна, хотѣлось ее рас-
ширить. Для князя Фердинанда то былъ періодъ
Sturm und Drang'a, необходимый въ каждой веснѣ —
какъ житейской, такъ и политической.

Стамбуловъ, по присоединеніи Румеліи, тотчасъ же принялся за интриги въ Македоніи. А при свиданіи со мною, онъ высказалъ не маленькую мысль, что—разъ всѣ и каждый въ Европѣ добиваются Константинополя, отчего же не попробовать въ этомъ направленіи счастья и болгарамъ? Причемъ даже прямо указалъ на Кобурга, какъ на человѣка съ честолюбіемъ, способнымъ посягнуть на такую огромную цѣль. Высказалъ онъ это въ весьма громкихъ словахъ:

— Меня утѣшаетъ одно сознаніе: я сдѣлалъ, что могъ. Я всегда работалъ для одной Болгаріи. Ни одна иностранная держава, не только Россія, не можетъ указать, чтобы я поступился для нея хоть шагомъ въ области болгарскихъ интересовъ. Я отвѣчалъ Трикупису—первому министру греческаго королевства—на его предложеніе тройственнаго раздѣла Македоніи: если вы думаете, что болгарскій элементъ въ Македоніи—посторонній, попробуйте владѣть ею безъ раздѣла; если же болгарскій элементъ тамъ свой—Македонія должна быть нашей. Я готовъ разорваться за каждую пядь земли, тронутую болгарскою пятою. Вы, русскіе, видите въ Болгаріи ключъ къ Константинополю. Кто будетъ владѣть Константинополемъ, тотъ станетъ и повелителемъ великаго балканскаго государства, которое должно будетъ тогда создаться самою силою вещей. Я не имѣю ни малѣйшаго желанія, чтобы эта сила попала въ русскія руки. Наше государство молодо, не-

велико, но... есть же и у него какое-нибудь счастье! Почему знать? Можетъ быть, именно намъ и суждено пробиться къ Босфору и сыграть тамъ историческую роль... Это загадка будущаго.

Все это, конечно, очень похоже на старинную пѣсенку:

Malbrough s'en va-t-en guerre,
Dieu sait, quand reviendra.

Полковникъ Петровъ расхохотался, когда я сообщилъ ему замыслы Стамбулова повторить подвиги царя Симеона.

— Добираться до Константинополя? намъ? съ какими же силами? Господинъ Стамбуловъ каждому говоритъ что-нибудь такое, что должно произвести эффектное или странное впечатлѣніе, удивить, озадачить, заставить задуматься надъ новостью идеи. Какъ будто все дѣло въ томъ, чтобы дойти до Константинополя и занять его! Константинополь взять не трудно, но—кто въ состояніи его удержать? И такія предположенія строятся для Болгаріи, не имѣющей ни флота, ни средствъ его построить!

Здѣсь будетъ умѣстно привести личное мнѣніе князя Фердинанда о Стамбуловѣ, высказанное мнѣ послѣ 18 мая, опредѣляющее въ то же время, какое участіе принималъ въ событіи самъ князь.

— Я ничуть не перемѣнился къ Стамбулову послѣ его паденія, какъ думаютъ нѣкоторые,—говорилъ князь. — Воображаютъ, будто я былъ съ

нимъ очень близокъ. Нѣтъ, между нами давно уже были только официальные встрѣчи. Но, такъ какъ онъ былъ первымъ министромъ, то, естественно, встрѣчи эти были чаще, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь другимъ. Да, я относился къ нему всегда такъ, какъ отношусь теперь. На мой взглядъ, его энергія и упрямство принесли, въ разное время, много добра Болгаріи. Онъ, несомнѣнно, способствовалъ развитію въ болгаряхъ національнаго самосознанія и націоналистической политики. Онъ очень уменъ, очень талантливъ, хотя и слишкомъ крутъ и жестокъ. Въ свое время онъ былъ не только полезенъ—былъ необходимъ. Но Стамбулова испортило сознаніе своихъ заслугъ и своей силы. Онъ сдѣлался капризенъ, какъ женщина, онъ не выносилъ противорѣчій и много разъ подавалъ въ отставку. Я не считалъ возможнымъ ее принять, пока видѣлъ въ Стамбуловѣ чловѣка послѣдовательнаго. Но этого не было въ послѣдніе годы, и особенно въ 1893—1894 гг. Наоборотъ, онъ дѣйствовалъ какъ-то внезапно, точно подъ вліяніемъ минутныхъ вдохновеній. Минутнымъ вдохновеніямъ нельзя ввѣрять судьбы страны молодой и неустановившейся. И потомъ, онъ вѣчно хотѣлъ срывать игру угрозами своей отставки... Я предупреждалъ Стамбулова: смотрите, г. Стамбуловъ, можетъ выйти такое совпаденіе обстоятельствъ, что вы опять должны будете подать въ отставку, а я — ее принять... Онъ не слушалъ. И вотъ такое совпаденіе нашло себѣ мѣсто

— Предполагалъ ли Стамбуловъ, что ваше высочество примете отставку? — спросилъ я.

— Нѣтъ, не предполагалъ, — рѣшительно заявилъ князь. — Онъ былъ очень изумленъ, и плодъ этого изумленія — софійскіе беспорядки 18 мая. Господинъ Стамбуловъ, — сказалъ князь не безъ горечи, — могъ бы уйти съ политической арены тихо, съ достоинствомъ, но, вѣря въ свое обаяніе въ народѣ, онъ предпочелъ уйти съ шумомъ. Какъ видите, онъ наказанъ за самообольщеніе: скандалъ демонстраціи упалъ на его голову...

Что князь Фердинандъ, хотя и горько разочарованный въ Стамбуловъ, былъ крайне недоволенъ скандаломъ, сопровождавшимъ его паденіе, можно вѣрить. Ни одному монарху не доставляло наслажденія убѣждаться воочію въ революціонныхъ способностяхъ своего народа, да еще такихъ блестящихъ, какъ проявили софійцы. Притомъ же, хотъ за отставку Стамбулова князь Фердинандъ и былъ прославленъ „вторымъ освободителемъ Болгаріи“, но, — такъ какъ послѣдняя управлялась восемь лѣтъ Стамбуловымъ не отъ своего, а отъ князя Фердинанда имени, — то вышло по видимости, какъ будто князь освободилъ ее отъ самого себя въ прошломъ, давая какія-то покайныя программы на будущее. И народъ волненіемъ противъ Стамбулова выразилъ князю рѣзкое порицаніе за прошлое, снисходительно принявъ будущую программу, — такъ сказать, выражаясь парламентскимъ языкомъ, выразилъ до-

вѣріе правительству, хотя и сильно скомпрометтированному.

Что дворъ князя Фердинанда желалъ сбыть павшаго Стамбулова за границу, тоже весьма вѣроятно. Потерявъ власть, Стамбуловъ сталъ ужасно лишнимъ въ Софіи. Точно какое-то пугало — не то, что страшное, а неприличное — стѣснительное и надоедливое. Завѣдомый врагъ, котораго надо мало, что терпѣть, — еще сторожить и оберегать: того гляди, станется съ нимъ что-нибудь неладное... и что тогда скажетъ Европа? Его оскорбятъ, — за него отписывайся! Его убьютъ—за него отвѣчай! Мы его береги, а онъ себѣ, припѣваячи, будетъ сидѣть у моря да ждать погоды, строя козни, заговоры, фабрикуя новую революцію... Тѣмъ не менѣе, я не думаю, чтобы Стамбуловъ говорилъ искренно, когда передавалъ мнѣ, будто съ презрѣніемъ отклонилъ предложеніе тайнаго бѣгства въ чужіе края. Онъ и радъ бы имъ воспользоваться, какъ правительство радо бы сбыть его съ рукъ, да нельзя было: желанія двора разошлись съ желаніями министерства, которое, сгоряча, рѣшилось было исполнить требованіе народной Немезиды—судить отставленнаго диктатора. Кромѣ государственнаго суда, на голову Стамбулова обрушились десятки частныхъ обвиненій въ разныхъ уголовныхъ дѣлахъ и дѣлишкахъ; онъ очутился на положеніи подслѣдственнаго преступника, не посаженнаго въ предварительное заключеніе лишь по трусости властей. За нимъ былъ учреж-

день негласный полицейскій надзоръ. Въ провинцію его, правда, отпустили бы, но мы видѣли, что значило для Стамбулова отправиться въ провинцію. Стамбуловъ очутился въ глупѣйшемъ положеніи. Внутри страны ѣхать нельзя—убьютъ, вонъ изъ страны—не позволяютъ. Оставалось сидѣть въ Софіи и *faire bonne mine au mauvais jeu*, притворяясь, что сидитъ онъ по собственной своей доброй волѣ, въ защиту друзьямъ и на страхъ правительству. Выходило—въ родѣ извѣстной побасенки:

— Медвѣдя поймалъ!

— Веди его сюда!

— Да онъ меня не пускаетъ!

Изъ всѣхъ корреспондентовъ, говорившихъ въ то время съ Стамбуловымъ, я имѣлъ то случайное преимущество, что, явившись первымъ, засталъ эксъ-диктатора въ искреннемъ раздраженіи недавнею катастрофою, которая вызывала его къ болѣе обычной откровенности. Предо мною онъ не скрывалъ, что поймалъ медвѣдя, который его не пускаетъ. Онъ прозрачно намекалъ, что—съ судомъ или безъ суда—онъ, на болгарской территоріи, челоуѣкъ погибшій. Онъ собирался бѣжать; говорятъ, бѣжалъ даже, переодѣтый въ старушечье платье, но былъ узнанъ и водворенъ восвояси.

— Объ одномъ жалѣю, что его, негодая, не фотографировали тогда!—злорадствовалъ политиканъ, сообщавшій мнѣ эту легенду.

Задержавъ Стамбулова въ Софіи, правительство,

когда остыли первые восторги побѣды, весьма скоро поняло однако, что и оно по отношенію къ Стамбулову поставлено не лучше, чѣмъ Стамбуловъ къ нему: оно тоже поймало медвѣдя, котораго никуда не поведешь, ибо онъ не пускаетъ. Судить Стамбулова, какъ выяснялось со дня на день все ярче и ярче, было немыслимо: судъ надъ нимъ, — это онъ говорилъ правду, — явился бы судомъ и надъ всѣмъ правительствомъ князя Фердинанда до самого князя включительно. Съ другой стороны, обѣщанный сгоряча судъ сдѣлался уже надеждою народною: его ждали, его требовали, — замять его, замолчать было невозможно. Нельзя судить, а надо судить! Толпа видѣла затрудненія власти и относилась къ нимъ съ непріязненною подозрительностью. Выпустить Стамбулова за границу стало совсѣмъ невозможно; за нимъ слѣдила во всѣ глаза ненависть оскорбленной и ограбленной націи. Итакъ, сидѣли они, волею или неволею прикованные на одну и ту же цѣпуру, и смотрѣли другъ на друга ненавистными глазами — Стамбуловъ, смущенный невѣдѣніемъ, что съ нимъ сдѣлають, а правительство, смущенное невѣдѣніемъ, что съ нимъ сдѣлать. И обѣ стороны храбрились.

Выходъ изъ затрудненія представлялся одинъ: могила.

Уѣзжая въ 1894 году изъ Болгаріи, я предсказывалъ печатно, что, не зная, какъ отдѣлаться отъ „стамбуловскаго вопроса“, бывшаго диктатора, вѣро-

ятно, отправятъ *ad patres* путемъ таинственнаго по-
кушенія. Пророчество оправдалось, къ сожалѣнію,
какъ по писанному: ровно черезъ годъ, 3/15 іюля 1895 г.
Самбуловъ былъ изрубленъ, въ двухъ шагахъ отъ
Union-Club, тремя неизвѣстными лицами—засвѣтло,
только что не средь бѣла дня, почти на глазахъ
полиціи, не ударившей палець о палець, чтобы по-
мочь своему бывшему шефу. Три дня спустя, ти-
ранъ скончался въ страшныхъ мученіяхъ. Онъ самъ
зadolго предчувствовалъ свою участь.

— Меня убьютъ!—вырвалось у него среди раз-
говора со мною. Онъ понималъ, что больше съ нимъ
нечего дѣлать его политическимъ побѣдителямъ.

Убійцы Самбулова,—собственно говоря, всѣмъ
знакомые незнакомцы,—остались фактически без-
наказанными, да, пожалуй, даже и не уличенными.
Иначе и быть не могло, ибо ни правительству, ни
народу не было рѣшительно никакой нужды въ
наказаніи людей, разрубившихъ своимъ преступле-
ніемъ Гордіевъ узелъ болгарской политики. Всякій
понималъ, что смерть Самбулова, единовременно, и
частное, и политическое убійство: и личная месть, и
судъ Линча, казнь самосуда народнаго. Убить
стоило,—и убили, и скрыли убійць, не справляясь
о правахъ, о законѣ, какъ у насъ въ деревняхъ
пришибаютъ конокрадовъ и за грѣхъ того не счи-
таютъ. Какъ трудно было провести даже формальное
слѣдствіе по самбуловскому процессу, рассказано
въ „Софійскомъ житьѣ-бытьѣ“. Въ Черной Джаміи и

видѣлъ одного изъ убійць Стамбулова—Боно Георгиева. Впослѣдствіи онъ, хотя и осужденный, очутился, милостью властей, на свободѣ и оказался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ эмиссаровъ болгарскаго революціоннаго комитета въ Македоніи.

Смерть Стамбулова и, послѣдовавшія за похоронами его, бурныя демонстраціи взволновали умы во всей Европѣ. Кто убилъ? обсуждалось съ горячностью всею европейскою прессою мѣсяца два, если не болѣе. Въ государствахъ тройственнаго союза и въ Англіи Стамбуловъ, въ качествѣ заклятаго руссофоба, былъ весьма популяренъ. Такъ какъ въ это время уже назрѣвало болгаро-русское примиреніе, и въ Петербургѣ гостила депутація, отправленная болгарскимъ народомъ на поклонъ государю императору, вѣиская печать, а вслѣдъ за нею и Берлинъ зашумѣли было, что убійство Стамбулова—дѣло рукъ руссофильской партіи: Болгарія де поклонилась Россіи головою Стамбулова. Авторитетное слово князя Бисмарка разбило эту глупую клевету. Тогда тяжесть обвиненія перевалили на плечи князя Фердинанда. Вопреки крикамъ о томъ стамбулистовъ и въ особенности вдовы Стамбулова, можно съ увѣренностью утверждать, что —изъ всего болгарскаго правительства,—князь менѣе всѣхъ могъ быть причастенъ къ смерти своего отставнаго министра.

Въ преступленіяхъ, не лишенныхъ политической окраски, роковой уголовный вопросъ—*cui prodest*,—играетъ особо важное значеніе. И въ этомъ — прямое

противопоказаніе клеветѣ на князя Фердинанда. Зачѣмъ было ему убивать Стамбулова, обезвреженнаго, подѣ судомъ, безъ частной полиціи своей — одного противъ цѣлаго народа-антистамбулиста, противъ цѣлой арміи, слѣпо повинующейся полковнику Рачо Петрову, вопросъ о подчиненіи котораго стамбуловской диктатурѣ и вызвалъ переворотъ 18-го мая? Что касается до угрозъ письмами, яко бы компрометирующими принца Фердинанда, пущенныхъ одно время въ ходъ Стамбуловымъ, теперь хорошо извѣстно, каковы были эти письма. На первыхъ порахъ по прибытіи въ Болгарію, князь не сразу стряхнулъ съ себя „австрійскаго поручика“ и не только пожуровалъ нѣсколько болѣе, чѣмъ слѣдуетъ государю страны, но и писалъ шуточные записки объ этихъ похожденияхъ участнику своего жуирства, Стенану Стамбулову, предполагая, что, какъ водится между порядочными людьми, записки уничтожаются и, во всякомъ случаѣ, не увидятъ свѣта. А Стамбуловъ пряталъ „документы“ въ шкатулку на всякій случай... Компрометировать князя письмами этими политически Стамбуловъ, конечно, не могъ, но Болгарія — страна пуританская, на кутежъ и донъ-жуанство смотреть косо, и устроить легонькій скандальчикъ князю онъ былъ бы въ состояніи. Что касается „политическихъ документовъ“, одинъ изъ приближенныхъ къ Фердинанду, пользующихся его довѣріемъ, придворныхъ увѣрялъ меня:

— Такихъ у Стамбулова не было и не могло быть. Князь не вѣрилъ Стамбулову, боялся его и не могъ дать ему въ руки оружія противъ себя. И если стамбуловская партія когда-либо огласитъ какіе нибудь политическіе документы отъ имени князя, первую моею мыслью будетъ: „это подлогъ!“—подлогъ въ родѣ пресловутыхъ русскихъ бумагъ Якобсона и, можетъ быть, именно его же рукъ мастерство.

Стамбуловъ долженъ былъ скоро умереть—и непременно насильственной смертью, и зналъ это самъ. Онъ наобидѣлъ слишкомъ много людей, убилъ и намучилъ слишкомъ много невинныхъ. А его насильническіе грѣхи по бабьей части? А обманутые имъ македонцы? За нимъ всегда слѣдили мстители. Боно Георгіевъ когда-то на могилѣ Паницы, котораго онъ былъ личнымъ секретаремъ, далъ, колѣнопреклоненный, клятву зарѣзать Стамбулова. Стоило зазѣваться полиціи, чтобъ эскъ-диктаторъ погибъ. Но вотъ вопросъ: какъ она зазѣвалась—нечаянно или съ расчетомъ? стерегла и не устерегла или не стерегла вовсе? Былъ выданъ Стамбуловъ своимъ мстителямъ, или они взяли его сами? На эти вопросы, я думаю, могли бы отвѣтить только тогдашній префектъ полиціи, да, можетъ быть, г. Тюфекчиевъ... оправданный судомъ „не убійца“ Стамбулова.

— Раздѣлаться съ Стамбуловымъ?—говорилъ мнѣ въ 1894 году одинъ каравеловецъ,—да ничего нѣтъ

проще! Когда правительству надоѣстъ это бѣльмо на глазу, оно сниметъ полицейскій надзоръ и уведетъ роту солдатъ, слѣдующую за домомъ Стамбулова, во избѣжаніе народныхъ безпорядковъ. Словомъ, оставитъ Стамбулова одного, лицомъ къ лицу съ обиженными имъ людьми. А затѣмъ—за голову Стамбулова я не поставлю ни одного лева.

Въ самомъ дѣлѣ, подумать только, что, едва паль Стамбуловъ, какъ на него было заявлено болѣе семидесяти жалобъ лишь за насильственные дѣйствія надъ женщинами, не считая насилій имущественныхъ!.. Были люди, которые боялись его—и падшаго—вѣроятно, по правилу, что

Змѣя израненая злѣе,
Чѣмъ невредимая змѣя.

— Что тамъ еще судить его?—выражали мнѣніе даже вполне интеллигентные люди, съ европейскимъ образованіемъ,—онъ ловокъ, вывернется, пожалуй. Его низверженіе—полумѣра. Надо было его убить.

— Какъ? Вы говорите—убить? Не выслушавъ, не давъ оправдаться?

— Эхъ! Говорилъ же Стамбуловъ народному собранію, что будетъ управлять Болгаріей по внутреннему убѣжденію... ну, и спровадить его можно по внутреннему убѣжденію!

При подобномъ настроеніи народномъ, понятно, что похороны Стамбулова превратились въ неописуемый скандалъ. Полиціи и войскамъ пришлось вооруженною силою отражать толпу, ринувшуюся въ

атаку на погребальную процессію. Хотѣли разбить гробъ и выбросить покойника въ болотистый ровъ. Перелуганное духовенство чуть не бѣгомъ бѣжало до кладбища, гдѣ закипѣла отчаянная свалка, сопровождаемая яростными демонстраціями противъ представителей державъ, дружелюбныхъ Стамбулову. Пострадали и безъ вины виноватые: сербскаго и румынскаго агентовъ сбили съ ногъ и ходили по нимъ, какъ по паркету. Князь Фердинандъ былъ въ это время въ Карлсбадѣ. Его адъютантъ явился въ домъ Стамбулова съ выраженіемъ высочайшаго соболѣзнованія,—адъютанта не приняли. Тогда князь прислалъ вдовѣ Стамбуловой сочувственную телеграмму,—она отвѣчала градомъ дерзостей, открыто обвиняя правительство въ убійствѣ мужа. Что за человѣкъ жена Стамбулова, трудно опредѣлить съ точностью. При жизни мужа, она совершенно исчезала за его—колоссальною для Болгаріи—фигурою. О ней какъ-то совсѣмъ не говорили. Къ его безобразнымъ любовнымъ похожденіямъ она относилась съ равнодушіемъ истинно восточной гаремной женщины, для приличія дѣлая видъ, что не вѣритъ слухамъ. Даже савовская исторія не вывела ее изъ этого искусственного безразличія. Въ Софіи говорятъ о ней скорѣе хорошо, чѣмъ дурно. Любила она Стамбулова, кажется, до безумія и, по убійствѣ его, превратилась въ яростную тигрицу, жаждущую мести и крови охотниковъ, умертвившихъ ея самца... Въ процессѣ убійцы Стамбулова

она вела себя геройски. Когда я прїѣхалъ на февральскія торжества, мнѣ бросился въ глаза траурный флагъ на одномъ домѣ: оказывается, подняла его--демонстративно противъ примиренія съ Россіей--вдова Стамбулова. Софійцы пожимали плечами и говорили:

— Вбалмошная баба!

Что убило Стамбулова болгарское правительство, она кричитъ до сихъ поръ.

Болѣе умѣренные стамбулисты говорили о попустительствѣ. Самъ Стамбуловъ, умирая, указывалъ, что его убили „князь, Тюфекчиевъ, Халиу и Бельчевъ“, намекая этимъ послѣднимъ именемъ на мстителей за повѣшенныхъ имъ, мнимыхъ убійцъ министра Бельчева—по извѣстному миларовскому процессу... Фердинандъ, наконецъ, потерялъ терпѣніе. Въ офиціальномъ органѣ появилась телеграмма изъ Эбенталя, холодно и рѣзко заявившая: „Въ виду непріязненнаго отношенія родственниковъ Стамбулова къ благоговѣйному и сердечному почину князя, онъ считаетъ неумѣстнымъ подвергать своихъ вѣрныхъ слугъ дальнѣйшимъ оскорбленіямъ и признаетъ необходимымъ запретить гражданскимъ и военнымъ чинамъ участвовать въ погребеніи Стамбулова“. Престарѣлая мать Миларова прислала вдовѣ Стамбулова телеграмму, столь ужасную въ дикомъ трагизмѣ своемъ, что развѣ у героевъ Эсхила да въ эпосѣ Нибелунговъ можно найти подобную энергію ненависти!

„Плачьте,—писала старуха,—плачьте о кровопійцѣ и убійцѣ, который, веселясь въ Бургасскомъ монастырѣ, при пѣсняхъ и танцахъ цыганъ, под-писалъ смертный приговоръ моему незабвенному сыну Святославу. Богъ далъ мнѣ силы дождаться того времени, когда я увидѣла убійцу плавающимъ въ своей собственной крови! Утѣшенная, посылаю свое презрѣніе его разлагающемуся трупѣ“. Выразить „послѣднее презрѣніе“ трупѣ Стамбулова приглашали и расклеенныя повсемѣстно въ Софіи афиши. Спустя полгода по смерти Стамбулова, кладбищенскіе сторожа жаловались намъ, русскимъ, что могила диктатора—истинное ихъ наказаніе: чуть не присмотри,—и навалѣть на нее всякой гадости... Не прощенъ даже за гробомъ! Признаюсь, эта каннибальская ненависть браташекъ къ человѣку, предъ которымъ они, заживо, рабски трепетали, показалась мнѣ весьма противною. Онъ стоялъ болгарскаго политикующаго общества, а общество стояло его. Какъ говорятъ поляки—*wart Ras palasa, a palas Rаса*.

Такъ погибъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ и силъ, одинъ изъ самыхъ антипатичныхъ, но, безспорно, и самыхъ замѣчательныхъ людей новѣйшей европейской исторіи. Ворвался онъ въ нее грубо и неожиданно,—грубо же и былъ ею извергнутъ. „Анархистъ у власти“—Степанъ Николаевичъ Стамбуловъ—явленіе глубоко поучительное; даже теряешься, соображая, какъ могла въ концѣ XIX вѣка, вѣка парламентаризма и правового порядка, возникнуть

на горизонтѣ политическомъ такая дикая насмѣшка именно надъ парламентаризмомъ и правомъ, словно посланная въ міръ лукавымъ Асмодеемъ, чтобы убить всякое къ нимъ довѣріе?

Что оставилъ по себѣ Стамбуловъ потомству? Ровно ничего. Грубый авантюристъ въ политикѣ, онъ старался пріобрѣсти славу націоналиста, что и удалось ему въ глазахъ людей близорукихъ или заинтересованныхъ въ успѣхахъ его лже-націоналистическаго режима. Невѣжественный и жестокій, онъ, если даже исключить эгоистическія цѣли, вѣчно преслѣдуемая имъ въ своей политикѣ, превратилъ послѣднюю въ самодурство. Съ народною волею онъ не считался, народнаго духа знать не хотѣлъ. Подобно Угрюмъ-Бурчееву, который хотѣлъ заставить рѣку течь вспять, онъ насилывалъ культуру управляемаго имъ болгарскаго народа къ эволюціи, совершенно ему не свойственной, отрывая его отъ единства съ Россіею, великимъ корнемъ славянства, и искусственно прививая къ нему швабовъ и швабство. Но, хотя рѣки иной разъ и мѣняють русла, а вспять еще ни одна изъ нихъ не пошла. И болгарскій ручей, побурливъ малость въ стамбуловской запрудѣ, все-таки, въ концѣ концовъ, принялъ свое естественное теченіе,—бросился въ русское море, смывъ съ лица земли всѣ сооруженія диктатора и потопивъ своимъ разливомъ его самого. Напрасное зданіе, кичливо выстроенное на пескѣ, рухнуло. „И погибъ памятникъ его съ шумомъ“.

СОФІЙСКОЕ ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ.

(Болгарскіе типы и картинки).

1894—1896.

ДВАЖДЫ посѣтилъ я Софію и дважды испыталъ странное чувство—вѣроятно, знакомое большинству читателей: иногда встрѣчаешь человѣка или видишь мѣстность въ первый разъ, а между тѣмъ кажется, будто гдѣ-то этого человѣка уже встрѣчалъ и въ мѣстности этой бывалъ. Помните, какъ у Алексѣя Толстого:

Мнѣ кажется все такъ знакомо.
Хоть не былъ я здѣсь никогда:
И крыша далекаго дома,
И мальчикъ, и лѣсъ, и вода...
И такъ же шелъ жидъ бородатый.
И такъ же шумѣла вода—
Все это ужъ было когда-то.
Но только не помню, когда.

Матеріалисты объясняютъ эту странность комбинаціонными способностями нашей памяти, воскрешающей въ насъ, когда мы видимъ новое явленіе, всѣ, болѣе или менѣе подходящія къ нему, впечатлѣнія нашего проплаго, доводя насъ тѣмъ до иллюзіи видѣть въ новомъ старое. Мори въ своемъ классическомъ трудѣ „Сонъ и сновидѣнія“ приводитъ нѣсколько случаевъ этого рода, объясняя ихъ по только что изложенной теоріи. Спиритуалисты допускаютъ болѣе поэтическое толкованіе, предполагая, что мы, дѣйствительно, этихъ людей и эти мѣстности видѣли,—только не въ настоящей, а въ одной изъ предыдущихъ нашихъ жизней. Дорогой старый другъ мой Василій Ивановичъ Немировичъ-Данченко—писатель, весьма охочій до сверхъестественныхъ ситуацій и настроеній — рассказывалъ мнѣ, что онъ не можетъ безъ тайнаго ужаса проходить по одному обрыву на островѣ Капри, ибо очень хорошо помнитъ, какъ Тиверій приказалъ бросить его съ этого обрыва въ море.

У меня не такая хорошая память, и, жилъ ли я при царѣ Симеонѣ или Крумѣ Великомъ въ Болгаріи, выкалывалъ ли мнѣ глаза какой-нибудь Василій Болгаробойца,—рѣшительно не знаю. Однако, впервые подъѣзжая къ Софіи по Ломъ-Паланкскому шоссе, я былъ почти смущенъ знакомостью ея унылаго пейзажа, придавленного длиннымъ, приземистымъ хребтомъ Витуша.

— Да вѣдь это Тифлисъ!—озарило меня, нако-

нецъ, воспоминаніе,—ну, да! конечно, Тифлисъ съ печальною равниною, ведущею къ нему отъ Мцхета. А Витушъ—вылитый св. Давидъ... Не хватаетъ только Куры, съ ея широкими мутными водами, порывисто бѣгущими между каменныхъ береговъ.

Сходство съ Тифлисомъ продолжается и внутри болгарской столицы; только все въ ней, сравнительно съ поэтической столицею Закавказья, надо представлять въ видѣ уменьшенномъ, суженномъ и омѣщаненномъ. Софія—это Тифлисъ филистеровъ. Та же двойственность города: одна часть—показная, европейская, даже слишкомъ, до опошленія; другая—дикая, азіатская—наслѣдіе турокъ: съ минаретами, полу-развалинами мечетей, превращенныхъ въ бани. Она—не безъ поэзіи, хотя и очень грустной поэзіи разрушенія и упадка. Азія въ Софіи вымираетъ и сокращается гораздо быстрее, чѣмъ въ Закавказьѣ; въ ней уже нѣтъ такихъ оригинальныхъ уголковъ, какъ тифлисскій Авлабаръ, съ его пестрою, разнородною толпою, открытыми лавками, мастерскими, коврами, оружіемъ, верблюдами, ишаками. Тифлисскій базаръ, пожалуй, любопытнѣе даже константинопольскаго,—тѣмъ болѣе, что послѣдній, разрушенный на моихъ глазахъ страшнымъ землетрясеніемъ 1894 года (вотъ еще удовольствіе-то пришлось пережить!), врядъ ли воскреснетъ въ прежнемъ своемъ архи-азіатскомъ видѣ. Стамбульскій базаръ подъ открытымъ небомъ теперь пестрѣе и занимательнѣе крытаго базара. Прежде было наоборотъ

Софію миѣ показывали усердно и подробно, но ярко, типически оригинальнаго я въ ней ничего не видѣлъ.

— Американскій городъ!—характеризовала миѣ Софію одна мѣстная жительница, оболгарившаяся русская и, по русской крови своей, далеко не лишенная эстетическихъ наклонностей,—увы! совершенно чуждыхъ болгарскимъ дамамъ.—Ростеть съ часа на часъ, какъ грибокъ и такъ же некрасиво, какъ грибокъ...

Развалины сносятся безцеремонно: молодому городу нужно мѣсто,—не до сохраненія древностей!

— Видите эти стѣны? — указала миѣ та же дама.—Это—остатки древняго генуэзскаго базара. Старую генуэзскую стройку безжалостно растоптали, чтобы нагородить на ея могилахъ карточныхъ домиковъ... Хоть бы строили-то со вкусомъ! А то—Богъ знаетъ что: казарма не казарма, пакгаузъ не пакгаузъ. Все—какъ-нибудь, все — на спѣхъ, объ удобствахъ, о комфортѣ, объ изяществѣ жилья—никакихъ заботъ... Этотъ народъ весь свой вѣкъ точно торопится на поѣздъ, и, за скорымъ отъѣздомъ, ему рѣшительно все равно, въ какой обстановкѣ проведетъ онъ послѣднія двадцать-тридцать минутъ.

Въ настоящее время, подъ развалинами старыхъ генуэзскихъ магазиновъ, въ грязномъ, смердящемъ, но не лишенномъ своеобразной живописности—„красоты свинства“, такъ сказать,—уголкъ,—юются лавчонки полудикихъ мѣстныхъ „злато-

кузнецовъ", то есть ювелировъ. Первобытными орудіями—долотомъ и молоточкомъ, они извлекаютъ изъ серебра удивительно тонкія филигранныя вещицы. Кто бывалъ на Кавказѣ, вѣроятно, знаетъ такъ называемыя ахалцхскія работы. Софійскія въ томъ же родѣ. Произведенія уличныхъ ювелировъ вовсе не дешевы, а доходы они получаютъ, надо полагать, не малые, такъ какъ болгарскій народъ, не оставивъ еще своего національнаго костюма, любитъ дѣлать его наряднымъ и богатымъ. Женщины рады голодать по мѣсяцамъ, чтобы съэкономить денегъ на пряжки къ поясу—огромныя, тяжеловѣсныя цапки изъ серебра грубой и крупной чеканки, весьма безобразныя на европейскій вкусъ. Однако, отъ нихъ—главный доходъ уличныхъ ювелировъ. Не имѣтъ такой штуки болгарская крестьянка почитаетъ чуть не за позоръ. Можно, поэтому, представить себѣ, сколько ихъ расходится—особенно въ базарные (по пятницамъ) и ярмарочные дни. Между тѣмъ стоимость ихъ довольно высока: дешевле 60—70 левовъ (23—27 рублей) нельзя купить порядочныхъ пряжекъ, а за хорошія надо заплатить 120—150—и такъ далѣе, до 400 и выше левовъ, глядя по вѣсу металла и по работѣ. Правда, что, покупая такую вещь, крестьянка покупаетъ ее уже на всю жизнь: ей износа нѣтъ, — однако, не мало приходится болгаркѣ претерпѣть лишеній и труда прежде, чѣмъ скопить она денегъ на покупку.

Показные улицы Софіи—Левская, бульварная

линія, площадь предъ княжескимъ дворцомъ—недурны: уголокъ Вѣны. Но уже прилежающіе къ нимъ переулки напоминаютъ заштатный городъ средней полосы Россіи. Домики-особняки съ усадьбами, улицы—въ рывинахъ, съ допотопной мостовой, замѣняющей асфальтъ и макадамъ центра. Впрочемъ, и въ центрѣ соборная площадь замощена жестоко острыми камнями; переходитъ ее—истинное наказаніе. Многія же улицы окраинъ вовсе не замощены. Вообще, попавъ на окраину Софіи, самъ не замѣчаешь, какъ уже очутился въ деревнѣ: поля, околица, точно сто верстъ отъѣхалъ отъ столицы, которая между тѣмъ неугомонно шумитъ за твоею спиною. По миниатюрности „болгарскаго Петербурга“, одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ на празднествахъ 2-го февраля 1896 г. попалъ въ трагикомическую исторію. Отправляясь домой послѣ ужина, даннаго русскимъ журналистамъ Славянскою Бесѣдою, онъ скомандовалъ извозчику: „прямо!“--а самъ „задумался“...

— Сознайтесь, Л.: просто заснули?—дразнили мы товарища, но онъ защищалъ свое бодрственное состояніе съ энергіей, которая неопровержимо доказывала намъ, что Л. спалъ мертвымъ сномъ. Извѣстно, что человѣкъ гораздо легче сознается даже въ уголовномъ преступленіи, чѣмъ — будто онъ спалъ въ неположенное время и въ непоказанномъ мѣстѣ.

Фазетонщикъ проѣхалъ „прямо“ два квартала и

1896.
Съ портрета, подареннаго автору кн. Фердинандомъ.

Е. Д. В. кн. Фердинандъ Болгарскій.

Съ портрета, подареннаго автору кн. Фердинандомъ.

очутился за городомъ. Предполагая, что сѣдокъ желаетъ кататься, онъ ѣдетъ, да ѣдетъ впередъ, а корреспондентъ все „думаетъ“, да „думаетъ“. Наконецъ открылъ глаза: ночь, звѣзды, поле... что за чортъ? Вообразивъ, что извозчикъ завезъ его за городъ съ цѣлью ограбить, корреспондентъ, недолго размышляя, схватилъ возницу за шиворотъ и закричалъ „караулъ“. Фаэтонщикъ, въ свою очередь, перенугался на смерть, предположивъ по неожиданному нападенію, что сѣдокъ его—грабитель-конокрадъ... Дѣло выяснилось только въ участкѣ.

— Счастливъ Богъ этого дурака,—говорилъ Л.,—что я забылъ о револьверѣ въ моемъ карманѣ. Вѣдь на мѣстѣ могъ бы уложить анаѹему!

Зелени въ Софіи очень мало. Бульваръ, вѣчно полный народомъ, загородный садъ, которымъ софійцы очень гордятся, хотя въ немъ нѣтъ ровно ничего хорошаго, и самый плохой изъ подмосковныхъ парковъ—роскошь въ сравненіи съ нимъ, а ужъ о петербургскихъ и говорить нечего!—вотъ и все. Загородный садъ отдѣленъ отъ города довольно зловонною канавой или рѣченкой съ запрудою; черезъ рѣченку переброшенъ украшенный орлами мостъ. Съ другой, сѣверной стороны, Софію сторожатъ на такомъ же мосту, переброшенномъ черезъ такую же зловонную канаву, свирѣпыя бѣлые львы.—Это Стамбуловъ ихъ посадилъ, отпугивать русскихъ,—смѣются болгары. Львы эти, когда ѣдешь въ Софію съ Ломъ-Паланкского шоссе, или съ вок-

зала желѣзной дороги,—первая встрѣча, по которой вы догадываетесь, что вы уже въ столицѣ, а не въ деревнѣ, какою представляются взгляду новаго челоуѣка софійскія предмѣстья. По воскреснымъ днямъ загородный садъ кишить гуляющими. Полянки загорожены столиками, болгаре сидятъ, пьютъ мутное пиво и кислое вино, слушаютъ ужасный оркестръ, играющій ужасные вальсы, и довольны. Даже спрашиваютъ:—Не правда ли, совершенный Пратеръ? Этотъ вопросъ, въ первую мою поѣздку, такъ же удручалъ меня, какъ во вторую—доводилъ до бѣшенства моихъ компаньоновъ-корреспондентовъ обязательный допросъ cadaго новаго знакомаго: „а какъ вамъ нравится Софія“? Мы слышали его разъ по сту на день...

Бульваръ не только гулянье, но и политическій клубъ софійцевъ. Такой клубъ подъ открытымъ небомъ я видѣлъ раньше только въ Кутансѣ, когда лѣтъ десять тому назадъ попалъ туда на банковскіе выборы, дошедшіе до кинжаловъ. Софійцы сходятся на бульваръ въ твердой увѣренности, что встрѣтятъ здѣсь всѣхъ мѣстныхъ дѣятелей; здѣсь сговариваются партіи; отсюда, когда, послѣ рокового 18-го мая, Стамбуловъ проѣхалъ къ принцу Фердинанду на прощальное свиданье, толпа бросилась бить павшаго министра. Не очень далеко отъ бульвара и перекрестокъ, гдѣ зарѣзали экс-диктатора. Здѣсь зачатокъ импровизированныхъ митинговъ и манифестацій, какими такъ богата софій-

ская жизнь. Много я ихъ насмотрѣлся. Является на бульваръ какойнибудь популярный антистамбулистъ. Ктонибудь крикнетъ:

— Да живетъ NN!

И сейчасъ же вокругъ нечаяннаго героя минуты вырастаетъ шумная толпа. Ему говорятъ рѣчи, онъ отвѣчаетъ... Только и слышишь, что „да живетъ“, да „на погибель“, „на погибель“, да „да живетъ“... Бываетъ, что изъ подобныхъ уличныхъ вспышекъ разгорается мало-по-малу колоссальная демонстрація, въ родѣ той, напримѣръ, что случилась 1-го февраля 1896 г., въ вечеръ пріѣзда царскаго посла, графа Голенищева-Кутузова. Его привѣтствовали факельцугомъ, рѣчами, оваціями болѣе десяти тысячъ человѣкъ. Толпа эта выросла безъ всякой предварительной подготовки и организаціи,— просто слѣпилась человѣкъ по человѣку, какъ слѣпляется снѣжный комъ, катящійся съ горы. То же самое повторилось передъ зданіемъ русскаго дипломатическаго агентства, когда надъ нимъ взвился, десять лѣтъ не виданный болгарами, русскій флагъ. Не знаю, всегда ли таковы софійскіе порядки. Я былъ въ Софіи оба раза въ слишкомъ высокаторжественные дни — то въ медовый мѣсяцъ освобожденія отъ стамбуловскаго гнета, то въ медовый мѣсяцъ возстановленія дружества съ Россією, когда принципомъ правительства было никого ни въ чемъ не стѣснять, и народнымъ манифестаціямъ не только не мѣшали,

но еще покровительствовали. „Чтожь молъ вы, ребята, плохо ликуете? Кричи во всю! Пусть рускіе знаютъ нашу свободу и наши симпатіи!“ И народъ упивался счастьемъ свободнаго слова и свободнаго мнѣнія, съ почти дѣтскимъ увлеченіемъ и радостью...

Послѣ 18-го мая въ Софіи считалось шикомъ говорить по-русски. И потому, что этимъ высказывались симпатіи къ Россіи, и потому, что этимъ выражался протестъ противъ ненавистнаго Стамбулова, рьянаго гонителя русскаго языка, необходимость котораго для себя болгаринъ слишкомъ хорошо понимаетъ. Когда Стамбуловъ изгналъ русскій языкъ изъ школы, болгаринъ сталъ учиться ему дома. Стамбуловъ изгналъ изъ Болгаріи русскую газету. Болгарія стала выписывать русскій журналъ. Въ великолѣпной публичной читальнѣ города Русска я встрѣтилъ всѣ русскіе журналы общей и исторической печати въ двойныхъ экземплярахъ. Какъ только была снята цензура съ русскихъ газетъ, „Новое Время“ въ одну недѣлю приобрѣло въ Софіи свыше пятидесяти подписчиковъ. „Новое Время“, „Свѣтъ“, „Новости“ попадались мнѣ и въ клубахъ, и въ ресторанахъ. Не говорю уже о томъ, что стоитъ русской газетѣ, хотя бы и провинціальной, напечатать статейку о Болгаріи, какъ болгарскіе эмигранты немедленно пересылаютъ интересный номерокъ на родину въ десяткахъ экземпляровъ. Такъ, довольно мало распространенный въ

самой Одессѣ, нынѣ уже покойный „Новороссійскій Телеграфъ“—былъ далеко не рѣдкостью въ Софіи, съ тѣхъ поръ, какъ завелъ тамъ постояннаго корреспондента. Изъ нашихъ ежемѣсячниковъ наиболѣе уважаемый и читаемый болгарами—„Вѣстникъ Европы“. Изъ еженедѣльныхъ больше другихъ распространена, разумѣется, „Нива“: въ 1894 году въ Рушукѣ ея выписывалось 200 экземпляровъ, а въ Софіи—450; встрѣчались тогда „Недѣля“, „Всемирная Иллюстрація“, „Сѣверъ“. Если бы наши русскіе книгопродавцы были одарены духомъ торговой инициативы, они могли бы имѣть съ Болгаріей большія дѣла, а русская книга нашла бы богатый и благодарный рынокъ. Не одинъ болгаринъ обращался ко мнѣ съ просьбою о посредничествѣ съ какою либо крупною русскою книгопродавческою фирмою на счетъ устройства филиальнаго магазина, указывая, какъ мало затратъ требуетъ и какъ много выгоды можетъ дать въ Болгаріи торговля русскими книгами: торговля безъ коммисіонеровъ, изъ перваго источника, по цѣнамъ русскихъ магазиновъ или съ надбавкою маленькаго 0/0, что и въ Россіи бываетъ; я, напримѣръ, самъ покупалъ въ Кіевѣ нѣкоторыя изданія А. С. Суворина по значительно высшей цѣнѣ, чѣмъ въ Одессѣ, Харьковѣ, Саратовѣ, гдѣ есть отдѣленія нововременскихъ магазиновъ. А болгары—народъ практическій и до невѣрныхъ затѣй не охотники. Когда дѣло касается денежнаго предпріятія, болгаринъ семь разъ примѣряетъ, а одинъ

разъ отрѣжетъ. Значить, совѣтъ ихъ не на удачу, а вѣрный коммерческій совѣтъ. Сейчасъ выписка русской книги для болгарина—мука; надо очень нуждаться въ русскомъ чтеніи, чтобы подвергать себя пересылочнымъ неудобствамъ: пошли письмо въ магазинъ, внеси деньги въ Credit Lyonnais, а Credit Lyonnais внесетъ деньги въ магазинъ, а магазинъ еще когда-то соберется отправить заказъ... И дорого, и долго, и неудобно, и книги часто пропадаютъ въ дорогѣ, вызывая нареканія на добросовѣстность отправителей. Былъ еще путь—черезъ русскаго эмигранта г. Златоустова. Жительствова въ Бургасѣ, онъ добывалъ свой хлѣбъ—и, кажется, недурной,—комиссіонерствомъ по книжной части. Затѣмъ магазинъ Златоустова погибъ при какихъ то безпорядкахъ, и самого Златоустова недавно застрѣлили на улицѣ въ Софіи одинъ отставной офицеръ, его политическій недоброжелатель. Но и при комиссіонерствѣ не уменьшается то же бѣдствіе: полная неупорядоченность сношеній съ Россіей—и почтовыхъ, и путевыхъ. По три, по четыре недѣли ждуть иной разъ болгарскіе покупатели своихъ заказовъ отъ нашихъ книгопродавцевъ—даже изъ Одессы, хотя отъ нея до Софіи, чрезъ Константинополь, всего 60 часовъ ѣзды. Теперь, вмѣстѣ съ „примиреніемъ“, надо надѣяться, что это устроится болѣе благопріятно для русской книги и болгарскаго читателя. Русское общество пароходства и торговли завело съ 1-го апрѣля 1896 года правиль-

ные рейсы между Одессою, Варною и Бургасомъ, и такимъ образомъ скорый и правильный обмѣнъ книжныхъ заказовъ и полученій становится возможнымъ дважды въ недѣлю. Повторяю: если русскіе книгопродавцы не воспользуются широко открытымъ для нихъ и въ высшей степени прибыльнымъ новымъ рынкомъ,—значитъ, косности и глупости русскаго капитала нѣтъ предѣловъ, и русскій книгопродавецъ—лѣнтяй, не хуже того Андерсеновскаго царевича, что голодалъ, какъ волкъ, но не хотѣлъ протянуть руку за лежащею подлѣ него ковригою хлѣба. Начальникъ „телеграфо-почтенскаго отдѣла города Софіи“, Иванъ Петровичъ Стояновичъ вообще плакался мнѣ на безпорядочность русско-болгарскихъ почтовыхъ сношеній. Такъ: изъ Болгаріи въ Россію нельзя послать оплаченную посылку: болгарская почта принимаетъ плату только до своей границы. Г. Стояновичемъ приготовленъ обширный проектъ реформъ въ русско-болгарской почтѣ, уже представленный на разсмотрѣніе русскихъ властей. Въ настоящее время можно надѣяться, что проектъ этотъ перейдетъ, наконецъ, въ дѣйствительность—послѣ пятилѣтнихъ стараній и ходатайствъ съ болгарской стороны.

Возвращаюсь къ вопросу о русскомъ языкѣ и русской книгѣ. Въ Софіи я узналъ многихъ болгаръ, которые отлично говорили порусски, хотя въ Россіи никогда не бывали,—людей мѣстнаго или западнаго воспитанія. Къ такимъ принадлежитъ и

помянутый мною Иванъ Петровичъ Стояновичъ, владѣющій русскою рѣчью не хуже, чѣмъ болгарскою. Профессоръ Великой школы, историкъ и филологъ d-r Шишмановъ удивилъ меня бойкостью русскаго разговора и — что особенно рѣдко среди болгаръ—русскими интонаціями: между тѣмъ онъ чистый западникъ по образованію (Лейпцигскаго университета) и никогда не бывалъ въ Россіи. Правда, жена его, урожденная Драгоманова,—малороссіянка. Премьеръ—министръ Стоиловъ, въ первый мой пріѣздъ, притворился, будто едва-едва понимаетъ и вовсе не говоритъ порусски; а въ 1896 г. онъ бесѣдовалъ со мною на нашемъ языкѣ (самъ заговорилъ) битыхъ два часа подрядъ, при чемъ добрыхъ три четверти этого времени говорилъ исключительно онъ—и еще какъ плавно, ярко, выразительно. Съ тѣхъ поръ, какъ князь Фердинандъ и его министерство стали тянуть руссофильскія пѣсни, много объявилось знатоковъ русскаго языка, которые вчера еще готовы были отвѣчать на каждое русское слово: „не разбираю“. Стоиловъ, конечно, не въ счетъ,—онъ человѣкъ въ высшей степени порядочный, но между этими новоявленными русскими говорунами попадаются удивительные гуси.

Взять, напримѣръ, хоть начальника войскъ рущукскаго военнаго округа, полковника Дандеревскаго. Чуть не вчера этотъ заклятый руссофобъ проклиналъ имя и изображеніе Александра III, публично топталъ ногами портреты русскихъ

государственныхъ дѣятелей эпохи болгарскаго освобожденія и сожалѣть во всеуслышаніе, что не можетъ добратся до оригиналовъ: „я бы разстрѣлялъ этихъ господъ, не давъ имъ времени даже для молитвы!“ А теперь этотъ Russenfresser вдругъ припомнилъ и свое русское воспитаніе, и эпоху освобожденія, и „дѣда Ивана“ и въ любезностяхъ къ русскимъ превзошелъ самыхъ ярыхъ руссофиловъ. А г. Марковъ—раскаившійся стамбулистъ, который, отъ лица болгарскаго народа, просилъ графа Голенищева-Кутузова передать государю императору, что „князь любитъ Россію, а Болгарія любитъ своего князя“?! Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно!

Теперь, послѣ двухъ поѣздокъ и вполне убѣжденъ: изъ болгарской интеллигенціи не понимаютъ порусски только тѣ, кто не желаетъ понимать. И, если на улицахъ Софіи вы, обратясь порусски къ прилично одѣтому человѣку, получите въ отвѣтъ сердитое „не разбираю“,—можете быть твердо увѣрены: предъ вами стамбулистъ или, въ крайнемъ случаѣ, радославовецъ... Другое дѣло—получить отвѣтъ порусски: практически владѣютъ нашею рѣчью, разумѣется, сравнительно немногіе—20, 30⁰/₀. За то я знаю много такихъ, что, не будучи въ состояніи говорить порусски,—вѣроятнѣе, опасаясь впасть въ смѣшныя ошибки произношенія и неправильныхъ оборотовъ рѣчи,—имѣютъ бібліотеки русскихъ классиковъ, читаютъ и даже пишутъ порус-

ски съ величайшею легкостью и откровенно провозглашаютъ, что безъ русскаго языка для болгарина доступно лишь полуобразованіе. И это послѣ того, какъ правительство всѣми способами упразднило и тѣснило русскій языкъ цѣлыхъ восемь лѣтъ, а нѣмецкому покровительствовало открыто. Однако, ни нѣмецкая рѣчь, ни нѣмецкая литература въ Болгаріи не привилась, а русская—сколько ни задумали ея огонекъ—„живъ, курилка“! Если курилка ухитрился выжить даже при такихъ тяжелыхъ испытаніяхъ, значитъ, онъ будетъ жить и впредь, значитъ, онъ на своемъ мѣстѣ и необходимо-нуженъ.

Стараніями министра народнаго просвѣщенія, поэта Константина Величкова (тоже западникъ по воспитанію), русскій языкъ возстановленъ въ гимназіяхъ на правахъ обязательнаго предмета. Мѣру эту собирався провести уже послѣ 18 мая 1894 г. тогдашній министръ Радославовъ, какъ извѣстно, вовсе не другъ и не доброжелатель Россіи. Вотъ его мнѣніе относительно роли русскаго языка въ болгарскомъ просвѣщеніи, высказанное мнѣ лично Радославовымъ и подтвержденное его единомышленникомъ, министромъ Тончевымъ.

— Запрещеніе Стамбуловымъ преподаванія русскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ—мѣра нелѣпая, выходка мелочной мстительности. Она очень вредно отозвалась на согласіи двухъ народовъ. Но я считаю ее положительно вредною и для самихъ болгаръ. Болгарину можно не говорить,

но нельзя не понимать и не читать порусски. Нашъ языкъ мало выработанъ, онъ рожденъ простымъ патріархальнымъ бытомъ и приноровленъ только къ его потребностямъ. Культура вноситъ къ намъ запросы новыхъ реченій, и мы ихъ не находимъ у себя. Тогда мы обращаемся къ родственному русскому языку, уже выработавшему ихъ въ своей лабораторіи,—и дѣло сдѣлано. Вы можете слышать кровныхъ болгаръ, не говорящихъ ни одного слова порусски, однако, употребляющихъ въ разговорѣ „дѣйствительно“, „замѣчательно“ и т. д.—реченія русскія, какихъ въ болгарскомъ языкѣ нѣтъ вовсе. Скажу больше: по моему убѣжденію, очень мудрено перевести на болгарскій языкъ ученый нѣмецкій или французскій трудъ, если онъ раньше не переведенъ порусски. Русскій переводъ является въ данномъ случаѣ какъ бы толковымъ руководителемъ, поставщикомъ выраженій и оборотовъ, разъяснителемъ, какъ надо перестроить фразу, чтобы въ ней сохранился точный смыслъ, и чтобы въ то же время отъ нея не отдавало иностранщиной. Поэтому ученые труды Запада мы беремъ обыкновенно съ русскихъ переводовъ, или при ихъ посредствѣ.—развѣ что ихъ нѣтъ вовсе... Но это очень рѣдкое исключеніе.

Относительно болгарскаго высшаго учебнаго заведенія—Великой школы—Константинь Величковъ провелъ еще болѣе широкіе руссофильскіе замыслы. Онъ сдѣлалъ предложенія читать въ этомъ болгарскомъ полу-университетѣ бывшимъ профессорамъ

Московского университета — известному социологу М. М. Ковалевскому и, историку Милюкову. М. М. Ковалевский, увлеченный работами въ итальянскихъ архивахъ, не пожелалъ принять приглашенія, а г. Милюковъ принялъ и, по смерти знаменитаго Драгоманова, года два управлялъ Великою школою. Сейчасъ г. Милюковъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ болгаровѣдовъ, особенно, во всемъ, что касается Македоніи. Предложеніе г. Величкова ставило русскимъ профессорамъ условія: два года они имѣли право читать порусски, а третій курсъ обязывались читать поболгарски. Вознагражденія предлагались весьма щедрыя: г. Милюкову—15,000 франковъ за курсъ, а г. Ковалевскому—до 30,000 франковъ. На нужды просвѣщенія болгаре не жалѣютъ денегъ.

По годамъ своимъ, я, разумѣется, не могу помнить сознательно и отчетливо русскаго общества конца шестидесятыхъ годовъ. Но такъ какъ я, съ самаго ранняго возраста (я выучился читать по нѣтому году), жилъ въ компаніи взрослыхъ больше, чѣмъ въ компаніи ребятишекъ (ужъ не знаю—къ счастію или несчастію для меня); такъ какъ мнѣ не запрещали ничего читать, а читать я былъ великій охотникъ, и мои игрушки были книги, книги же эти были „Современникъ“, „Русское Слово“, „Отечественныя Записки“, „Искра“; такъ какъ все мое отрочество прошло подъ шумные дебаты старшихъ, а первая юность—въ смутную пору кон-

на семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ:— то я почитаю себя вправѣ думать, что память моя рисуетъ мнѣ наши общественные кружки эпохи Александра II не особенно ошибочно. Эти кружки воскресли для меня, когда я вращался въ средѣ софійской интеллигенціи. То же матеріалистическое направленіе и, словно въ насмѣшку надъ самымъ принципомъ матеріализма, надъ индукціей,—апріорное, бездоказательно и безпровѣрно перенятое пѣнье съ чужого голоса, съ первой встрѣчной, ходовой и модной книжки. То же отрицаніе исконныхъ авторитетовъ и раболѣпное бултыханье въ ноги передъ авторитетами новыми, „своими“. Тотъ же полемическій задоръ: кто новѣе сказалъ слово, новѣе прочиталъ книгу. Прибавить къ этому надо только поголовное политиканство, которое въ кружкахъ русскаго переходнаго времени было, въ большинствѣ случаевъ, лишь теоретическимъ, почему и размѣнялось оно въ послѣдствіи на группы и секты скорѣе этическаго и экономическаго, чѣмъ государственнаго разряда: пошли народники, почвенники, нео-марксисты, толстовцы etc. Въ Болгаріи же, по конституціонному ея строю, политиканству отведена обширная практическая область; оно дробится на десятки партій и фракцій, и Софія, какъ центральный фокусъ, собираетъ въ себѣ всѣ его разнообразныя лучи. За исключеніемъ этой отличительной черты, болгарская интеллигенція пережевываетъ зады, которые русское общество давно уже отжевало, пере-

варило и—что подходило къ его организму, всосало въ кровь, что не подходило—выбросило. Я живо помню, какъ въ одной софійской компаніи на меня вытаращили глаза, когда я безъ особаго благоговѣнія отозвался о дѣятельности Д. И. Писарева... Этотъ писатель, пользуется въ Софіи и Рушукъ такимъ же почетомъ, какъ въ русской провинціи семидесятыхъ годовъ. Насколько чужда болгарамъ идея чистаго, неприкладнаго художества, безъ утилитарной окраски, достаточно характеризуетъ то обстоятельство, что изъ русскихъ писателей-беллетристовъ въ Болгаріи популярны только тѣ, въ чьемъ творествѣ слышны публицистическія нотки. Чехова, напримѣръ, болгары сравнительно мало цѣнятъ—и очень удивились, когда—на просьбу перечислить выдающихся русскихъ литераторовъ послѣдняго десятилѣтія,—я назвалъ его въ первую голову. Одинъ старый болгарскій эмигрантъ русскаго воспитанія серьезно доказывалъ мнѣ, что „Анна Каренина“—плохой романъ, потому что:

— Покажите мнѣ его цѣль! въ чемъ его общественное значеніе?

— Ну, а „Война и Миръ“?

— А! это другое дѣло: тамъ—протестъ противъ войны, противъ дипломатіи, противъ всѣхъ этихъ шахматныхъ клѣточекъ государственности...

Толстой, какъ философъ, въ Болгаріи мало популяренъ. Страна, только что вышедшая изъ-подъ турецкаго ига, а потомъ пережившая восемь лѣтъ

стамбуловскихъ мытарствъ, не можетъ сочувствовать теоріи непротивленія злу: слишкомъ много зла принялъ болгарскій народъ на свою собственную шкуру, чтобы злу не противиться. Необычайно любимъ Глѣбъ Успенскій; мало сказать, что его читаютъ.—его знаютъ. И популярностью своею онъ обязанъ вовсе не „Дунайскимъ письмамъ“, такъ лестнымъ для болгаръ: напротивъ, надъ этимъ сочиненіемъ болгары подтруниваютъ, видя въ немъ прозрачную утопію, созданную фантазіей художника-публициста... А просто по темамъ, по манерѣ письма своего, Успенскій хорошо подошелъ къ жгучимъ вопросамъ и міровоззрѣнію, а, слѣдовательно, и ко вкусамъ молодого и еще формирующагося, но, по самой природѣ своей, практическаго народа болгарскаго,—народа-земледѣльца, скотовода и сельскаго хозяина, народа „на землѣ“.

Затѣмъ очень уважаютъ г. Засодимскаго. Писатель этотъ, для русской публики хотя и весьма почтенный, но все же затѣненный болѣе крупными беллетристическими дарованіями и оттѣсненный, такъ сказать, во вторую линію читательскихъ симпатій, въ Болгаріи пользуется рѣдкимъ почетомъ. Болгаре очень удивлялись, что я могъ сообщить имъ нѣкоторыя „черты изъ жизни“ Короленка, Чехова, Потапенка, Мамина-Сибиряка, Немировича-Данченка, Дѣдлова, но рѣшительно не былъ въ состояніи удовлетворить ихъ любопытство, что за человѣкъ г. Засодимскій.

Редакторъ сельской газеты, выходящей въ с. Мусинѣ, прислалъ мнѣ изданія мѣстной народной читальни „Новъ Животъ“—нѣчто въ родѣ нашихъ книжекъ покойной издательской для народа фирмы „Посредникъ“. Называется болгарскій „Посредникъ“—„Евтена Библиотека“. Изъ русской литературы вошли въ составъ этого изданія: „Упустишь огонь—не потушишь“ Льва Толстого, „Махмудкины дѣти“ Вас. Пв. Немировича-Данченка, „Четыре дня на полѣ сраженія“ В. М. Гаршина, „Повѣсть о хлѣбѣ“ и „Ивановъ садъ“ П. В. Засодимскаго. Болгарскіе литературные журналы всегда переполнены переводами съ русскаго. Я не принадлежу къ числу сторонниковъ литературной конвенціи, потому что она гораздо менѣе выгодна русскимъ писателямъ, чѣмъ европейскимъ. Но болгарскіе переводы заставили меня задуматься надъ этимъ вопросомъ: по легкости работы, переводъ русскаго произведенія на болгарскій языкъ—почти перепечатка. Болгаріи, если не спохватятся во время русскіе заправила книжнаго рынка, весьма легко сыграть въ отношеніи русской печати ту же безнаказанно-вредную роль дешеваго конкурента (для всѣхъ странъ Балканскаго полуострова и для Галиціи, гдѣ принятъ нашъ алфавитъ), какую, въ ущербъ французской печати, играла въ свое время Бельгія. На Востокѣ тоже усердно плагиатируютъ русскихъ авторовъ, особенно беллетристовъ. На какой-то русской станціи я купилъ номеръ „Петербургской Газеты“, съ буль-

варнымъ романомъ „Богатырь Кирило“ въ фельетонѣ. Пріѣхалъ въ Константинополь, пробѣгаю мѣстную греческую газету: „Богатырь Кирило“ тутъ какъ тутъ и безъ всякихъ ссылокъ на первоначальный источникъ.

Въ болгарскомъ театрѣ происходитъ борьба, тоже напоминающая нѣчто изъ исторіи русской сцены въ эпоху „перелома“. Профессіональных артистовъ въ Софіи еще нѣтъ—они только вырабатываются изъ любителей, которые даютъ спектакли своей хорошо сыгравшейся труппы въ красивой, хотя немножко коробкообразной Славянской Гесѣдѣ. Управляетъ этимъ дѣломъ г. Кинели, воспитанникъ драматическихъ курсовъ въ Петербургѣ. Странна судьба этого талантливаго и симпатичнаго человѣка. Въ восьмидесятыхъ годахъ его выслали изъ Петербурга административнымъ порядкомъ, какъ политически неблагонадежнаго, а въ Софіи онъ состоялъ подъ надзоромъ стамбуловской полиціи, какъ несправимый руссофилъ. Началась софійская сцена подъ вліяніемъ не русскихъ, но западныхъ образцовъ. Отвращеніе къ нѣмецкому началу не позволило болгарамъ подпасть подъ вліяніе нѣмецкой сцены; зато болгары, кто умѣетъ, французятъ не меньше грибоѣдовской Москвы, и нѣтъ на ихъ галломанію никакого обличителя-Чацкаго. Примѣръ даетъ дворъ. Извѣстно, что самъ князь Фердинандъ настойчиво разыгрываетъ изъ себя француза, хотя онъ и австрійскій принцъ. Показаться французомъ

для интеллигентнаго болгарина—высшее удовольствіе. Это франкофильство я, впрочемъ, наблюдалъ во всѣхъ восточныхъ странахъ, не исключая нашихъ Грузіи и Арменіи. Покойный поэтъ Симборскій, хорошо знавшій Закавказье, обмолвился по этому поводу въ одной эпиграммѣ очень мѣткимъ двуступишемъ:

Осемишарепный французъ
Есть офранцуженный мивгрелецъ!

Англійское вліяніе можетъ быть сильнѣе французскаго въ восточной политикѣ, но идеаль цивилизаціи для восточнаго человѣка, все-таки,—у французовъ, а не у англичанъ. Болгары, получившіе воспитаніе въ Парижѣ, въ Ліонѣ, Монпелье, привезли съ собою на родину вкусы къ Сарду, Дюма-сыну. Подъ покровительствомъ генія переводовъ съ французскаго, и начала свое бытіе болгарская сцена. Но офранцуженныхъ любителей театра было, все-таки, слишкомъ мало, чтобы создать публику. А патріархальный болгаринъ „съ мѣста“ не хотѣлъ знать западнаго репертуара: не по косности, не по предубѣжденію, а просто потому, что въ репертуарѣ этомъ ровно ничего не понималъ. Въ самомъ дѣлѣ, возьмите хоть „Даму съ камеліями“. Возможно ли сочувствіе къ Маргаритѣ Готье, возможенъ ли интересъ къ ея судьбамъ, въ обществѣ, почти не знающемъ продажныхъ женщинъ? Руцукскій военный врачъ г. Манойловъ указалъ мнѣ

поразительный и весьма лестный для болгарской женщины фактъ, что при переписи софійскихъ проститутокъ между ними оказалось всего три болгарскаго происхожденія. Остальной контингентъ—сербки, румынки, француженки, нѣмки, венгерки, польки изъ Австріи и, главнымъ образомъ, еврейки. Сентиментально-адюльтерная драма должна была внушать болгарину отвращеніе, а не симпатію. Такъ и было. Г. Кинели пришла счастливая идея: за неохотою софійцевъ къ западнымъ драматургамъ и за малою плодovitостью немногочисленныхъ драматурговъ отечественныхъ, онъ—съ большими затрудненіями, изъ-подъ Стамбуловскаго запрета,—ввелъ въ Славянскую Бесѣду Островскаго. „Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ“ засвѣтилъ и для Болгарин. Нашъ драматургъ, какъ нельзя лучше, угодилъ не въ бровь, а прямо въ глазъ болгарской буржуазіи, которая, вмѣстѣ съ безспорными патріархально-семейными добродѣтелями, питаетъ въ нѣдрахъ своихъ домовъ и еще болѣе безспорные и патріархальные пороки. Все, что Островскій писалъ когда-то для просвѣщенія Замоскворѣчья и медвѣжьихъ угловъ вродѣ города Калинова, очень хорошо пригодилось теперь и для Софіи, Тырнова, Русска... А многое специфически-восточное можно бы и даже слѣдовало бы прибавить къ печальнымъ картинамъ нашего драматурга. „Бѣдность не порокъ“ такъ понравилась, что г. Кинели ставилъ ее семь разъ подрядъ, при неизмѣнно полныхъ сборахъ.

Это уже второй разъ, что я наблюдаю торжество Островскаго въ иноплеменномъ народѣ, стоящемъ на переходѣ отъ варварства къ культурѣ: совершенно такой же успѣхъ имѣютъ пьесы Островскаго, созданныя въ первый періодъ его творчества, на армянской и грузинской сценѣ. А армянскіе драматурги идутъ въ своихъ работахъ прямо по слѣдамъ Островскаго, какъ его убѣжденные ученики и подражатели: таковъ Сундукіанцъ. И это, несмотря на то, что, повторяю, во главѣ армянской и грузинской интеллигенціи, какъ и во главѣ болгарской, стоятъ

Осемшпаренный французъ

И офранцуженный мнигрелецъ...

То-есть—въ литературныхъ и театральныхъ вкусахъ—немножко Репетилковы: „водевиль есть вещь, а прочее все гиль!“, немножко—бояре изъ „Венеційскаго истукана“: „о, Эуропа, Эуропа!“... И вотъ водевиль изъ Эуропы, какъ у насъ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, схватился воевать съ бытовою и обличительною комедіею, и она его снова на голову разбила. Г. Кинели побѣда эта, однако обошлась дешево лишь счастливымъ случаемъ. Занесенный въ списокъ пропагандистовъ руссофильства, онъ уже былъ предназначенъ Стамбуловымъ къ „интернированію“, то-есть, по нашему, къ административной высылкѣ изъ Софіи—„куда Макаръ телятъ не гонялъ“, и къ водворенію въ какой-нибудь горной деревушкѣ. Но—знать, онъ хорошо молился Богу:

подоспѣло 18-ое мая, и паденіе диктатора спасло горемычнаго инициатора болгарской національной сцены отъ тяжелаго изгнанія. Теперь дѣло г. Кинели, поддержанное дирекціею императорскихъ петербургскихъ театровъ, разрослось, процвѣло и приняло болѣе устойчивыя и профессиональныя формы.

Такъ какъ мнѣ пришлось въ Софіи вращаться по преимуществу въ политическихъ кружкахъ, то много и близко наблюдать болгарскую семью и женщину мнѣ не случалось. Отдѣльный же десятокъ-другой наблюденій не даетъ мнѣ возможности выдавать свои выводы за общіе, хотя они—въ пользу болгарокъ, вопреки даже презрительному миѣнію о нихъ софійскихъ дамъ-иностранокъ. Послѣднихъ въ Софіи очень много. Частью это—жены и родственницы представителей дипломатическаго корпуса, частью—болгаръ, поженившихся въ свои учебные годы въ Европѣ или въ Россіи. Русскихъ, замужемъ за болгарами, довольно много; послѣ нихъ, самый высокій процентъ женитьбъ на чужестранкахъ падаетъ на француженокъ и вѣнокъ. Большое диво—болгаринъ, женатый на еврейкѣ, и, кажется, диво небывалое—болгарка замужемъ за евреемъ. Евреевъ здѣсь не любятъ.

— Отчего вы не женаты до сихъ поръ?—спрашивалъ я болгарина—богатаго, красиваго холостяка, уже лѣтъ подъ сорокъ, парижанина по воспитанію, привычкамъ, образу жизни.

— Оттого, что не на комъ жениться.

— Вотъ тебѣ разъ?!

— Свои не нравятся: скучно съ ними, дикарки. А везти сюда въ Софію француженку или русскую... за что же я ее, бѣдную, запру въ эту тюрьму? Надо очень любить мужа, чтобы послѣдовать за нимъ въ нашъ медвѣжій уголь и выдерживать нашъ угрюмый бытъ... Поживите среди болгаръ,—вы убѣдитесь, что тургеневская Елена и не подозрѣвала, на какую унылую жизнь обрекала она себя, слѣдуя за Инсаровымъ. Наша женщина и европейская живутъ въ двухъ разныхъ мірахъ, между ними нѣтъ ничего общаго, ни симпатій, ни интересовъ.

Дѣйствительно, болгарки по крови и болгарки по замужеству держатся въ Софіи отдѣльными кружками и съ замѣтнымъ оттѣнкомъ взаимной антипатіи. Въ то время, какъ кружокъ болгарокъ по замужеству объединилъ женщинъ самаго разнообразнаго происхожденія—русскихъ, француженокъ, нѣмокъ, англичанокъ, кровная болгарка въ немъ—рѣдкость... Развѣ ужъ какая-нибудь европеизированная и эманципированная, на которую свои махнули рукою, какъ на отщепенку.

Болгарскія женщины показались мнѣ и впрямь диковатыми и простоватыми. Отъ природы онѣ, вѣроятно, умны, потому что болгаре вообще умны, хотя и не быстры мыслію. Онѣ очень скромны, молчаливы, отличныя хозяйки, отличныя жены, отличныя матери. Самая эманципированная бол-

гарка не позволить себѣ врываться въ мужской разговоръ, мѣшаться въ мужскія дѣла и предпріятія: болгаринъ собираетъ митинги и устраиваетъ „превраты“, а болгарка „сидитъ дома и прядетъ шерсть“. Въ послѣднее время значительное количество болгарокъ устремилось на Западъ, на поклонъ европейской наукѣ. Какъ отзовется это движеніе на ихъ психикѣ—не знаю, но, сколько могу судить, оно, объщая Болгаріи много свѣтлыхъ головъ и полезныхъ труженицъ, отнюдь не наводнитъ ее Авдотьями Кукшиными. Болгарка крѣпка характеромъ и любитъ свой домашній очагъ,—поэтому, что надо ей, она отъ эмансипаціи возьметъ, а къ своимъ исконнымъ устоямъ все-таки возвратится. Нравственность болгарскихъ женщинъ безукоризненна—даже въ Софіи, самомъ распушенномъ городѣ княжества. Женщина съ адюльтеромъ — отверженное существо: на нее подняты всѣ камни. Скандальный романъ съ женою военнаго министра Савова, громко оглашенный на всю Болгарію, былъ одною изъ ближайшихъ причинъ стамбуловскаго паденія: похищенія диктатора съ этою психопаткою-нимфоманкою, пустившееся въ послѣдствіи во всѣ тяжкія, оказались слишкомъ не въ духъ мѣстнаго семейнаго строя.

— При туркахъ,—сострилъ одинъ константинопольскій эмигрантъ-болгаринъ,—болгарская женщина пользовалась тою же свободою, какъ и теперь, за исключеніемъ свободы быть вѣрною своему мужу.

Турокъ прогнали—явилась и эта свобода. Ну, бабы ею, какъ новостью, и наслаждаются, усердствуютъ: всѣ поголовно вѣрны. А Стамбуловъ вздумалъ на ихъ свободу посягнуть... Вотъ бабы и взбѣспились, и съѣли его.

Во главѣ дамъ антистамбулистокъ стояла сама княгиня Марія-Луиза. Отвращеніе ея къ „тиранину и блуднику“ доходило до того, что всякій разъ, какъ Стамбуловъ пріѣзжалъ во дворецъ, она немедленно уѣзжала на прогулку, чтобы не оставаться подъ одною кровлею съ ненавистнымъ министромъ.

Говорятъ, будто „негово царско височество“ князь Фердинандъ, на первыхъ порахъ, съ легкой руки и благословенія Стамбулова, пробовалъ ввести въ своемъ дворцѣ, по холостому своему положенію, версальскіе нравы эпохи регентства. Но болгаре оказались ужасно тупы и невоспріимчивы по этой части, такъ что князю оставалось только поскорѣе пайти невѣсту и жениться, ибо званіе Junggeselle въ Софіи не представляетъ рѣшительно ничего привлекательнаго. По крайней мѣрѣ, для человѣка съ избалованнымъ вкусомъ и рыцарскими взглядами на женщину, неспособнаго жуировать à la Стамбуловъ—по разбойничьи.

Къ сожалѣнію, въ жертву болгарскому пуританизму приносятся не одни Стамбуловы. Въ февральскіе дни я спросилъ кого-то изъ рушукцевъ, пріѣхавшихъ въ Софію повеселиться на праздникахъ

примиренія, о здоровьи моего знакомаго, адвоката Петковича, послѣ 18-го мая 1894 года исправлявшаго должность губернатора Рушукъ.

— Какъ? развѣ вы не слышали? Онъ умеръ...

— Быть не можетъ? какъ? когда?

— Романическая исторія. Онъ полюбилъ одну молодую вдову, болгарку, съ европейскимъ образованіемъ. Хотѣлъ жениться. Семья возстала: ни за что не пустимъ ее въ домъ! Онъ сошелся съ нею гражданскимъ бракомъ. Тогда весь городъ сталъ показывать на нихъ пальцами... Ну, и затравили бѣдныхъ! Петковичъ застрѣлилъ свою любовницу и застрѣлился самъ...

Бѣдные рушукскіе Ромео и Джульетта! и, въ особенности, бѣдный Ромео! Петковичъ былъ личностью, высоко выдающеюся надъ уровнемъ болгарскаго общества. Кандидатъ правъ Харьковскаго университета, адвокатъ по профессіи, онъ уклонялся отъ официальной политики и согласился, по просьбѣ правительства 18-го мая, лишь временно взяться за управленіе Рушукскимъ округомъ. Но именно его авторитету, энергіи и умѣлой пропагандѣ правительство было обязано легкостью, съ какою оно восторжествовало надъ стамбуловщиною въ Рушукъ. А Рушукъ—камертонъ для всего болгарскаго Дуная. Да и въ Софіи прислушиваются къ его голосу.

Бѣдный Петковичъ! его ждала видная будущность! Какъ живой, встаетъ онъ сейчасъ въ моей

памяти: красавецъ, лѣтъ 34—36, съ лихорадочнымъ румянцемъ на блѣдномъ лицѣ и возбужденными глазами убѣжденнаго агитатора. Онъ слылъ однимъ изъ лучшихъ ораторовъ въ Болгаріи, а это не мало. Болгары—природные „мастера элоквенціи“, да еще школятъ ихъ и закаляютъ по этой части чуть не ежечасные митинги партій. Врядъ ли найдутся въ Россіи ораторы, равные по энергіи, по огневому „нутру“ слова, покойному Стамбулову, или по изяществу и неотразимой логической убѣдительности рѣчей—г. Стоилову. А о Петковичѣ я слыхалъ отзывы, будто онъ говорилъ не хуже и того, и другого. И вотъ—вполнѣ сложившійся ораторъ и общественный дѣятель, уважаемый всею странюю чело-вѣкъ погибаетъ жертвою предразсудковъ и семейныхъ дрызгъ; погибаетъ въ концѣ XIX-го вѣка совершенно по тому же рецепту, какъ погибли Иво и Мара въ народной болгарской легендѣ, сочиненной еще до турецкаго полона; погибаетъ пассивнымъ протестантомъ противъ гнета и насилія деспотически-патріархальной семьи.

Въ Болгаріи до сихъ поръ не вывелся окончательно старинный обычай брака по родительскому общанію. Такъ какъ въ этой демократической странѣ интеллигенція не успѣла еще выдѣлиться въ особое сословіе, оторванное отъ народныхъ корней, то мнѣ случалось встрѣчать семьи, очень странныя на нашъ взглядъ по своему внутреннему складу. Уѣдетъ молодой чело-вѣкъ изъ Сливна, Габрова или

Разграда въ Парижъ или Лейпцигъ, учится тамъ, развивается, возвращается наконецъ совсѣмъ европейцемъ и—женится на дѣвушкѣ, обреченной ему въ невѣсты чуть не съ шести лѣтъ, не всегда даже грамотной, живущей исключительно интересами своего тѣснаго уголка, ничего за предѣлами этого уголка не издававшей, да и не желающей видѣть. У насъ на Руси такіе браки случаются, но ихъ рассматриваютъ, какъ рѣдкое и прискорбное исключеніе. Да такимъ они являются и на самомъ дѣлѣ. Говоря о союзахъ, неравныхъ по интеллектуальному цензу брачующихся, кто-то изъ русскихъ публицистовъ, кажется, Михайловскій, справедливо предлагалъ читателямъ такой примѣръ: „вообразите, что студентъ Хорьковъ изъ „Бѣдной Невѣсты“ увлекся Липочкою Большовою изъ „Свои люди—сочтемся“, то-есть, отуманился ея пышнымъ тѣломъ, и потомъ счелъ долгомъ честнаго человѣка жениться на ней. Что можетъ выйти изъ такой четы черезъ годъ послѣ брака, кромѣ пары озвѣренныхъ, ненавидящихъ другъ друга людей, навѣкъ запертыхъ въ одну клѣтку: кто, молъ, кого скорѣе заѣстъ“. Въ Болгаріи это иначе: Хорьковы то и дѣло женятся на Липочкахъ, и ничего, чувствуютъ себя весьма удобно и покойно. У насъ изъ такого брака вышла бы „пучина“, а у болгаръ получается чуть ли не идиллія. Высокоразвитый мужъ и полудикарка жена отлично уживаются и не ѣдятъ другъ друга поѣдомъ, какъ можно бы ожидать. Единственное объ-

ясненіе, какое я могу предположить въ данномъ случаѣ, это—что болгары и сами заразились отъ турокъ восточнымъ взглядомъ на женщину, и ее этимъ взглядомъ заразили. Они отмежевали своимъ женамъ опредѣленную область и строго блюдутъ ея границы. Мнѣ—мышленіе, дѣятельность, политика, тебѣ—кухня, постель, домъ, дѣти. Я не мѣшаюсь въ твое, ты не мѣшайся въ мое. Такимъ способомъ два элемента, столь же разнородныхъ, казалось бы, какъ сода и кислота, ухитряются прожить лѣтъ пятнадцать въ самомъ мирномъ и счастливомъ супружествѣ, наплодить кучу дѣтей и воспитать ихъ. Да, надо полагать, болгарки очень удобныя и спокойныя жены, и буйнымъ, разочарованнымъ Алеко, мечтающимъ покинуть неволю душныхъ городовъ для успокоенія на лонѣ природы, слѣдовало бы влюбляться въ осѣдлыхъ болгарокъ, а отнюдь не въ легкомысленно кочующихъ Земфиръ. Одинъ мой пріятель, болгаринъ петербургскаго воспитанія, относился къ своимъ женщинамъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ: „самки!“ Врядъ ли онъ былъ правъ. Вотъ именно самочьяго-то, назойливо и первенствующе чувственного и нѣтъ ничего въ болгаркѣ. А просто есть въ ней смиренное искусство принять на себя чернорабочую роль, чтобы мужчине было свободнѣе и спокойнѣе дѣлать свое дѣло добытчика въ домъ и работника на общество. Есть скромное геройство поставить себя въ семьѣ третьимъ номеромъ—послѣ мужа и дѣтей—и въ этомъ

видѣть цѣль своего существованія... „Zweikindersystem“ еще не проникла въ Болгарію: чѣмъ больше дѣтей въ семьѣ, тѣмъ лучше. Размножать юное поколѣніе здѣсь не лѣнятся, и болгарскія жены могутъ, повидимому, повторить о своихъ супружескихъ отношеніяхъ остроту, сказанную одною замужнею пѣвицею рецензенту—великому Донъ-Жуану:

— У васъ совсѣмъ нѣтъ огня въ любовныхъ сценахъ,—упрекнулъ фатъ.

— Нѣтъ, для домашняго обихода достаточно,—добродушно отвѣтила пѣвица,—а вотъ распивочно и на выносъ, вапа правда, не хватаетъ...

Болгарки, вопреки распространенному мнѣнію, вовсе не красавицы; конечно, попадаютъ между ними очень красивыя, но рѣдко, особенно въ Софіи. Гдѣ больше вліяла турецкая кровь, тамъ больше красоты. Но онѣ такъ свѣжи, такъ дышатъ здоровьемъ и силою, у нихъ такіе хорошіе, глубокіе, скромные и честные глаза, что все это, пожалуй, вполне замѣняетъ болгаркѣ красоту. Въ національномъ костюмѣ болгарка выигрываетъ: европейскій къ ней ужасно нейдетъ, дѣлаетъ ее толстой, нескладной тѣломъ и неграціозной движеніями. Болгарка, одѣтая по модѣ, подведена къ одному знаменателю—что въ плечахъ, что въ талии, что въ бедрахъ... При томъ безвкусица въ цвѣтахъ и фасонахъ платья самая невозможная. Женщины народа поэтому кажутся всѣ сплошь красивѣе женщинъ интеллигенціи, тѣмъ болѣе, что костюмъ ихъ—изъ грубаго

домотканнаго полотна, съ пестрыми вышивками по бѣлымъ рубашкамъ,—чрезвычайно ярко и живописно.

Хотя въ болгарскомъ обществѣ женщина не играетъ замѣтной роли,—впрочемъ, Шопенгауэръ сказалъ бы, что именно поэтому,—въ компаніи болгарскихъ интеллигентовъ время идетъ довольно занимательно. Потугинъ говорилъ: „сойдется десять англичанъ, они тотчасъ заговорятъ о подводномъ телеграфѣ, о налогѣ на бумагу, о способѣ выдѣлывать крысы и шкуры, то-есть о чемъ-нибудь положительномъ, опредѣленномъ; сойдется десять нѣмцевъ—ну, тутъ, разумѣется, Шлезвигъ-Гольштейнъ и единство Германіи явится на сцену; десять французовъ сойдется, бесѣда неизбѣжно коснется клубнички, какъ они тамъ ни виляй; а сойдется десять русскихъ, мгновенно возникаетъ вопросъ,—вопросъ о значеніи, о будущности Россіи, да въ такихъ общихъ чертахъ, отъ янцъ Леды, бездоказательно, безвыходно. Жуютъ, жуютъ они этотъ несчастный вопросъ, словно дѣти кусокъ гумиластика,—ни соку, ни толку“. Съ тѣхъ поръ, какъ были написаны эти строки, утекло много воды, и, наблюдая по обязанности фельетониста русское столичное общество, я смѣю утверждать, что оно вполне „исправилось“ отъ грѣха толковать о будущности Россіи и, въ смыслѣ клубнично-разговорныхъ темъ, заключило тѣснѣйшій *alliance franco-russe*. Въ настоящее время потугинское опредѣленіе разговоровъ гораздо

больше подходитъ къ софійцамъ, чѣмъ къ москвичамъ или петербуржцамъ. Софіецъ — политиканъ-разговорщикъ, чуть не отъ колыбели до сѣдыхъ во-лось. И именно софіецъ—больше всякаго другого болгарина, потому что вопросы политики для софійца вопросы не только шкуры общественной, но и своей собственной. Въ Русукѣ, въ Пловдивѣ надъ софійцами трунятъ:

— Какія тамъ у нихъ политическія партіи! Сколько ихъ ни будь, всѣ сольются въ одной—въ „партіи перваго числа“, — то-есть: когда чиновникамъ выдаютъ жалованье.

Дѣйствительно, если не считать военныхъ, девять десятыхъ софійской интеллигенціи—чиновники, которые, естественно, всегда лично заинтересованы въ „превратахъ“: однимъ хочется новаго порядка и новыхъ людей, потому что хочется кушать, другимъ—по той же причинѣ—надо слѣдить, чтобы остался старый порядокъ и старые люди. Чиновничество переливается въ Болгаріи, какъ камешки въ калейдоскопѣ, съ каждымъ наклономъ въ пользу того или другого политическаго дѣятеля. Наше газетное выраженіе „министерство пало“ въ Болгаріи распространено на всѣ слои бюрократіи.

— Я пальъ вмѣстѣ съ Каравеловымъ,—торжественно заявилъ мнѣ, когда я ѣхалъ въ Софію, мой попутчикъ въ поэтическомъ путешествіи по Ломъ-Паланкскому шоссе, черезъ Клисурское ущелье и Петроханскій переваль, начальникъ телеграфнаго

полустанка въ Систовѣ. Съ непривычки къ пышному „паль“, я едва не разсмѣялся, а потомъ въ Софіи оно слышалось такъ часто, что уже не вызывало даже и улыбки. Такимъ образомъ, болгарскій дѣятель, устремляясь въ служебную карьеру, долженъ прежде всего приготовиться, чтобы—по польскому выраженію—быть и на возу, и подъ возомъ. Начальникъ софійскаго телеграфо-почтенскаго отдѣла, мой пріятель И. П. Стояновичъ, по уличной софійской кличкѣ „аджиле“, т. е. юркій, четыре раза овладѣвалъ своимъ важнымъ постомъ и четыре раза слеталъ съ него. Послѣ 18-го мая въ 1894 году сѣлъ въ пятый и, къ собственному удивленію, сидитъ уже седьмой годъ. Не помню, послѣ какого именно „преврата“ Стамбуловъ отправилъ Стояновича прямо изъ почтъ-директорскаго кабинета на родину въ Сливно, пѣшкомъ, подъ охраною верхового конвойнаго. Хорошо еще, что послѣдній сжалился надъ бывшимъ начальствомъ и уступилъ Стояновичу сѣдло, а самъ брелъ пѣшкомъ.

— Отчего же вы не ускакали?—спросилъ я Стояновича, когда узналъ этотъ анекдотъ.

— Позвольте васъ спросить: куда? У насъ, если человѣкъ въ несчастіи, то—куда ни кинь, вездѣ клинь. Ну, хорошо: не пошелъ бы въ Сливно,—убѣжалъ бы, скажемъ, въ Габрово... Вы думаете: въ Габровѣ веселѣе, чѣмъ въ Сливнѣ?

Телеграфное и почтовое вѣдомство, впрочемъ, больше, чѣмъ всякое другое, подвержено перемѣ-

намъ. Практика переворотовъ доказала, что побѣда остается за той стороною, которая успѣла обезпечить себѣ телеграфную проволоку. Измѣна телеграфистовъ погубила Стамбулова. Подавъ въ отставку, диктаторъ разослалъ телеграммы своимъ префектамъ въ провинціи, чтобы они обычною палочною системою сбили митинги, вотирующие петицію къ князю—оставить Стамбулова, „отца отечества“, на мѣстѣ, такъ какъ въ немъ одномъ спасеніе Болгаріи. Такимъ образомъ, Стамбуловъ рассчитывалъ не только удержать за собою власть, но и еще разъ пугнуть Фердинанда силою мнимаго общественнаго сочувствія къ стамбуловскому режиму. Но онъ не сообразилъ одного, что его ненавидятъ даже его собственные ставленники. Измѣною телеграфа, вѣсть, что Стамбуловъ подалъ въ отставку, всюду попадала къ оппозиціонерамъ раньше, чѣмъ къ властямъ. Варненскіе агитаторы, какъ только пронесся слухъ о томъ, что „тиранинъ и блудникъ“ подалъ въ отставку, командировали эмиссаровъ въ Бургасъ, чтобы овладѣть здѣшнюю телеграфною станціей, а, слѣдовательно, и всѣми проходящими черезъ нее денешами. Сообщеніе между Стамбуловымъ и стамбулцами было такимъ образомъ пресѣчено, а народная партія неутомимо заиграла по клавишамъ всѣхъ аппаратовъ. Дѣйствительно, собрались митинги—только они вотиrowали не сочувствіе Стамбулову, а благодарность правительству за удаленіе его. Контръ-митинги провалились; власти прятались

отъ бушующаго народа. Варненскій управитель, получивъ отъ Стамбулова многозначительную, но опоздавшую телеграмму: „я подалъ въ отставку, но еще управляю министерством“,—послалъ было въ лагерь за войсками. Градоначальникъ, не зная на-строенія командира войскъ, на всякій случай, со спокойной совѣстью, перехватилъ телеграмму.

— Что же вы не унимаете народъ?—кричалъ управитель,—это ваша обязанность укрощать бу-яновъ и крикуновъ.

— Не угодно ли вамъ взглянуть на толпу?—возразилъ градоначальникъ:—тутъ уже не буяны и крикуны, а вся Варна. Я не могу идти противъ общей воли—хотя бы уже потому, что вовсе не желаю, чтобы меня и стражаковъ изорвали въ куски.

Опираясь на градъ восторженныхъ телеграммъ изъ провинціи, княгиня Марія-Луиза указала князю Фердинанду, что держаться за Стамбулова и невозможно, и не стоитъ; что онъ крѣпокъ вовсе не Стамбуловымъ, какъ убѣждалъ князя послѣдній, а народомъ, который, будучи избавленъ отъ Стамбулова, многое проститъ за это и вѣчно будетъ благодаренъ своему государю; что отставка Стамбулова—громадный шагъ къ власти самостоятельной и популярной. Фердинандъ, можетъ быть, вспомнилъ въ этотъ моментъ, какъ однажды, въ пылу спора, Стамбуловъ, вмѣсто возраженія, молча, но выразительно указалъ ему на Ломъ-Паланкское шоссе, по которому когда-то увезли Баттенберга; можетъ быть, вспомнилъ и

то, какъ Стамбуловъ, въ новый годъ, въ присутствіи всего двора, заставилъ князя первымъ подойти къ своему министру съ поклономъ и поздравленіемъ... Тѣмъ временемъ Софія волновалась. Студенты Великой школы возбуждали и вели за собою народъ. Войска не знали, что дѣлать, но были успокоены предписаніемъ военнаго министра—не трогаться съ мѣста, не вмѣшиваться въ народное движеніе; если же народъ будутъ тѣснить и обижать, то стать за народъ, а не противъ него. Образовалось новое министерство, опять таки телеграммами установилось новое управленіе,—и такъ счастливо, что, безъ всякихъ кровавыхъ драмъ и безпорядковъ, все вошло въ колею.

Безпрестанныя перетасовки администраціи заставляютъ Болгарію очень дорожить людьми съ спеціальнымъ образованіемъ, особенно, юридическимъ,—тѣмъ болѣе, что и вообще-то людей съ образованіемъ въ Болгаріи—горстка, по процентному отношенію къ народной массѣ. Превратовъ такъ много, что на „чистыя перемѣны“ людей не хватаетъ. Это ведетъ правительство съ одной стороны къ самымъ страннымъ политическимъ компромиссамъ, а съ другой стороны — заставляетъ создавать невѣроятно быстрыя карьеры. Ко мнѣ, въ отель „Кобургъ“, является софійскій пріятель Божиловъ.

— Прощай, Александръ, завтра ѣду въ Руссукъ.

— Зачѣмъ?

— Я назначенъ туда прокуроромъ апелляціоннаго суда.

— Ты? Да сколько тебѣ лѣтъ?

— Двадцать семь...

Въ двадцать семь лѣтъ — прокуроръ судебной палаты, и гдѣ еще!—во второмъ по значенію городѣ государства.

Прокуроръ софійскаго окружнаго суда г. Поли-
крушевъ—едва кончилъ курсъ въ московскомъ уни-
верситетѣ, какъ получилъ свое назначеніе и на
первыхъ порахъ очень имъ мучился, такъ какъ въ
Россіи отвыкъ отъ болгарской рѣчи.

Здѣсь все—карикатуры на Цезарей: „въ мои лѣта
Александръ Македонскій покорилъ міръ, а я что
сдѣлалъ?“ И всѣ спѣшать „дѣлать“. Стамбуловъ
успѣлъ побывать и въ регентахъ, и въ министрахъ,
и оставилъ позади себя обширную адвокатскую
карьеру, а ему было всего сорокъ два года, когда
его зарѣзали. Онъ товарищъ по семинаріи писателю
И. Н. Потапенко. Петровъ—поручикомъ управлялъ
штабомъ дѣйствующей арміи подъ Сливницею. Когда
я съ нимъ познакомился, то не мало удивился:

— Какъ? этотъ-то благообразный „молодой чело-
вѣкъ пріятной наружности“ и есть знаменитый ми-
нистръ, божокъ арміи, „рущукскій убійца“, и—истин-
ный виновникъ переворота 18-го мая?!

Молодая страна и молодые люди ею орудуютъ!

Еще Лавелэ указывалъ на огромный вредъ, при-
носимый Болгаріи частыми перемѣнами въ составѣ
администраціи. Онъ сравнивалъ Болгарію въ этомъ
отношеніи съ Соединенными Штатами. Относитель-

ное равнодушіе стамбуловской администраціи къ паденію своего шефа объяснялось отчасти именно тѣмъ, что новое правительство — сверхъ обычая — не повыгнало со службы всѣхъ стамбулистовъ прямо послѣ переворота, но, оставивъ ихъ временно на своихъ мѣстахъ, принялось увольнять ихъ и отдавать подъ судъ понемногу, исподволь. По этому поводу у меня былъ большой разговоръ съ Радославовымъ. Онъ тогда управлялъ министерствомъ юстиціи. Онъ говорилъ:

— Что же дѣлать? Каждый, становясь у власти, естественно старается приблизить къ ней людей, ему извѣстныхъ — не только изъ желанія порадовать родному человѣчку, но и потому, что за людей своей партіи онъ можетъ и долженъ быть отвѣтственъ, можетъ поручиться за нихъ предъ верховною властью, имѣетъ шансы положиться на нихъ. Страна такъ еще молода, болгарская интеллигенція такъ еще относительно малочисленна, что у насъ почти не существуетъ должностей, вовсе лишенныхъ политическаго значенія. Не говорю объ администраціи, — простой сельскій учитель можетъ овладѣть умами своего округа и, вертя имъ, ставить его за или противъ правительства. Поэтому не охуждайте слишкомъ, вмѣстѣ съ Лавелэ, нашихъ служебныхъ отставокъ и перемѣщеній. Мы сознаемъ ихъ вредъ, но сознаемъ и ихъ печальную необходимость. Наше министерство, становясь у власти, приняло, однако, всѣ мѣры къ тому, чтобы перемѣщенія и отставки

произошли въ какъ можно болѣе ограниченномъ количествѣ. Вѣдь надо помнить, что огульныя увольненія, какъ они иногда практиковались,—зерно будущей партіи того, съ кѣмъ вмѣстѣ пали уволенные.

Относительно Стамбулова эти слова оправдались вполне: современная партія стамбулистовъ состоитъ сплошь изъ служилыхъ людей, павшихъ вмѣстѣ съ покойнымъ диктаторомъ и отставленныхъ новымъ правительствомъ отъ выгодныхъ „кормленій“ и теплыхъ мѣстечекъ.

Итакъ, разговоръ софійскаго мужскаго общества по преимуществу—политическій, общественный или, рѣже, какъ бы для отдыха, литературный. Болгары все время, какъ будто сами экзаменуются и вась экзаменуютъ: что молъ, ты знаешь? и не знаешь ли ты чего-нибудь такого, что намъ неизвѣстно, а извѣстно быть должно? Тема весьма рѣдкая—излюбленныя русскою интеллигенціею, мистическія и фантастическія бесѣды. Болгары прозаичны, и будущее за предѣлами земли ихъ мало занимаетъ. У нихъ на землѣ много дѣла. Они и религіозны-то больше формально, чѣмъ по существу; этого не отрицалъ въ бесѣдѣ со мною самъ митрополитъ Климентъ. А мистики и фантастики болгаринъ вовсе не хочетъ знать. Онъ матеріалистъ по натурѣ, съ него достаточно нагляднаго и осязательнаго. Лучшее доказательство: между ними почти нѣтъ спиритовъ, а базаровскій „лопухъ“ имѣетъ множество убѣжденныхъ адептовъ. Впрочемъ, въ послѣдніе годы у болгаръ завелся спиритическій

журналъ. Его издаетъ и, кажется, отъ доски до доски единолично составляетъ дама—чуть ли не единственная, кромѣ серьезной и талантливой Екатерины Каравеловой, болгарская писательница-журналистка. Не помню ея фамиліи. Журналъ успѣха не имѣетъ, а редактирующую его спиритку считаютъ полумною.

Не имѣя духовныхъ порывовъ къ будущей жизни, болгаре, какъ мнѣ показалось, довольно равнодушны и къ своему прошлому.

— Что тамъ помнить-то? Проклятая туречина!—вырвалось у одного рущукскаго учителя, когда я попрекнулъ его, что, живя среди народа, онъ совсѣмъ не интересуется ни родною археологіей, ни роднымъ стариннымъ обычаемъ.—Все выросло на униженіи, на рабствѣ, подъ турецкимъ кнутомъ... Это забыть надо!

Какъ распорядились софійцы съ генуэзскимъ базаромъ, читатель видѣлъ. Свою изумительную по великолѣпію руинъ Святую Софію они держатъ въ развалинахъ, обративъ ее въ мучной или еще какой-то складъ. Они наивно собрались было перестроить Розовую Мечеть (Гюль-Джамія), гдѣ покоится тѣло Александра Баттенберга, совершенно равнодушно оставляя въ сторонѣ тѣ соображенія, что зданію Розовой Мечети больше тысячи лѣтъ, что она, по очереди, была языческимъ капищемъ, православною церковью, мечетью и церковью снова, что болѣе древней постройки нѣтъ на всемъ Бал-

канскомъ полуостровѣ. Розовая Мечеть—круглая, небольшая на видъ, но уѣмистая кубышка. Баттенбергъ спитъ въ ней, окруженный пушками, знаменами, ружейными витринами, почти въ непроглядномъ мракѣ. Гробъ, стѣны, полъ завалены вѣнками, тщательно сберегаемыми здоровымъ и дюжимъ солдатомъ, еще изъ „поборниковъ“, т. е. дружинниковъ русской войны за освобожденіе. Изъ вѣнковъ большинство съ лентами, украшенными надписями,—лирическими, но не политическими. Только краковскіе поляки не утерпѣли, чтобы не сдѣлать рѣзкой выходки противъ Россіи. Въ зданіи еще сохранились фрески далекаго-далекаго времени, когда ни одного магометанскаго слова не раздавалось на болгарской землѣ. Икакъ будетъ, если этотъ, единственный въ своемъ родѣ, памятникъ подвергнется передѣлкамъ, искажающимъ его красоту. Равнодушіе къ родной старинѣ объясняется отчасти тѣмъ, что для болгарина его первобытная исторія потеряла значеніе практическихъ воспоминаній. Между древней Болгаріей и новой лежитъ огромная полоса турецкаго владычества. Вотъ—всей исторіей, которая относится къ борьбѣ съ турками, болгаре, дѣйствительно, дорожатъ и отлично ее знаютъ. Имя каждаго гайдуга, сложившаго свою голову подъ турецкіе ятаганы, извѣстно и въ пѣсняхъ, и въ преданіяхъ равно болгарскому барину и болгарскому мужику. А Крумы, Асени.. далеко они.. о нихъ развѣ фантазеры мечтаютъ. Признательность болгаръ къ

дѣятелямъ и поборникамъ эпохи освобожденія возвышается до трогательности въ обожаніи ими памяти императора Александра Николаевича, доходящемъ до культа. Мнѣ случалось встрѣчать портреты Царя-Освободителя въ болгарскихъ хаткахъ на ряду съ иконами. Австрійская печать пустила однажды коварный слухъ, будто болгары разрушили всѣ памятники въ честь русскихъ подвиговъ послѣдней турецкой войны. „On trouve partout plus de moines que de raison“: за эту сенсационную ложь нѣкоторые наши патріоты не по разуму, дружащіе съ Россіей, какъ медвѣдь съ пустынникомъ, ухватились съ дикимъ восторгомъ, какъ за новое доказательство „болгарской неблагодарности“. На самомъ же дѣлѣ памятники не только цѣлехоньки, но еще и окружены особымъ вниманіемъ и почетомъ. Правда, былъ одинъ случай, когда русскій памятникъ былъ оскорбленъ, но безъ всякаго политически злого умысла: просто пьяный офицеръ сдуру выпалилъ въ монументъ изъ револьвера. Что жъ тутъ политическаго? Этакъ можно произвести въ политическіе оскорбители и того анекдотическаго пьяницу, что, разжалобясь, повѣсилъ полштофъ на простертую руку Минина, указующаго Пожарскому съ московской Красной площади на Кремлевскія стѣны... Да и то виновникъ пьяной выходки былъ немедленно арестованъ и строго наказанъ: такъ грозно зашумѣлъ противъ него народъ. А между тѣмъ случилось это въ самое темное стамбуловское время!

Нѣтъ, сѣмя, посѣянное освободительною борьбою русскихъ за Болгарію, никогда не умретъ, а репейники его заглушающіе, понемногу вянуть и, дать Богъ, скоро завянутъ всѣ до послѣдняго.

Если болгарское общество чуждается спиритуалистическихъ воззрѣній и бесѣдъ, то—нельзя не отдать ему справедливости—еще болѣе чуждо оно той гривуазности, въ какую ухитряется у насъ на Руси, особенно, въ московскихъ „умныхъ кружкахъ“, перескочить даже самый, повидимому бы, аскетическій мужской разговоръ. Я не слыхалъ на болгарскихъ сборищахъ ни циничныхъ бесѣдъ, ни циничныхъ словъ, ни неуважительно откровенныхъ разговоровъ о женщинѣ. Поручику Кувшинникову пришлось бы тутъ плохо: „по части клубнички“—полное упраздненіе. Мидхатъ-паша, въ дни своего либеральнаго управленія (разумѣй—либеральнаго на восточный манеръ: съ коломъ и висѣлицею), взялъ было, чтобы отвлечь болгаръ отъ политиканства, ту же систему, какою Наполеонъ III развратилъ Францію: насадилъ, по всѣмъ городамъ кафе-шантаны вѣнскаго типа, то есть—не разобрать что: не то концертный залъ, не то публичный домъ. Ядъ, однако, не подѣйствовалъ. Мидхатова „реформа“ привела лишь къ одному результату: когда, въ политической полемикѣ, „дѣятель“ хочетъ больно уязвить своего оппонента, а между тѣмъ словарь парламентской ругани уже истощенъ, онъ принимается допекать своего противника:

— Вы — кафешантаннаго воспитанія. У васъ— кафешантанные идеалы, кафешантанная политика, кафешантанная программа...

Такимъ образомъ, не кафешантанъ побѣдилъ политику, но политика овладѣла кафешантаномъ. Помню, послѣ 18-го мая, утомленный безчисленными interviews, говорю своему пріятелю Божилову:

— Показывай, гдѣ тутъ у васъ веселятся?

Онъ собираетъ огромную компанію, и мы отправляемся въ какое-то кафе-концертъ. Мерзость ужаснѣйшая. Ни одной изъ пѣвицъ наши Омонъ и Неметти не подпустили бы на выстрѣлъ къ своимъ заламъ. Обстановка—трактира средней руки. За то рѣкою льется превосходное вино изъ Садовой. Пѣвицы подходятъ къ столу, садятся. Какая-то француженка выклянчила у адвоката К. бутылку шампанскаго. Вино разлито, шипитъ въ стаканахъ. Хозяинъ встаетъ и провозглашаетъ тостъ... вы думаете, за здоровье присутствующихъ, за общее веселье, ну, наконецъ, за здоровье дамъ, какъ сдѣлали бы это французъ, нѣмецъ, русскій, итальянецъ, англичанинъ? Нѣтъ:

— Господа! піемо дружеска чашата на погибель Стамбулова!

Помню, въ такомъ кафе-шантанѣ познакомился я съ опереточною актрисою изъ Бухареста, уже пожилою румынкою, когда-то, должно быть, очень красивую. Разговоръ ея былъ интересенъ: она много видала и многихъ знала. И вдругъ К. шепчетъ мнѣ на ухо:

— Осторожнѣе съ нею. Это—правительственный шпионъ. Прежде она была на жалованьи у Стамбулова, а теперь у Стоилова. Все, что мы будемъ говорить и дѣлать, черезъ два часа будетъ извѣстно полиціи...

Чортъ знаетъ что! Положимъ, не было говорено и дѣлано ничего такого, что могло стоить благосклоннаго вниманія дамы-шпіона... Но идти въ кафешантанъ и попасть въ негласный участокъ—это уже что-то специфически болгарское.

— Мы, и женъ-то когда цѣлуемъ, о превратахъ думаемъ! — сострилъ однажды бывший редакторъ правительственнаго „Свободнаго Слова“, русскій эмигрантъ, хотя болгаринъ родомъ, г. Беламазовъ. Миръ его праху! Умеръ недавно, бѣдняга, въ Лозаннѣ отъ горловой чахотки. За знакомство съ нимъ, мнѣ когда-то жестоко досталось отъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Беламазовъ былъ сосланъ въ каторгу по политическому процессу Лизогуба (повѣшеннаго въ Кіевѣ) и бѣжалъ изъ Сибири...

Можно было до слезъ хохотать, когда, во время февральскихъ празднествъ 1896 года, болгары принялись доѣзжать своимъ политикалствомъ молодыхъ петербургскихъ корреспондентовъ, превосходно изучившихъ разницу жанра Меали отъ жанра Отеро, но приходившихъ въ полное отчаяніе отъ обилія партизанскихъ программъ, толковъ, сплетенъ, споровъ, комментаріевъ, въ омутъ которыхъ бросила ихъ насмѣшница судьба.

Никогда не забуду одной сцены. Послѣ завтрака у князя, я и корреспондентъ М., совершенно измученные долгимъ пріемомъ и тяжелымъ этикетомъ дворца, лежимъ пластами на кроватяхъ и терзаемся мыслью:

— Господи! Доколѣ?! когда же конецъ торжествамъ и пированію?

Корреспондентъ П. съ яростью строчить телеграмму въ редакцію... Тутъ-тукъ! Является болгарскій „дѣятель“... Сълѣзъ—и съ мѣста въ карьеръ: правительство, оппозиція, радослависты, каравеловцы, оппортьюнисты, стамбулисты, цанковисты, полуцанковисты,—завертѣлся обычный круговоротъ политиканства. Полусонный П. смотритъ на мучителя въ упоръ сквозь монокль, и мы видимъ, какъ взоръ его понемножку наполняется холодною злобою...

— И вотъ, господинъ П.,—ораторствуетъ дѣятель,—если Россія возобновитъ прежнюю сердечную связь цанковистовъ съ полуцанковистами...

— Па-азвольте!—вдругъ прерываетъ П. утрированно-фатовскимъ тономъ, ничего общаго не имѣющимъ съ его обычнымъ голосомъ и интонаціями... Какое Россіи дѣло до вашихъ цанковистовъ и полуцанковистовъ?

— Какъ „какое дѣло“?!

— Милый мой,—невозмутимо цѣдитъ корреспондентъ, окончательно превращаясь въ парижскаго бульвардье:—ваши партіи всѣмъ надоѣли, и никто ими не интересуется. Вашихъ цанковистовъ и полуцанковистовъ, mon cher, надо того... убрать! Пожалуй,

можно еще оставить немножко—четверть-каравеловцевъ... на разводъ! Но остальныхъ—убррратъ!...

„Дьятель“ убѣждалъ отъ П., какъ бѣшенный, въ жесточайшемъ негодованіи, а мы дали волю душившему насъ смѣху.

— Послушайте. Зачѣмъ вы его такъ жестоко?—упрекали мы П.,—вѣдь онъ будетъ теперь рассказывать о васъ чортъ знаетъ что.

— Наплевать!.. Пусть раскрашиваетъ меня, какъ хочетъ. По крайней мѣрѣ не будетъ въ другой разъ соваться съ своими благоглупостями... Чортъ его дерн, тутъ и отъ настоящихъ-то политическихъ тузовъ голова идетъ кругомъ, а еще лѣзутъ всякіе Коичевы, Топчевы, Сопчевы, Лопчевы, Мопчевы... Сидятъ тамъ въ своихъ провинціальныхъ мурьяхъ и выдумываютъ перевороты! Посмотрѣлъ бы я, какъ бы у насъ сталъ политиканствовать этакій младшій помощникъ старшаго помощника. И главное—пусть бы политиковали про себя. Такъ нѣтъ: извольте его выслушивать, подавайте мнѣніе, одобрить ли Россія его взгляды или нѣтъ? А очень нужно Россіи знать что думаютъ Сопчевы, Лопчевы, Хопчевы!.. Дьяволы! только не даютъ спать рабочему человѣку!

За цѣломудріе устное болгаре вознаграждаютъ себя невѣроятною распущенностью въ печати. *Verba volant, scripta manent*: слово—звукъ пустой, а, что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ. По этому закону, современные болгаре, несмотря на всю свою словесную сдержанность, оставляютъ въ

потомствѣ память весьма безстыдной націи. Ихъ пресса не стѣсняется печатать слова, совершенно непечатныя, и публиковать факты, отъ оглашенія которыхъ покраснѣетъ любая содержательница дома терпимости. Въ особенности знаменита по этой части „Свобода“—въ дни Стамбулова, оффиціальній органъ, редактируемый г. Свирчо Петковымъ, креатурою и пріятелемъ Стамбулова. Эта газета приняла систему взводить на своихъ политическихъ враговъ грязнѣйшія клеветы-импровизаціи. Стоило поссориться, даже просто поспорить съ Стамбуловымъ, чтобы на завтра же прочитать о себѣ въ „Свободѣ“ удручающія душу свѣдѣнія:

Онъ отца отравилъ, пару тетокъ убилъ,
Взялъ подлогомъ чужое имѣнье,
Да двухъ братьевъ и трехъ сыновей задушилъ...

Сверхъ того, публикѣ обязательно сообщалось, что подлежащій обруганію N. N. находится въ связи съ своей собственной сестрою, дочь его—проститутка, а изъ сына вырастетъ, по всѣмъ признакамъ, воръ и церковный грабитель. Совсѣмъ по Гоголю: „а ежели тетка есть, такъ чтобъ и теткѣ!“ Оклеветанные терялись, не зная, какъ быть: и промолчать нельзя, и отвѣчать скверно; и такъ, и такъ—все равно, барахтайся въ лужѣ зловоннѣйшихъ помой! Люди рѣшительные прибѣгали къ способу кулачной расправы, но въ отношеніи къ редакціи правительственной газеты, располагавшей поддержкою стам-

буловскихъ палочниковъ, способъ этотъ былъ, конечно, мало надеженъ. Дуэли въ Болгаріи не въ обычаѣ. Когда Савовъ вызвалъ на дуэль Стамбулова, послѣдній объявилъ оскорбленнаго мужа сумасшедшимъ, и общественное мнѣніе, порицая Стамбулова за всю эту грязную исторію, одобряло его, однако, за отказъ отъ дуэли: нечего молъ вводить въ нашъ демократическій строй средне-вѣковыя аристократическія глупости. Когда „Свобода“ принялась гнусно клеветническимъ способомъ отдѣлывать Катерину Каравелову (жену знаменитаго Петки Каравелова, очень замѣчательную литературную и общественную дѣятельницу молодой Болгаріи, *esprit fort* въ полномъ смыслѣ слова), то братъ бѣдной женщины, покойный Никифоровъ, взялъ револьверъ и сѣлъ противъ редакціи „Свободы“, на ступеняхъ Народнаго собранія. До свѣдѣнія Петкова было доведено, что онъ, безъ всякой дуэли, безъ всякихъ объясненій, даже не рискуетъ получить, а обязательно получить пулю въ лобъ, если не прекратитъ своихъ гнусностей.. Подѣйствовало: унялись.

Языкъ болгарской газетной полемики—языкъ, поистинѣ, фантастическій. Никакая коллекція ругательствъ не превзойдетъ его своимъ богатствомъ и откровенностью. „Дуракъ“, „подлецъ“, „висѣльникъ“, „убійца“, „разбойникъ“, „взбѣсился“, „байстрюкъ“—это все еще выраженія парламентскія. Когда же всѣ эти перлы и алмазныя разсыпаны, а ругаться еще надо и хочется, случалось, что госно-

Борисъ
1896.

Княжичъ Борисъ Тырновскій
въ февралѣ 1896 года.

(Подпись — рукою князя Фердинанда).
Съ портрета, подареннаго аягору княземъ Фердинандомъ.

да литераторы съ нѣною у рта принимались обличать другъ друга въ содомскихъ грѣхахъ, называя при этомъ всѣ вещи почти что своими именами!

Лучшіе люди Болгаріи ставятъ Стамбулову въ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ его грѣховъ распущенность, какою — волею-неволею — заразилась болгарская пресса отъ „Свободы“, безъ удержа разнузданной покойнымъ премьеромъ. Нельзя не отдать справедливости министерству Стоилова: его органы, въ особенности „Миръ“, редактируемый г. Димитріемъ Поповымъ, были, — по крайней мѣрѣ, въ первое время, — безукоризненны въ этомъ отношеніи. Полемика „Свободнаго Слова“, полемика „Мира“ велись въ спокойномъ, джентльменскомъ тонѣ, безъ сдабриванья статей солью трехъ-этажныхъ ругательствъ, клеветъ и инсинуаций. Правда, и противники-то „Мира“, гг. стамбулисты, въ большинствѣ, были таковы, что на нихъ и клеветать трудно: какую ни Расскажи о нихъ правду, выйдетъ хуже всякой лжи!.. Другое дѣло — каравеловское „Знаме“. Умный, талантливый, живой журналистъ, г. Каравеловъ, стоя въ оппозиціи правительству, борется съ нимъ равнымъ оружіемъ. А, такъ какъ онъ остроумнѣе и алѣе правительственныхъ журналистовъ, то даже и неосновательныя нападки его доставляли министерству много непріятныхъ минутъ. Къ сожалѣнію, г. Каравеловъ, въ увлеченіи политическою борьбою, иногда прибѣгалъ къ не совсѣмъ приличнымъ полемическимъ приемамъ. Такъ, наканунѣ

присоединенія князя Тырновскаго къ православію, онъ, въ расчетъ повліять на провинціального своего читателя, напечаталъ въ „Знаме“ статью, гдѣ доказывалъ, что никакихъ важныхъ событій въ Софіи не происходитъ; что русскій императоръ не присылалъ князю Фердинанду телеграммы съ согласіемъ на воспріемничество; что все „присоединеніе“—правительственный фарсъ, съ цѣлью обмануть народъ; что народъ негодуетъ на Россію, простившую Кобурга, и встрѣча русскихъ пословъ подготовлена „палками“... Совсѣмъ бѣшенный крикъ ослѣпшаго, закрывшаго глаза на дѣйствительность челоуѣка, который утонулъ въ пучинѣ своей политической программы и не хочетъ видѣть ничего, несогласнаго съ ея параграфами, изъ нихъ же первый: „долу Фердинанда!“.

До 4-го февраля 1896 года безобразія болгарской печати пользовались почти полною безнаказанностью,—по крайней мѣрѣ, фактической. Когда къмъ либо возбуждалось дѣло по обвиненію въ клеветѣ, диффамациі, оскорбленіи въ печати, на судѣ разыгрывались совсѣмъ комическія сцены. Предъ строгими судьями стоитъ отвѣтственный редакторъ—извозчикъ, прачешникъ, дворникъ фактическаго редактора.

— Вы напечатали въ вашемъ журналѣ такую-то статью?

— Какую статью?

— Да вотъ въ номерѣ такомъ-то?

— Въ номерѣ такомъ-то?!

— Позвольте: вы подписывали номеръ такой-то?

— Никогда, г. судья, я ничего не подписывалъ.

— Да вѣдь вы редакторъ такой-то газеты?

— А я почему знаю?

Изъ дальнѣйшаго допроса выясняется, что „отвѣтственный редакторъ“ столь же невиненъ въ изданіи газеты, какъ новорожденный младенецъ. Въ одинъ прекрасный день, призвалъ его господинъ Имирекъ, фактическій редакторъ, и сказалъ:

— Вотъ тебѣ, глупый Марко, счастье: я буду платить тебѣ по 50 левовъ въ мѣсяцъ, а ты за это позволишь мнѣ подписывать свое имя на этомъ лоскуткѣ бумаги... Хочешь?

Глупый Марко, конечно, захотѣлъ: имя ничего не стоитъ, а 50 левовъ въ мѣсяцъ въ Софіи большая сила...

Но вотъ противъ газеты затѣянъ процессъ. Глупый Марко совсѣмъ растерялся. Въ программу, предложеннаго ему редакторомъ фактическимъ, „счастья“ совсѣмъ не входили перспективы суда и тюрьмы. А тутъ онѣ на лицо. Глупый Марко стоитъ въ своемъ кожухѣ передъ судьями, хнычетъ и бормочетъ:

— Знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю.

И судьи, дѣйствительно, видятъ, что „отвѣтственный редакторъ“ знать ничего не знаетъ и вѣдать ничего не вѣдаетъ.

Видитъ это и истецъ. Если онъ человѣкъ мало-мальски порядочный, то сознаетъ очень хорошо, что,

вмѣсто виноватаго, ему приходится сажать въ тюрьму человѣка, и не думавшаго никогда оскорблять его... Обыкновенно истецъ махалъ рукою на дѣло.

— Богъ съ нимъ!—прощаю, отказываюсь отъ обвиненія... Что мнѣ въ этомъ дуракъ?!

Но, выходя изъ суда, не забывалъ прибавить:

— Ну, и правосудіе же у насъ, чортъ его поberi!

Виновникомъ переменъ этого нелѣпаго положенія печати явился, депутатъ отъ города Сливна, г. Попанчевъ. По его законопроекту, правомъ отвѣтственного редакторства, ранѣе предоставленнымъ всѣмъ безъ исключенія гражданамъ княжества Болгаріи, грамотнымъ настолько, чтобы они умѣли подписать свою фамилію, могутъ теперь пользоваться лишь лица съ гимназическимъ дипломомъ и, притомъ, не моложе 28 лѣтъ отъ рожденія. То-есть,—лица, которыя предполагаются не только обязанными знать, что печатается подъ ихъ фирмою, но и сознавать свою отвѣтственность за то. Законъ прошелъ, послѣ бурныхъ преній, огромнымъ большинствомъ голосовъ. Прямымъ его послѣдствіемъ было быстрое сокращеніе органовъ провинціальной оппозиціи: людей средняго образованія не такъ много въ Болгаріи, чтобы они льстились на отвѣтственное редакторство въ партизанскихъ органахъ, чей полемическій задоръ ежедневно ставитъ ихъ въ возможность очутиться за рѣшеткою Черной Джамии. Закономъ г. Попанчева убитъ печальный промыселъ „отговорничества“, т. е. отвѣтственного

редакторства по вольному найму, развитый ранѣе 4 февраля 1896 г. до безобразныхъ размѣровъ. Доходило дѣло до того, что одинъ и тотъ же отговорникъ, въ одинъ и тотъ же день, въ одномъ и томъ же судѣ обвинялся—въ клеветѣ на радослависта, какъ редакторъ правительственной газеты, и въ оскорбленіи правительства путемъ печати, какъ редакторъ радославистскаго органа... И, конечно, въ невинности души своей, онъ не вѣдалъ, что творилъ въ обоихъ редактируемыхъ имъ изданіяхъ, ибо—по общественному положенію своему—занималъ онъ высокій постъ фаэтонщика!.. По внѣшней формѣ, болгарскій законъ о печати пахнетъ нарушеніемъ конституціи, но нельзя не признать, что нарушеніе это имѣетъ свое внутреннее оправданіе—въ полной необходимости превратить разнузданное дебоширство болгарской прессы въ легальную свободу ея, и, оставивъ печатному слову независимость образа и способовъ выраженія мыслей, вмѣстѣ съ тѣмъ, гарантировать общество отъ грубаго насилія и тираніи невѣжественныхъ и весьма часто продажныхъ браво журналистики. Впрочемъ, отъ послѣднихъ, — еще бабушка на двое сказала,—спасетъ ли и законъ. Образованіе—далеко не всегда ручательство за порядочность, особенно, если есть возможность укрыться подъ сѣнь сильной правительственной защиты, какъ было при Стамбуловѣ. Въ „Свободѣ“ ютились удивительнѣйшіе литературно-политическіе типы. Хорошъ и самъ Свирчо Петковъ, апологетъ застѣнковъ и

казнокрадства, ушедшей въ вѣчность, стамбуловщины. Но еще лучше былъ второй редакторъ газеты—Димитрій Драмовъ-Левовъ. Этотъ юноша кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ по юридическому факультету, при чемъ былъ русскимъ стипендіатомъ. Затѣмъ объявился въ Болгаріи и началъ писать отсюда въ „Московскія Вѣдомости“,—гдѣ, кажется, сотрудничалъ онъ и во времена своего студенчества,—отчаянно-ругательныя статьи противъ Стамбулова. Диктатору, конечно, нетрудно было бы скрутить новоявленного литературнаго врага въ бараній рогъ, но онъ нуждался въ людяхъ съ „перомъ“, замѣтилъ въ г. Драмовѣ дарованіе и разсудилъ поступить съ нимъ иначе: онъ предложилъ г. Драмову два мѣста—въ редакціи „Свободы“ и въ народномъ болгарскомъ банкѣ. Тогда г. Драмовъ „сжегъ все, чему поклонялся, поклонился всему, что сжигалъ“, и вывернулъ свой политическій кафтанъ съ рѣдкою быстротою и откровенностью. Въ благодарность Россіи за воспитаніе, пріютъ и кормъ, недавній московскій студентъ принялся строчить, подъ диктовку Стамбулова, яростныя клеветы на страну, пригрѣвшую не только этого перевертня, но и родно его. Цѣлый годъ запугивалъ онъ оппозиціонеровъ русскими пагайками, которыя-де, кабы не Стамбуловъ, давно уже свистали бы надъ болгарскою спиною. Г. Драмовъ, конечно, стяжалъ своею новою дѣятельностью и деньги, и вліяніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ—и общее презрѣніе. Даже

стамбулистовъ покорило беззастѣнчивое предательство журналиста-кондотьера. Софія, охочая давать уличныя клички всѣмъ своимъ „дѣятелямъ“, прозвала г. Драмова „клопомъ“. Очень часто горемычный журналистъ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ прохожіе, при встрѣчѣ съ нимъ, зажимали носы—будто отъ нестерпимой вони. Не знаю—анекдотъ или фактъ, будто бы г. Драмовъ жаловался Стамбулову на эти „символическія“ оскорбленія.

— Да въ чемъ обида-то?—спросилъ диктаторъ.

— Помилуйте, негодяи дѣлаютъ видъ, будто отъ меня воняетъ...

— Знаешь, Драмовъ—серьезно возразилъ Стамбуловъ,—они не виноваты: мнѣ тоже кажется, что ты не благоухаешь.

Se non e vero, e ben trovato.

Во время софійскихъ волненій 18 мая, Драмовъ былъ жестоко наказанъ за свои стамбуловскія симпатіи: толпа поймала его въ кафе и, какъ описывалъ одинъ опереточный герой, „бросила сперва подъ столъ, потомъ на столъ, а потомъ стала бить уже по настоящему“. Драмову вышибли два зуба и переломили челюсть. Чувствуя, что безъ защиты Стамбулова ему не ужиться въ Софіи, онъ подалъ просьбу объ отставкѣ изъ банка (въ довольно—надо отдать ему справедливость—дерзкихъ выраженіяхъ по адресу новаго правительства) и сошелъ съ литературно-политической карьеры. Во второй свой пріѣздъ въ Софію, я спрашивалъ о Драмовѣ многихъ, но никто

не могъ сказать мнѣ, что съ нимъ ѿ гдѣ онъ. Литературный клонъ заползъ въ щелку и замеръ въ ней.

Есть ли въ Болгаріи наука, литература и искусство не политической окраски? Начинають понемногу являться. Крупныя литературныя имена Ивана Вазова, Константина Величкова, Алека Константинова пользуются большимъ почетомъ даже помимо политической извѣстности этихъ писателей. Г. Величковь — одинъ изъ вдохновеннѣйшихъ поэтовъ Болгаріи, вообще богатой стихотворцами. Къ общему глубокому сожалѣнію, политическая дѣятельность совершенно оторвала его отъ литературы.

— Что дѣлать?—сказалъ онъ мнѣ, когда я упрекнулъ его за это:—я долго и мучительно колебался между перомъ и политикою... Но сейчасъ Болгаріи граждане нужнѣе литераторовъ.

„Довольно даже намъ поэтовъ, но нужно, нужно намъ гражданъ!“—мелькнулъ въ моей памяти некра-совскій стихъ.

— Надо упорядочить страну, надо поставить ее на рельсы, направить разумнымъ путемъ къ разумнымъ цѣлямъ. А, когда уляжется нашъ хаосъ, народятся и науки, и искусство, и литература, и ученые, и художники, и писатели не хуже насъ... Успѣха же они будутъ имѣть гораздо больше, потому что у нихъ будетъ болѣе спокойная и внимательная публика, и слово ихъ придется болѣе ко времени и къ мѣсту, чѣмъ наше слово...

— Не находите ли вы,—спросилъ я Величкова,—

что ваше правительство слишкомъ мало дѣлаетъ для искусства и литературы? Можетъ быть, развивая и поощряя эти области, оно понемногу ослабило бы это, по истинѣ всепожирающее, политиканство, которое теперь забираетъ въ себя всѣ умственные силы страны?

— Вы совершенно правы,—сказалъ Величковъ,—и мы много думаемъ объ этомъ, и стараемся дѣлать, что можемъ,—только у насъ мало средствъ. Вы, можетъ быть, слышали, что я основалъ рисовальную школу. Я надѣюсь, что она явится зачаткомъ нашей будущей академіи художествъ. Изъ всѣхъ искусствъ болгары болѣе всего способны къ живописи и скульптурѣ. На антверпенской выставкѣ болгарскій художественный отдѣлъ и рисовальныя работы нашихъ гимназій произвели большое впечатлѣніе. Этотъ успѣхъ и подалъ намъ идею рисовальнаго училища...

Д-ръ Шишмановъ подарилъ мнѣ, на память о Софіи, первую премію общества любителей изящныхъ искусствъ—альбомъ гравюръ съ картинъ болгарскихъ художниковъ... Можно поздравить общество: его изданіе, по изяществу исполненія, сдѣлало бы честь любому изъ художественныхъ обществъ Европы. Къ крайнему моему прискорбію, политическія цѣли обѣихъ моихъ поѣздокъ въ Болгарію отнимали у меня все время въ Софіи и не позволяли мнѣ ознакомиться съ работами болгарскихъ *maestri* въ оригиналахъ. Въ княжескомъ дворцѣ я видѣлъ нѣсколько

батальных картинъ, въ духѣ и тонѣ нашего Кив-шенки: смотры и маневры,—да нѣсколько талантли-выхъ этюдовъ этнографичекаго содержанія попались мнѣ на глаза въ частныхъ домахъ. Министерство народнаго просвѣщенія, когда я заѣхалъ къ г. Величкову, было довольно странно украшено огромною картиною жанра „nudité“. Какой-то художникъ привезъ г. Величкову голую нимфу, въ расчетъ сбыть ее въ національный музей. Я забылъ имя живописца, но помню живопись: превосходное письмо, жизненное, сочное, даровитое. Вообще все, что встрѣчалось мнѣ въ Софіи изъ области художества, носило отпечатокъ таланта и немножко, можетъ быть, диковатой, но очень симпатичной и бодрой свѣжести. Болгарскіе художники сильно напоминаютъ нашихъ передвижниковъ: родственное сходство. Какъ и передвижники, они—по направленію—реалисты,—при томъ, покуда еще безъ уклона въ натуралистическую тенденцію.

Гораздо менѣе способны болгары, по увѣренію лицъ, долго живущихъ въ странѣ, къ музыкѣ, къ пѣнію, и мало интересуютъ ихъ эти отрасли искусства. Я напрасно искалъ въ Софіи сборника народныхъ мелодій. М-ме Шишманова, жена профессора, не разъ упомянутого въ этой статьѣ, могла указать мнѣ лишь рапсодію, сочиненную на болгарскія народныя темы композиторомъ Крейчманомъ. Въ Софіи еще не было настоящей оперы, и публика не особенно о томъ жалѣетъ. Русскій оперный артистъ

К. И. Михайловъ - Стоянъ, самъ болгаринъ родомъ просилъ меня павести справки, какъ взглянетъ болгарское правительство на его желаніе организовать національную оперу въ Софіи. Г. Величковъ, — человекъ, очень сочувствующій всякому новому художественному явленію въ болгарскомъ быту, — однако, усомнился въ цѣлесообразности затѣи артиста, несмотря на его популярное имя.

— Безъ субсидіи онъ прогоритъ, а субсидіи мы дать не можемъ, потому что намъ не легко даются и 50,000 левовъ субсидіи на драматическую сцену!

Помню, въ лѣтнемъ саду „Люксембургъ“ гастролировала какая-то оперно-опереточная труппа изъ Вѣны, бѣдненькая, но опрятная. Ея спектакли, благодаря баснословно-дешевымъ цѣнамъ, посѣщались хорошо, но почти исключительно иностранцами и офицерами. Въ февралѣ 1896 г. въ Болгаріи гастролировала Жюдикъ. Ея всемірно-извѣстное имя всюду дѣлаетъ полные сборы, а въ Софіи она играла передъ пустымъ театромъ. Выручилъ ее только спектакль-gala въ военной школѣ, данный княземъ въ честь графа Голенищева-Кутузова, за который опереточная дива получила изъ княжескаго кабинета (далеко не склоннаго къ расточительности) 8,000 франковъ золотомъ. И какой вялый, холодный пріемъ былъ оказанъ ей въ этомъ спектаклѣ! Не то, чтобъ она не нравилась публикѣ, — нѣтъ, публика просто не смотрѣла на сцену, занимаясь своими обычными разговорами: не нужно ей это, не интересуется ее

это... Артисту съ самолюбіемъ гастроли въ Софіи, должно быть, не великая радость!..

Софія, какъ городъ чиновничій и военный по преимуществу, сосредоточилъ свою жизнь вокругъ дворца. Такъ какъ страсть къ парадамъ, торжественнымъ выходамъ, обѣдамъ, раутамъ и т. д. у князя Фердинанда доходитъ до крайности, то софійцамъ приходится тратить на представительство почти весь небольшой остатокъ времени, не занятый политиканствомъ. Въ 1896 г. мы застали князя на положеніи соломеннаго вдовца: какъ извѣстно, княгиня Марія-Луиза демонстративно уѣхала изъ Болгаріи въ Ниццу, не желая присутствовать при муропомазаніи своего сына-католика въ православную „схизму“. Поэтому софійскія дамы не принимали участія въ февральскихъ фестиваляхъ. Но въ обыкновенное время онѣ несутъ повинность официальныхъ увеселеній чуть не всѣ семь дней въ недѣлю. Одна дама изъ софійской *haute société* говорила мнѣ:

— Дворъ беретъ у насъ такъ много времени, мы такъ привыкли къ нему, что, право, въ визитномъ или вечернемъ туалетѣ мы чувствуемъ себя удобнѣе, чѣмъ въ домашней блузѣ.

Этому можно было повѣрить, глядя на непрекрасную половину софійскаго общества: двѣ недѣли она, что называется, не вылѣзала изъ фраковъ и парадныхъ мундировъ. А болгарскій мундиръ, скопированный съ русскаго эпохи императора Але-

ксандра II-го,—красивая, но нельзя сказать, чтобы удобная одежда. Этикетъ во дворцѣ строжайшій и утомительный. И вотъ,—только что болгарскій „лукавый царедворецъ“ отдежурилъ на ногахъ часовъ шесть, по случаю какого-нибудь приѣма у „негово царско височество“, и радостно летитъ домой, въ надеждѣ просидѣть остатокъ дня въ халатѣ и туфляхъ,—глядь—на письменномъ столѣ у него лежитъ уже приглашеніе: князь зоветъ на раутъ или концертъ и предписываетъ „облѣкло фракъ и декорациі“... Утѣшеніемъ въ этой нелегкой службѣ являются лишь чудесный столъ и еще лучший погребъ княжескаго дворца. „Палата“ единственное мѣсто въ Софіи, гдѣ гастрономъ можетъ чувствовать себя въ своей тарелкѣ. Кухня болгаръ груба, примитивна, однообразна. Здѣсь ѣдятъ, чтобы жить, но не живутъ, чтобы ѣсть. Человѣку, набалованному ресторанами Москвы, Петербурга, отъ софійскихъ Панаховыхъ, „Червенохъ Раковъ“ etc. приходится жутко. Чтобы кормиться по-европейски, надо попасть либо въ члены „Union Club’a“, что повсе не легко, либо обзавестись собственной кухней, выписавъ прислугу изъ Вѣны, что, разумѣется, обходится не дешево. „Union Club“ основанъ Стамбуловымъ: оттого тамъ и уютно,—этотъ тиранъ-эпикурецъ умѣлъ устраиваться и жить въ свое удовольствіе. Изъ „Union Club’a“ возвращался эксъ-диктаторъ и въ роковой вечеръ, когда набросились на него убійцы-мстители...

Лишенная удобствъ и комфорта, жизнь въ Софіи,

однако, очень не дешева. Мой гостепріимный хозяинъ, депутатъ Д. М. Яблонскій, одинъ изъ немногихъ болгаръ, устроившихъ свой домъ и быть на европейскій ладъ, привелъ меня въ ужасъ, когда ознакомилъ съ бюджетомъ своего скромнаго домашнего хозяйства.

— Можетъ быть, вы очень не практичны, Дмитрій Марковичъ?

— Нѣтъ, не могу сказать. Всѣ, кто хочетъ жить мало-мальски порядочно, тратятъ столько же.

Главный раззоръ софійскаго обывателя— прислуга и дрова. Кухарка, умѣющая готовить съ грѣхомъ пополамъ пять-шесть блюдъ, стоитъ 30—40 франковъ въ мѣсяцъ, а болѣе искусныя—50, 60 и до 75 левовъ, при условіи—не знать никакихъ работъ въ домѣ, кромѣ кухни. Обычный въ русской семьѣ средней руки, персоналъ прислуги обходится соотвѣтственной семьѣ болгарской не менѣе 100 франковъ. Не удивительно, при такой высокой цѣнѣ наемнаго труда, что многіе болгары вовсе отказываются отъ прислуги, и софійская дама, замужемъ за чиновникомъ на 2,000—3,000 левовъ годового жалованья, весьма часто остается сама себѣ и горничною, и кухаркою. Это мало способствуетъ ея изяществу, за то хозяйственно и—подспорье мужнину заработку. Повторяю: болгарская женщина не гнушается домашнимъ трудомъ, хотя бы и чернымъ, —баба въ ней слышна чаще, чѣмъ дама.

Высокія наемныя платы объясняются хорошимъ

зажиткомъ болгарскаго крестьянства. Болгарскій мужикъ—скопидомъ, скупъ, прижимистъ, но не жаждень на деньгу; руки загребуція, но глаза не завидушіе; и, если его кормятъ своя пашня, своя овца, своя пряжа, то ему уже неохота идти изъ хозяевъ въ батраки къ чужому, и за свободу свою онъ ломить дорого. Да и то служить—словно дѣлаетъ милость. Нанимаются здѣсь въ услуженіе, опредѣляя срокъ праздниками: отъ Покрова до Юрьева дня, отъ Семенова дня до вешняго Миколы и т. п. Есть какой-то праздникъ, не помню какой именно,—настоящая гроза для софійскихъ хозяекъ. Онъ играетъ для Болгаріи приблизительно ту же роль, что въ Россіи, до Бориса Годунова, игралъ Юрьевъ день. Прислугою овладѣваетъ кочевой демонъ,—и половина Софіи остается безъ кухарокъ, горничныхъ, прачекъ. Хозяйки, при встрѣчахъ, мѣняются мрачными вопросами:

— У васъ перемѣна министерства?

— Да. А у васъ?

— Полная.

— Чортъ бы ихъ побралъ!

— Чортъ бы ихъ побралъ!

Обыкновенно народъ бываетъ податливѣе на услугу подъ столицей, чѣмъ въ глуши. Въ Болгаріи наоборотъ. Чѣмъ глубже ѣдете къ югу, тѣмъ мягче люди, тѣмъ ближе между собою общественные классы. Югъ и сѣверъ Болгаріи—два разные края. Истое славянство, съ примѣсью турецкой и грече-

ской крови, живетъ къ югу. Сѣверяне-шопы любятъ хвастаться, что они печенѣги, хотя,—въ чемъ заключается особенное счастье быть печенѣгомъ,—я не понимаю. У нихъ и въ типѣ, и въ характерѣ есть монгольская жесткость и монгольская жестокость. Я никогда не забуду, какъ одинъ такой печенѣгъ описывалъ мнѣ смерть Стамбулова: онъ смаковалъ подробности убійства, онъ мысленно рѣзалъ несчастнаго по кусочкамъ. Скуластое лицо побурѣло отъ упоенія злобою, глаза горятъ... дьяволъ дьяволомъ! Предокъ этого сердитаго шопы, печенѣжскій ханъ Куря, уходившій на Днѣпровскихъ порогахъ князя Святослава Игоревича, врядъ ли смотрѣлъ свирѣпѣе, когда пилъ первую чашу кумыса изъ черепа своего врага.

— Не люблю шоповъ,—говорилъ мнѣ румеліецъ.

— А что?

— Гордецы противные. Гордецъ-баринъ, гордецъ-купецъ, гордецъ-мужикъ. Туны, невѣжественны, а дерзости столько—словно они соль земли. Трудно съ ними и непріятно.

Сѣверяне, въ свою очередь, выражаютъ нѣкоторое презрѣніе къ южанамъ:

— Они богаче насъ, а мы порядочнѣе. Они—выкидывши турецкихъ гаремовъ, а мы—потомки степного рыцарства.

Для иностранца, однако, разница въ характерѣ южанъ и сѣверянъ становится замѣтною развѣ лишь, когда онъ съѣстъ два пуда соли съ тѣми и дру-

гими,—потому что ухаживаютъ за гостемъ съ чужой стороны одинаково ласково и на сѣверѣ, и на югѣ. Болгарское гостепріимство нѣсколько старомодно, неуклюже, даже грубовато, если хотите,—за то безгранично. Даже неловко дѣлается,—такою заботливостью окружаютъ васъ радушные хозяева... Положимъ, мы, русскіе журналисты, были для болгаръ нужными людьми; положимъ, что имъ хотѣлось отличиться предъ нами, отпустить насъ отъ себя довольными и благодарными. Но и въ первый мой пріѣздъ, когда у меня оставалось больше времени для частныхъ встрѣчъ и знакомствъ, послѣднія были проникнуты тѣмъ же усерднымъ радушіемъ, тою же сердечною теплотою. Просто, помимо всякихъ постороннихъ видовъ на гостя, болгаринъ донесъ изъ глубины вѣковъ до нашихъ дней, цѣлымъ и неприкосновеннымъ, древній кочевой культъ „гостя“, и гость для него—особа священная, требующая почти благоговѣйнаго почета. Гостю—первыя мѣста, первые куски, первое слово; съ гостемъ почти не спорятъ: онъ полный хозяинъ разговора; согласны ли хозяева, несогласны ли съ его мнѣніемъ, оно принимается болгарскимъ этикетомъ за „ipse dixit“, не знающее апелляціи до тѣхъ поръ, пока гость находится подъ болгарскою кровлею. Съ непривычки все это производитъ довольно странное впечатлѣніе. Невольно вглядываешься иной разъ въ безстрастно-ласковыя лица друзей-болгаръ: въ серьезъ они ведутъ себя такъ, или „ломаютъ комедію“? Русскіе тоже госте-

пріимны, но у насъ радушіе быстро переходитъ въ тяжелую фамиллярность, якшанье, амикошонство. У болгаръ въ этомъ отношеніи гораздо болѣе такта. Болгаринъ охотно сойдется съ гостемъ на дружескую ногу, но никогда, въ изліяніи сердечномъ, не назоветъ его „душа ты моя! маменька ты моя!“ и не будетъ приплясывать вокругъ него комаринскаго, какъ приплясывалъ вокругъ Чичикова подгулявшій предсѣдатель. Гость неизмѣнно остается „первымъ между равными“. И это даже—когда выпито чуть не Черное море вина! Болгаре пьютъ рѣдко, но мѣтко: у нихъ какая-то способность лить въ себя вино, какъ въ бездонную бочку, и только лица краснѣютъ, да глаза лѣзутъ на лобъ, а ноги, голова и языкъ—въ порядкѣ, и „богъ веселый винограда“ не только не мѣшаетъ болгарскому краснорѣчію, а, напротивъ, еще разжигаетъ ихъ ораторскую похоть, придаетъ жаръ и краски ихъ эффектнымъ рѣчамъ. Болгаре большіе охотники до застольнаго пѣнія. Поютъ не очень складно, но среди нихъ попадаются чудеснѣйшіе по силѣ и тембру голоса. Репертуаръ ихъ—либо народныя пѣсни, либо студенческія, завезенныя изъ русскихъ университетовъ: „Gaudeamus“, „Наша жизнь коротка“, „Быстры, какъ волны, дни нашей жизни“, „Утѣсь“, „Укажи мнѣ такую обитель“. Последнюю пѣсню, отрывокъ изъ некрасовскаго „Параднаго подѣзда“, поютъ, какъ и у насъ, неизвѣстно почему, на мелодію „io son Maffo Orsini, signora“ изъ „Лукреціи Борджіа“. Любятъ также „Петербург-

скую дубинушку“... Покойный Стамбуловъ, ненавидя Россію и русскихъ, очень любилъ русскія пѣсни и, говорятъ, даже плакалъ, слушая „Лучину“ или „Не бѣлы снѣги“. Народныя пѣсни болгаръ нѣсколько монотонны, но имъ присуща особая, дикая энергія, какая-то степная широта мелодіи, примитивной и грубой, какъ примитивны и грубы слова пѣсни. Помню одну пѣсню, спѣтую мнѣ пріятелями моими Камбуровымъ и Калиновымъ. Дѣвушка плачется: „суди Богъ моего отца! суди Богъ мою мать! погубили они мою голову—выдали меня не за добраго человека, а за гайдука; онъ спитъ, когда добрые люди работаютъ, и работаетъ, когда добрые люди спятъ. Въ полночь онъ коня сѣдлаетъ, ворота отворяетъ и ѣдетъ на промыселъ, а, какъ солнце взойдетъ, для него наступаетъ черная ночь“... Эта разбойничья пѣсня и въ самомъ дѣлѣ, должно быть, сложена какимъ нибудь гайдукомъ въ скучную, темную ночь, когда онъ поджидалъ въ Родопскомъ ущельи, за кустомъ или въ байракѣ, у лѣсной тропы, проѣзжаго турка...

Если болгарская интеллигенція знаетъ народную пѣсню, то—обратно—она можетъ похвалиться тѣмъ, что ея поэтическое творчество легко переходитъ въ народъ, и не одно стихотвореніе того же Величкова, или такъ преждевременно убитаго Алека Константинова сдѣлалось народною пѣснею. Чѣще всего такія перерожденія приключаются съ стихотвореніями политическаго содержанія. Сперва какая-

нибудь партія обратить стихи въ свой гимнъ, подберетъ къ нимъ подходящую мелодію, поетъ ихъ при демонстраціяхъ и манифестаціяхъ, а народъ слушаетъ и понемножку запоминаетъ. Такъ, между прочимъ, сложился и національный болгарскій гимнъ:

Шуми Марпца
Окрывалена,
Плаче удовпца
Люто ранена...
Маршъ! маршъ,
Съ генерале нашъ!
Разъ, два, три,
Напредъ войници!

Гимнъ этотъ—разухабистый маршъ совершенно кафешантаннаго пошиба. И, дѣйствительно, изъ адрианопольскаго кафешантана вылетѣла его мелодія, цѣликомъ заимствованная изъ вѣнской шансонетки:

Wenn die Soldaten durch die Stadt marschieren,
Oeffnen die Madchen Fenster und Thüren!
Warum? Warum?
Alles wegen dem Tschindadaratta...

Игривый мотивъ этой „Tschindadaratta“, пошлостью текста ничуть не уступающей пресловутому „Тарарабумбіѣ“, понравился поэту Н. Живкову. Онъ подобралъ къ мелодіи патріотическіе стихи, ввелъ эти стихи въ свою драму „Ильо Воевода“ и такимъ образомъ популяризировалъ новый маршъ. Любопытно, что современный болгарскій гимнъ сперва назывался маршемъ Черняева и былъ посвященъ этому герою славянскаго освобожденія.

Въ текстѣ гимна сохранились первоначальные стихи въ честь „русскаго Гарибальди“:

Юнака допскій
 Намъ е водитель,
 Съ прапорець львскій
 Вождь побѣдитель.
 Вияте, деспоти
 Генераля нашъ!
 Чуйте, запѣйте
 Черняева маршъ.

Инструментоваль и пустиль въ обороть „Марицу“, какъ національный гимнъ, полковой капельмейстеръ, чехъ Шебекъ, любимецъ покойнаго Баттенберга, по личному желанію князя...

Какъ городъ молодой, уничтожившій свое архаическое прошлое и не успѣвшій еще обзавестись „новою исторіей“, Софія неинтересна для туриста, ищущаго „достопримѣчательностей“. Главная ея достопримѣчательность—люди. А то—словно отголосокъ изъ стариннаго дореформеннаго анекдота.

— Позвольте спросить: какія въ вашемъ городѣ имѣются историческія зданія?

— А зданіевъ, братецъ ты мой, у насъ будетъ первое—трахтеръ, а второе—острогъ...

По крайней мѣрѣ, когда мои товарищи-корреспонденты пожелали познакомиться съ софійскими достопримѣчательностями, насъ прежде всего повели смотрѣть государственную тюрьму—Черную Джамію. Показываль намъ эту прославленную темницу

прокуроръ софійскаго кассационнаго суда, г. Малиновъ,—русскій университетантъ.

Черная Джамія получила въ стамбуловскую эпоху всемірную извѣстность,—правду сказать, значительно раздутую, во вредъ репутаціи этой тюрьмы, охочими до преувеличеній, политическими противниками „блудника и тирана“. Тюрьма—какъ тюрьма: бываютъ много хуже. Никакихъ ужасовъ Удольфскаго замка, ни колодцевъ венеціанскаго дворца дожей, ни легендъ во вкусъ бѣгствъ изъ Бастиліи. Напротивъ, чрезвычайно прозаичная тюрьма, въ родъ нашихъ провинціальныхъ остроговъ. Думаю, что мрачной репутаціи Черной Джаміи, кромѣ заточенія Каравелова, Славейкова, казни мнимыхъ убійцъ Бельчева, много содѣйствовало самое романтическое названіе ея: Черная Мечеть... Это напоминаетъ Черную Яму и страшные дни бунта индійскихъ сипаевъ, такъ поэтически описанные англичанами. Однако, мечеть, собственно, въ острогѣ не причемъ: подъ ея огромнымъ куполомъ теперь хранятъ старую солдатскую рухлядь и повозки. Кто видалъ большія мечети, навѣрное, замѣчалъ при нихъ четырехугольные дворики съ фонтанами, у которыхъ правовѣрные совершаютъ омовеніе. Такой именно дворикъ образуютъ мѣста заключенія въ Черной Джаміи: рядъ келій, обращенныхъ въ карцеры и сгруппированныхъ около двухъ фонтановъ старой мусульманской постройки, очень загрязненныхъ, но работающихъ исправно. Вода превосход-

ная. Дворикъ не очень чистъ, кельи содержатся гораздо лучше.

— У васъ образцовый порядокъ,—сказалъ я г. Малинову.

— Нельзя иначе,—засмѣялся онъ,—стараемся въ своихъ же выгодахъ. Вѣдь у насъ, въ Болгаріи, судьба—индѣйка: сегодня ты прокуроръ, а завтра, глядь, самъ сидишь въ Черной Джаміи.

Сорокъ два заключенныхъ Черной Джаміи живутъ очень свободно: почти все время они на воздухѣ, и только собственное желаніе или непогода и сумерки загоняють ихъ въ конурки. Въ конуркахъ, на нарахъ, располагаются по трое. Такъ какъ, кромѣ наръ, въ конурахъ ничего нѣтъ, и читають, пишутъ, работаютъ заточенные, сидя по-турецки, съ поджатыми ногами, а, за исключеніемъ этой позиціи, имъ остается еще лишь одна—валяться на нарахъ въ растяжку,—то въ Софіи не говорится: „я сидѣлъ въ Черной Джаміи“—въ ней „лежать“. Кормятъ въ Черной Джаміи отлично. Мы пробовали чорбу (кулешъ) и какую-то кашницу изъ чечевицы: превкусно. Болгарскій мужикъ живетъ и кормится очень сытно—куда же лучше русскаго!—но врядъ ли самый богатый крестьянинъ на свободѣ питается такъ основательно, какъ черно-джамійскій арестантъ. Большой недостатокъ тюрьмы—сырость. Въ камерѣ Каравелова, обращенной теперь въ женскую мастерскую, она особенно замѣтна. Надо было обладать желѣзными силами знаменитаго болгар-

скаго агитатора, чтобы выдержать четыре года въ этой мурѣ, не оставивъ въ ней своего здоровья. Признаюсь, что я вышелъ изъ Черной Джаміи съ гораздо большимъ запасомъ уваженія къ политическому упрямству Каравелова, чѣмъ имѣлъ раньше. Въ его карцерѣ нельзя было только „популярничать“,—какъ объясняли политическіе противники нежеланіе болгарскаго народнаго трибуна оставить тюрьму безъ пересмотра его процесса,—надо было и быть, и чувствовать, и сознавать себя мученикомъ политической идеи. Изъ „интересныхъ“ заключенныхъ мы видѣли пресловутаго Луканова, въ стамбуловское время префекта города Софійи и оберъ-палача диктатора Болгаріи. Это онъ изжарилъ живьемъ брата Тюфекчіева на желѣзной кровати, подставивъ подъ нее восемнадцать лампъ. Иные говорятъ: двадцать четыре, другіе—тридцать, третьи—тридцать шесть и т. д., прибавляя все по шести. По-моему, если и просто шесть,—и того достаточно, чтобы удивить міръ злодѣйствомъ. Одинъ изъ нашихъ корреспондентовъ квартировалъ въ домѣ македонца Накова и часто видалъ брата Тюфекчіева—того самаго, что былъ заподозрѣнъ въ убійствѣ Стамбулова, но былъ освобожденъ за недостаткомъ уликъ, хотя участіе его въ этомъ преступленіи для большинства софійцевъ болѣе, чѣмъ вѣроятно,—„по внутреннему убѣжденію“. Этотъ суровый македонецъ, по смерти Китанчева—глава македонскаго движенія, показывалъ нашему товарищу картину,

изображавшую пытки Тюфекчиева въ лукановскомъ застѣнкѣ. Стамбуловъ когда-то хвалился мнѣ, что онъ въ жизнь свою не ударилъ ни одного человѣка и никогда не присутствовалъ при пыткѣ. Однако, на тюфекчиевской картинѣ изображенъ и онъ, и неразлучный съ нимъ Петковъ. У Луканова лицо не изверга, но жулика—плутоватая, мелкая фізіономія. Преисполнительный, должно быть, и истинно поэтому безжалостный человѣкъ, трепетавшій за свою шкуру и спѣшившій, въ обереженіе ея, сдирать, по первому кивку Стамбулова, шкуры чужія. По словамъ прокурора Малинова, положеніе этого цивилизованнаго разбойника въ тюрьмѣ было не изъ веселыхъ. Арестанты ненавидѣли Луканова — равно и политическіе, и уголовные. Приходилось держать около камеры, гдѣ сидѣли бывшій префектъ и одинъ изъ его приспѣшниковъ—полицейскій приставъ, особый сторожевой постъ: иначе братья-узники давно бы пришибли своихъ товарищей по заключенію. Кстати, о мучителяхъ и пыткахъ: г. Малиновъ обѣщалъ прислать мнѣ застѣночныя орудія изъ практики стамбуловскихъ Малютъ Скуратовыхъ,—ключи, которыми вывертывали пальцы, чугунное яйцо, чтобы колотить по теменн... Была еще и такая пытка: заставляли истязуемаго держать руки вверхъ, а—чтобы онъ, въ утомленіи, не опустил ихъ,—подъ мышками помѣщались острые желѣзные спицы. Это—въ концѣ девятнадцатаго вѣка! А мы еще удивляемся въ музеяхъ инквизиціоннымъ отдѣ-

леніямъ и не хотимъ вѣрить, чтобы въ цивилизованныхъ обществахъ были учрежденія и эпохи, гдѣ и когда человѣкъ имѣлъ возможность и право такъ нагло издѣваться надъ жизнью и тѣломъ другого человѣка!

Одного изъ самыхъ знаменитыхъ узниковъ Черной Джаміи.—жандарма Спаса Антонова, г. Малиновъ не могъ намъ показать: онъ прятался. Жандармъ былъ спутникомъ Стамбулова и Бельчева въ ночь, когда послѣдній палъ отъ руки убійцы, за что въ послѣдствіи казнено четверо невинныхъ людей. Общее мнѣніе людей, не заинтересованныхъ лично въ апоѳеозѣ стамбуловскихъ дѣяній и памяти, утверждаетъ, что - либо Бельчевъ застрѣленъ самимъ Стамбуловымъ, либо, по его приказанію, Спасомъ Антоновымъ. Насколько это справедливо, знаетъ Богъ и... Спасъ Антоновъ, а—что онъ знаетъ,—показываетъ дальнѣйшая его исторія. Бѣднякъ до убійства Бельчева, онъ, вскорѣ послѣ злодѣянія, покупаетъ домикъ и поселяется въ немъ съ женою и свояченицей. Затѣмъ вся эта компанія попадаетъ подъ слѣдствіе и судъ—по подозрѣнію, а потомъ и доказанному обвиненію въ убійствѣ трехъ ближайшихъ своихъ родныхъ, съ цѣлью унаслѣдовать, принадлежащую послѣднимъ, земельку и имущество. Убитыхъ они зарыли въ той же комнатѣ, гдѣ спали сами,—и ничего: совѣсть не мучила, и привидѣнія не душили злодѣевъ по ночамъ. Изъ этого видно, что за человѣкъ Спасъ Антоновъ, и на что онъ способенъ. Впрочемъ,

нельзя не прибавить, что и убитые были людьми его же закала. Слѣдствіе доказало, что и убійцы, и жертвы ихъ жили совершенно примитивною, звѣрскою семьею, перепутавшею всѣ свои родственныя связи даже въ половомъ сожителствѣ. Пока былъ живъ Стамбуловъ, дѣло Спаса Антонова всячески тормозилось, потому что разбойникъ грозилъ своему патрону разоблаченіями. Неоднократно Стамбуловъ посѣщалъ Спаса Антонова въ тюрьмѣ и бесѣдовалъ съ нимъ наединѣ. Каковы были эти бесѣды, характеризуетъ то обстоятельство, что, послѣ одной изъ нихъ, Спасъ Антоновъ потребовалъ къ себѣ тюремнаго врача—человѣка, къ которому онъ получилъ полное и совершенно основательное довѣріе—и заявилъ, что отнынѣ онъ не согласенъ принимать пищу иначе, какъ изъ рукъ этого врача, такъ какъ его хотятъ отравить важные люди, чьи тайны попали въ его руки... Но, наконецъ, Стамбуловъ палъ, и—вслѣдъ за его судьбою—свершилась и судьба Спаса Антонова: помилованный отъ смертной казни, онъ приговоренъ къ долготѣнному заключенію, — высшей, послѣ повѣшенія, мѣрѣ уголовного наказанія по болгарскому законодательству.

Наружность сообщниковъ Спаса Антонова—Карагаджіева и жены его Екатерины, принимавшей особо дѣятельное участіе въ отправленіи на тотъ свѣтъ своихъ родныхъ, не представляла ничего особенно „звѣрскаго“—скорѣе, въ ней было много „звѣринаго“. Я говорю, главнымъ образомъ, объ Екатеринѣ: это—

тупая и именно тупостью своею опасная баба. Поэтому что тупость ея,—какъ у звѣря: захотѣлъ звѣрь слопать и, чтобы слопать, и хитрымъ, и ловкимъ окажется, но—только, чтобы слопать и пока слопаетъ. Сидя съ сестрою у постели отравленнаго ими человѣка, пока тотъ мучился въ предсмертныхъ корчахъ, онѣ ввели въ заблужденіе одного изъ лучшихъ докторовъ города Софіи—г. Попова. Онъ видѣлъ, что больной умираетъ отъ какой-то странной рвоты и поноса—вовсе не холернаго типа, какъ старались его увѣрить, но не рѣшился заподозрѣть отравленія,—такъ горько и искренно плакали обѣ женщины... А при насъ онѣ улыбались, когда г. Малиновъ напомнилъ мнѣ эту исторію. Да и вообще впечатлѣнія, что онѣ угнетены своимъ положеніемъ, „дамы“ эти, какъ вѣжливо звалъ ихъ прокуроръ, въ насъ, посѣтителѣхъ, не оставили. Обѣ онѣ дорогіе типы для ломбровскихъ наблюденій. Такія лица я встрѣчалъ только въ иллюстраціяхъ къ „L'uomo delinquente“. Не менѣе дикій, хотя болѣе симпатичный, потому что жалкій, видъ имѣла узница, отбывающая наказаніе за убійство по суевѣрію. Извѣстно повѣріе, что—у кого есть свѣча изъ человѣческаго сала, тому не почемъ забраться въ чужой домъ и выкрасть все хозяйское добро, потому что, пока „мертвая свѣча“ горитъ, хозяева спятъ непробуднымъ сномъ, собаки не лаютъ и т. д. Ради такой свѣчи, женщина, показанная намъ г. Малиновымъ, приняла участіе въ убійствѣ. Ее и соучастниковъ схватили, когда они

свѣжевали трупъ жертвы. Намъ узница показалась идіоткою. Мѣсто ей скорѣе въ больницѣ для душевно-больныхъ, чѣмъ въ тюрьмѣ.

Меня интересовало: часты ли въ Болгаріи преступленія противъ нравственности.

— Нѣтъ, очень рѣдки,—отвѣчалъ г. Малиновъ, — что удивительно для народа, находящагося на переходной ступени отъ дикости къ цивилизаціи. За то весьма часты преступленія, имѣющія своимъ источникомъ неурядицы семейнаго строя. Въ Болгаріи очень распространено снохачество. Къ какимъ печальнымъ уголовнымъ послѣдствіямъ приводитъ этотъ порокъ, вы, конечно, знаете изъ русской судебной практики. Надо лишь прибавить, что, такъ какъ нашъ народъ диче и суровѣе русскаго, да и южная кровь его горячѣе, то преступленія изъ-за снохачества у насъ чаще и жесточе, чѣмъ на нашемъ сѣверѣ.

Скрывая въ своихъ стѣнахъ тѣхъ, кто разбойничалъ вмѣстѣ съ Стамбуловымъ, Черная Джамія держала тогда подъ затворомъ и одного изъ убійцъ Стамбулова, Боно Георгіева.

Прокуроръ былъ вполне увѣренъ въ прикосновенности Георгіева къ смерти эксъ-диктатора, но полагалъ, что присяжные врядъ ли съ нимъ согласятся. Очень трудное дѣло былъ судъ надъ убійцами Стамбулова. Потребность удовлетворить правосудіе столкнулась съ народными симпатіями къ преступникамъ. Боно Георгіевъ—красавецъ на рѣдкость: львиная го-

лова настоящаго заговорщика-агитатора, пламенные умные глаза, взглядъ прямой и ясный; характера въ этомъ человѣкѣ много, фанатической удали, холоднаго мужества и рѣшимости—безъ конца. Онъ былъ секретаремъ и пріятелемъ, казненнаго Стамбуловымъ, Паницы и на могилѣ своего патрона далъ клятву отмстить за его смерть. Схватили Бона Георгіева совершенно случайно. Возвращаясь подъ чужимъ именемъ изъ эмиграціи, онъ предполагалъ, что его уже ищутъ, хотя никто и не подозрѣвалъ его возвращенія и не думалъ его ловить. На одной станціи онъ вышелъ изъ вагона. Вдругъ станціонный жандармъ зашагалъ въ его сторону. Бона Георгіевъ вообразилъ, будто онъ открытъ, и бросился бѣжать. Тогда жандармъ сообразилъ, что бѣглець этотъ, вѣроятно, эмигрантъ, не имѣющій права жительства въ Болгаріи, далъ свистокъ и пустился преслѣдовать Георгіева съ полицейскою бригадою. Конечно, догнали и схватили, а въ Софіи открылось, какая именно птица нечаянно попала въ жандармскія лапы. Допросъ Бона Георгіева былъ пыткой для слѣдственной власти. „Да“, „нѣтъ“, „не слыхалъ“, „не знаю“—только и добились отъ него. Да еще удалось уличить его, что онъ гораздо лучше образованъ, чѣмъ хочетъ казаться, и хорошо владѣетъ нѣсколькими иностранными языками. Допрашивали его подрядъ восемь часовъ, чередуясь въ допросъ,—и хотъ бы разъ онъ ошибся или сбился въ показаніяхъ.

Послѣ тюрьмы для людей, намъ предложили по-

сѣтитъ звѣриную тюрьму—зоологическій садъ князя Фердинанда. У него слабость къ птицамъ, особенно къ орламъ; ихъ въ зоологическомъ саду на рѣдкость богатый подборъ,—и все великолѣпные экземпляры. Подъ садъ отведена огромная площадь, пока еще пустующая. Даже смѣшно, что въ маленькой Софіи собираются разбить такой большой садъ.

— Пожалуй, выйдетъ такъ, что не садъ будетъ при Софіи,—сказалъ кто-то изъ нашихъ,—но Софія при садѣ...

Звѣря и птицъ въ саду было еще не много; зато все, что есть, представлено удивительно удачно. Такихъ львовъ, орловъ, соколовъ, пеликановъ, волковъ я не видалъ ни въ одномъ изъ русскихъ зоологическихъ садовъ, да и берлинскій не побрезговалъ бы этимъ красивымъ, мощнымъ и сытымъ звѣрьемъ.

Р Черняевъ.

Т О были времена чудесъ“.

Русское правительство не воевало и не очень хотѣло—вѣрнѣе будетъ сказать даже: очень не хотѣло—воевать, за то воевало уже и рвалось воевать русское общество. Воевать было — скрѣпя сердце — дозволено, хотя и безъ офиціального о томъ увѣдомленія. Отсутствіе послѣдняго ставило въ тупикъ администрацію и приводило въ отчаяніе полицію. Она слышала шумъ, отлично знала, „по какому случаю шумъ“, но рѣшительно не понимала, что ей съ шумомъ этимъ дѣлать: что будетъ бѣльшимъ проступкомъ предъ начальствомъ — попустительство шуму или прекращеніе онаго?

Пишущій эти строки, въ ту пору пятнадцатилѣтній мальчикъ, своими глазами видѣлъ на москов-

Михаилъ Григорьевичъ
Черняевъ
въ 1875 году.

скомъ Курскомъ вокзалѣ трагикомическій житейскій водевиль, который можно было бы назвать „Шанки долой“ или „Полицеймистеръ въ затрудненіи“.

Тысячная толпа заливаетъ вокзалъ, площадь передъ вокзаломъ, желѣзнодорожное полотно.

— Ура! ура! ура!

— Ура доблестнымъ русскимъ добровольцамъ!

— Живѣю князю Милану!

— Да здравствуютъ славяне!

— Михаилу Григорьевичу Черняеву—ура-а-а!!!

— Ура-а-а!!!

Головы обнажаются, точно внезапнымъ вихремъ сдуло всѣ шапки.

— Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое, побѣды благовѣрному императору нашему Александру Николаевичу на супротивныя даруя и твое сохраняяй крестомъ твоимъ жительство...

Гремить тысячеголосый хоръ, потрясая звуками окрестную Москву на далекое пространство: однажды я слышалъ его отъ Красныхъ воротъ—за добрыхъ полверсты отъ вокзала. Есть впечатлѣнія невыразимыя и незабываемыя. Съ тѣхъ поръ мы уже не пѣли на Руси массами, во всеуслышаніе, слиткомъ двадцать лѣтъ, никакихъ ни молитвъ, ни пѣсенъ. Однако этотъ гимнъ, которымъ родина напутствовала сыновъ своихъ умирать за вѣру и страдающихъ братьевъ на окопы Алексинца и высоты Дюниша, и сейчасъ рыдаетъ въ моихъ ушахъ, точно лишь вчера я его слышалъ. Изъ всѣхъ сти-

хійныхъ силъ, какими располагаетъ толпа, чтобы захватить въ свое могучее движеніе личность и покорить ее своему настроенію, звукъ—едва ли не самая властная. Кто не испыталъ на себѣ того и веселаго, и вмѣстѣ жуткаго подъема, какимъ точно вздергиваютъ на дыбы весь вашъ организмъ громовые перебаты „ура“? Въ одномъ изъ рассказовъ Эркмана-Шатріана есть дивная картина, какъ, на площади маленькой эльзаской деревушки, рота французовъ, солдатъ первой республики, защищается противъ атаки кроатовъ, вдесятеро превосходныхъ числомъ. Французы бьются геройски, но ряды ихъ рѣдѣютъ; гибель ихъ неизбѣжна; ихъ каре растроено; оно колеблется, слабѣетъ, готово бѣжать или сдаться. „Тогда“—рассказываетъ мальчикъ-свидѣтель этой сцены,—„рыжій начальникъ вытеръ свою саблю, всю красную отъ крови, поднялъ ее надъ головою и хриплымъ, страшнымъ голосомъ заплѣлъ пѣсню, отъ которой меня подраля морозъ по кожѣ“. Вся рота подхватила напѣвъ, и — „французы точно взбѣсились“: не стало ни утомленныхъ, ни робкихъ, раненые забыли про свои увѣчья; рота, съ дружнымъ ревомъ могучей пѣсни, бросается на кроатовъ и послѣднимъ отчаяннымъ усиліемъ опрокидываетъ ихъ, гонитъ предъ собою... „Allons, enfants de la patrie! Le jour de gloire est arrivé!“... Еслибы Наполеонъ III велъ свои войска на пруссаковъ марсельезой, а не маршами изъ оперетокъ Оффенбаха, Франція, быть можетъ, и не испытала бы Седана.

Никакія массовыя впечатлѣнія, пережитыя съ того страннаго времени, за всю—пеструю, богатую перемѣнами и новыми картинами—жизнь, не могутъ заслонить въ моей памяти этихъ трогательно-величавыхъ молитвъ народныхъ. Недавно, читая Апокалипсисъ, я задумался надъ тѣмъ стихомъ его, гдѣ символическія животныя воздають хвалу и славу Агнцу, и съ голосами ихъ сливаются голоса всей природы. И мнѣ показалось, будто когда-то—не то во снѣ, не то на яву—я что-то подобное слыпалъ. Сталъ припоминать, и воображеніе ясно воскресило въ моемъ слухѣ „Спаси Господи“ эпохи славянскихъ увлеченій—гармоническій, молитвенный вопль благоговѣйнаго, восторженнаго звѣря тысячеголовой толпы...

Звѣрь воишлъ, стоналъ и плакалъ. Обнаженные головы, серьезные лица, сверкающіе глаза, часто увлажненные слезами... Среди этихъ тысячъ людей, взрослыхъ и малыхъ, мужчинъ и женщинъ, объединенныхъ и возвышенныхъ общимъ патріотическимъ чувствомъ, стоялъ милѣйшій Н. И. Огаревъ, покойный московскій полицеймейстеръ,—красавецъ-мужчина, обладавшій великолѣпными усами столь необычайной длины, что свободно могъ завязывать ихъ узломъ на затылкѣ. Онъ одинъ оставался въ фуражкѣ, бросая вокругъ себя растерянные взгляды:

— Ну, и служба наша!—говорилъ онъ мнѣ нѣсколько лѣтъ спустя, когда, при первомъ личномъ знакомствѣ, я напомнилъ ему это время.—Снять

фуражку—нельзя: какъ бы то ни было—демонстрація, самовольная, правительствомъ открыто не разрѣшенная,—слѣдовательно, какъ лицо официальное, я не имѣю права участвовать въ ней хотя бы даже снятіемъ фуражки. А, съ другой стороны, какъ же и въ фуражкѣ-то оставаться? Вѣдь кругомъ „Боже, Царя храни“ поютъ, „Спаси Господи“! Да и не камень же я, тоже русскій человѣкъ: и у меня къ славянамъ этимъ душа рвется.

— Какъ же вы, Николай Ильичъ, вышли изъ затрудненія?

— Не я вышелъ, а меня вывели.

— Кто?

— Паренекъ какой-то, спасибо ему. „Чего“,—кричитъ,—„ты, баринъ, стоишь въ шапкѣ?“ Просунулъ руку черезъ толпу, да—какъ ткнетъ меня!—фуражка-то и свалилась... Ну, а ужъ поднимать ея я и самъ не сталъ, а прерадостно перекрестился: стало быть-моль, судьба такая! Теперь и предъ начальствомъ правъ, и самъ себѣ господинъ! Слава те Господи!—и запѣлъ во все горло вслѣдъ за другими.

Впослѣдствіи, въ Тифлисѣ, при встрѣчѣ съ П. И. Чайковскимъ, я разговаривалъ съ нимъ объ его „Двѣнадцатомъ годѣ“, построенномъ на противопоставленіи темы „Спаси Господи“—для характеристики обороняющейся Россіи—съ темою „Марсельезы“—для характеристики наступающей Франціи. Я спросилъ тогда знаменитаго композитора: не отразились ли въ могучемъ струнномъ унисонѣ, открывающемъ

его увертюру строгою мелодією молитвы за Царя и отечество, впечатлѣнія славянскихъ дней, когда молитву эту такъ часто, мощно и красиво посылали къ небесамъ тысячи случайныхъ хоровъ, воспламененныхъ патріотически-братолюбивыми порывами?

— Очень можетъ быть,—сказалъ Чайковскій.— Чтобы я руководился этими впечатлѣніями сознательно, не припомню; но вѣдь на творчество бываютъ и бессознательныя вліянія—отъ далекихъ, но сильныхъ моментовъ жизни, о которыхъ давно уже не думаешь, а между тѣмъ они продолжаютъ жить въ душѣ и неслышно направляютъ ея дѣятельность... Очень можетъ быть... Сцены, о которыхъ вы говорите, производили на меня огромное впечатлѣніе; оно не могло пройти безслѣдно.

Москва временно управляла умами. Аксаковъ гремѣлъ. Пуганые вороны, что, по пословицѣ, и куста боятся, гадали на кофейной гущѣ: ушлютъ его или не ушлютъ? Но его не усылали: время усыловъ пришло нѣсколько позже. Въ данный моментъ, Аксаковъ, конечно, былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Россіи. Былъ одинъ еще популярнѣе, но—его не было на Руси: онъ стоялъ за Дунаемъ подъ турецкими пулями и, съ неопытными, далеко не воинственными новобранцами, да съ горсткою русскихъ добровольцевъ, завоевывалъ свободу Сербіи.

Архистратигъ славянской рати,
Везукоризненный герой,—

славили тогда М. Г. Черняева ходячіе стихи. Его портреты были въ каждомъ домѣ, въ каждой избѣ. За здравіе его служили молебны общества, корпорации, частныя лица. Можно смѣло сказать: имя Черняева было первымъ военнымъ именемъ, которое, послѣ Севастопольской кампаніи, проникло въ народъ, стало дорого народу, стало „народнымъ“ въ полномъ смыслѣ этого слова. Герои Кавказа, усмирители польскаго мятежа, сравнительно, безслѣдно скользнули по народному вниманію. Крестовый походъ всегда сильнѣе захватываетъ душу толпы, чѣмъ просто завоевательное движеніе,—и крестовый походъ Черняева къ гробамъ, задушеннаго турками, славянства всколыхнулъ русскія сердца приливомъ давно небывалой энергіи. Достоевскій вѣщалъ о славянствѣ съ энергіей и пламеннымъ краснорѣчіемъ Іезекииля. *Ossa arida, audite verbum Domini!* Онъ благословлялъ Черняева, добровольцевъ и защищалъ ихъ со всею своею рыцарскою страстностью, фанатическою отвагою противъ, уже начинавшейся, внутренней реакціи въ „славянскихъ симпатіяхъ“, противъ поклеповъ, сплетень, клеветъ, гадкихъ слуховъ австро-германской фабрикаціи. Добровольческое движеніе было очень вскорѣ осмѣяно, унижено, заплевано. Добровольцевъ ославили пройдохами, пьяницами, отбросомъ Россіи,—кинулись, молъ, въ Вѣлградъ, потому что стали нестерпимы въ отечествѣ. Добровольческіе герои—не герои, а ловкіе мазурики, старающіеся, подъ маскою геройства, обработать темныя

дѣлшки. Убили Кирѣева. Народъ толпами сходилъ въ соборы служить панихиды по убіенномъ безкорыстномъ рыцарѣ славянства, а интеллигенція подхихкивала:

— Да неужели вы вѣрите, что онъ убитъ? Просто удрасть въ Америку: вѣдь у него долговъ — счета нѣту!..

Однажды я разговаривалъ съ пріятелемъ англичаниномъ о самоуваженіи у разныхъ народовъ Европы: качества этого у насъ, русскихъ — увы! столь мало, что, пожалуй, его даже нѣтъ вовсе. Изъ всѣхъ самооплевателей, мы, русскіе — наиболѣе чистой крови.

— Этого мало, — сказалъ мой пріятель. — Видите ли: самооплеватели имѣются въ каждой націи. Но самооплеватель-англичанинъ, нѣмецъ, французъ — хоть плюютъ, но затѣмъ на себя не любятъ. Русскій же мало, что оплюетъ себя, а еще къ зеркалу пойдетъ провѣрить: не осталось ли гдѣ, сохрани Боже, чистенькаго мѣстечка? Да еще и въ зеркало то плюнетъ... для финальнаго аккорда!..

Слава намъ! въ поганой лужѣ

Мы давно стоимъ

И — „что далѣе, то хуже!“ —

Радостно твердимъ...

пронически восклицалъ поэтъ шестидесятыхъ годовъ. Эта радостная увѣренность, что у насъ вѣчно и неизмѣнно примѣнимъ законъ „чѣмъ далѣе — тѣмъ хуже“, эта болѣзненная страсть къ самооплеванию себя, даже въ зеркалѣ, положили свое недостойное клеймо и на великое дѣло Черняева.

— Ха-ха-ха! Крестовый походъ? Просто забулдыжная шайка людей безъ опредѣленныхъ занятій!.. Развѣ у насъ могутъ быть крестовые походы?

— Ха-ха-ха! Русскій Гарибальди? Готфридъ Бульонскій? Просто непризнанный геній, министръ безъ портфеля, отставной генераль-майоръ Черняевъ, оставшійся не у дѣла и не въ фаворѣ у начальства, неудачный издатель „Русскаго Мира“... Развѣ у насъ могутъ быть свои Гарибальди?

Забывали только одно: что и „настоящіе“ крестовые походы создались „людьми безъ опредѣленныхъ занятій“,—рыцарство потянулось въ Палестину ужé послѣ, а сытые буржуа такъ и просидѣли все время дома. Забывали также, что и „настоящій“ Гарибальди, до своей знаменитой „тысячи“, былъ непризнаннымъ геніемъ, изгнанникомъ не у дѣла и не въ фаворѣ не только у „начальства“, но и у всей реакціонной Европы. Черняевъ, побѣдитель Туркестана, приступалъ къ освобожденію Сербіи куда съ большимъ багажомъ военныхъ заслугъ за плечами, чѣмъ Гарибальди —къ освобожденію Италіи. Но такъ какъ Гарибальди былъ чужой, а Черняевъ свой, и иѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ, то вотъ—и на ряду съ общенароднымъ энтузіазмомъ, сквозь „Спаси Господи“ и „Маршъ Черняева“, то и дѣло раздавались шипящія потки:

— А вотъ турки наcostыляютъ имъ шеи... пьяницамъ! И по-дѣломъ: будутъ знать, какъ соваться, куда ихъ не спрашивали!.. пьяницы!

Михаилъ Дмитріевичъ
Скобелевъ.

И когда, послѣ побѣдъ при Алексинацѣ, стали изнемогать сербо-русскія силы, когда наступили грозные дни Дюниша, шипящія нотки возвысились до оглушительнаго торжествующаго forte, восклицая:

— Не мы ли говорили? Не мы ли предостерегали? Не мы ли предсказывали? Онъ просто авантюристъ, вашъ хваленый Черняевъ! Онъ осрамилъ Россію на всю Европу, съ своими пьяницами...

Не было популярности, истинно львиной популярности, по которой, когда окончилась сербская кампанія, стукнуло бы столько ослиныхъ копытъ, какъ по черняевской. Въ Россіи Черняевъ былъ встрѣченъ холоднымъ недоумѣніемъ, чуть не опалою: съ нимъ какъ будто не знали, что дѣлать, куда дѣвать этого отставнаго генерала, вдругъ ни съ того, ни съ сего, вопреки всякому резонному порядку производства, вышедшаго въ неуказанный чинъ „народнаго героя“, „русскаго Гарибальди“. Въ русско-турецкой кампаніи Черняевъ проходитъ, какъ блѣдная тѣнь: онъ не дѣйствуетъ, а числится. Его положеніе въ эти годы тяжело и двусмысленно; точно „народный герой“ заживо погребенъ въ своемъ отечествѣ, точно ему говорить:

— Ну, гдѣ вамъ въ настоящее дѣло? Это, сударь мой, не сербскія бирюльки! Пошалили, нашумѣли,—и довольно!... Хе-хе-хе!... Русскій Гарибальди!

Холодно встрѣченный въ „сферахъ“, Черняевъ не былъ утѣшенъ и обществомъ. Самая могучая по влиянію, партія либеральной печати была противъ

славянскаго дѣла, противъ вмѣшательства въ него Россіи и русскихъ. Рѣзкое, безпощадное остроуміе Щедрина прицѣпило къ имени Черняева ироническую кличку „странствующаго полководца“. Интеллигенція шла, въ огромномъ большинствѣ, за этою партіей. Когда толпа кричала Черняеву „ура“, все, что считало себя выше толпы, корчило саркастическія улыбки. Непрочна оказалась популярность Черняева и въ народѣ—и, на этотъ разъ, уже не по винѣ Черняева или народа, а просто потому, что маленькая сербская война стала въ ближайшее сосѣдство съ великою русско-турецкою войною, и впечатлѣнія первой утонули въ впечатлѣніяхъ второй безъ слѣда и памяти: славянскій ручей исчезъ въ русскомъ морѣ. Огромное имя Скобелева, почти внезапно выплывшее изъ неизвѣстности и ставшее надеждою не только Россіи, но и всего славинства, заслонило Черняева своею громадою. Масса нашла себѣ новый кумиръ, сосредоточила свои идеалы и свою любовь на новомъ божкѣ. Черняевъ исчезъ за Скобелевымъ, какъ звѣзда въ свѣтѣ восходящаго солнца. Съ появленіемъ Скобелева, онъ могъ бы сказать о себѣ трогательными словами Іоанна Предтечи: „Ѣму—расти, мнѣ же уменьяться“. Шибка и Зеленая Гора затмили Алексинацъ и Дюнингъ, а Геокъ-Тепе—далекую, полузабытую, за быстрымъ лѣтомъ исторіи, средне-азіатскую кампанію Черняева, подарившую Россіи Ташкентъ съ цѣлымъ Туркестаномъ.

Я человекъ не военный, и не мнѣ проводить параллели между Скобелевымъ и Черняевымъ. На гробницѣ перваго лежитъ вѣнокъ отъ военныхъ, атеистующій покойнаго, какъ полководца, „Суворову равнаго“. Слѣдовательно, нашему брату остается лишь молча преклониться предъ авторитетомъ сословія, болѣе компетентнаго въ данномъ случаѣ. Но—при всемъ глубокомъ уваженіи къ памяти безвременно погибшаго русскаго героя,—на нашъ штатскій взглядъ, Черняевъ, къ моменту смерти своей полузабытый, оставленный какъ бы не у дѣлъ, врядъ ли уступалъ Скобелеву и въ талантѣ, и въ мужествѣ, и въ практической плодотворности своей дѣятельности вождя русскихъ ратей. Герои бываютъ разные. Исторія знаетъ героевъ-полубоговъ, героевъ-чудаковъ, героевъ-незамѣтныхъ. Скобелевъ принадлежалъ къ первому разряду. „Бѣлый генералъ“, верхомъ на бѣломъ конѣ, летящій въ пороховомъ дымѣ, подобно нѣкому демону войны, ослѣпительно - великолѣпнѣе.

Его глаза

Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.

Движенія быстры. Онъ прекрасенъ.

Онъ весь—какъ Вожія грозя!

Онъ поражаетъ воображеніе, покоряетъ умъ, беретъ васъ въ плѣнъ прежде, чѣмъ вы опомнились и собрались защититься отъ него анализомъ. Равенъ или нѣтъ Скобелевъ Суворову, это опять спеціально военный вопросъ, но—что онъ былъ, дѣйствитель-

но, и запечатлѣлся въ памяти народной героемъ именно типа суворовскаго, типа „екатерининскихъ орловъ“,—это несомнѣнно.

Ступить на горы,—горы трещать,
Лижеть на море,—бездны кипятъ,
Граду коснется,—градъ упадетъ,
Башни рукою за облакъ кидаетъ!

Скобелевъ уже при жизни сталъ фигуροю энциклою.

— Когда я пробую вообразить себѣ Льва Толстого,—говорилъ мнѣ одинъ русскій романистъ, никогда не издавшій въ лицо великаго писателя земли русской,—мнѣ становится жутко: мнѣ кажется, что у него во-о-отъ какая голова...

И онъ описывалъ огромный кругъ обѣими руками. Попробуйте вообразить Скобелева, котораго специальное значеніе для современнаго военнаго. пожалуй, не меньше, чѣмъ для насъ, людей мирной мысли, значеніе графа Льва Николаевича. Онъ тоже представится вамъ человѣкомъ не въ обыкновенный ростъ, а скорѣе конною статуею какою-то, вродѣ монумента Николая I на Псаакіевской площади. Человѣкъ театральнаго апофеоза. На него какъ будто свѣтитъ электрическое солнце, вокругъ него пылають бенгальскіе огни, дымятъ плоскии цвѣтныя фонари. Скобелевъ умѣлъ побѣждать и умѣлъ эффектно пользоваться побѣдою. Послѣ него не осталось маленькихъ дѣлъ, словно каждый шагъ свой онъ дѣлалъ подъ увеличительнымъ стекломъ. Онъ зналъ себѣ

цѣну — свойство, необычайно рѣдкое среди русскихъ. Были случаи, когда Скобелевъ, что называется „запоясь“, цѣнилъ себя выше, чѣмъ позволяли обстоятельства, но ниже—никогда. Гордый, мужественный, холодный и въ то же время вспыльчивый, эффектный красавецъ-герой, онъ навсегда останется въ русскомъ пантеонѣ, какъ блистательный образецъ самосознающаго таланта, полного неосыятныхъ силъ и глубокаго къ нимъ уваженія. Скобелевъ, быть-можетъ, больше всѣхъ русскихъ героев—человѣкъ съ чувствомъ собственного достоинства.

Въ разрывъ съ этою блестящею, но исключительною фигурою, русскій герой, обычно, совсѣмъ не эффектенъ. „Хотя орудія Тушина были назначены для того, чтобы обстрѣливать лощину, онъ стрѣлялъ брандскугелями по виднѣвшейся впереди деревнѣ Шенграбенъ, предъ которою выдвигались большія массы французовъ. Никто не приказывалъ Тушину, куда и чѣмъ стрѣлять, и онъ, посоветовавшись со своимъ фельдфебелемъ Захарченкомъ, къ которому имѣлъ большое уваженіе, рѣшилъ, что хорошо было бы зажечь деревню“. Благодаря Тушину, не получившему приказаній, куда и чѣмъ стрѣлять, но, по вдохновенію и инстинкту таланта, стрѣлявшему именно туда и именно тѣмъ, куда и чѣмъ надо было, русскіе выиграли у французовъ шенграбенское дѣло. Тушинъ—герой. Однако, за геройство свое, понятое лишь однимъ княземъ Андреемъ Волконскимъ, онъ не только не получилъ ни славы, ни

почести, но, не заступись за него тотъ же князь Андрей, попалъ бы подъ жесточайшій начальственный выговоръ. Ибо, во-первыхъ, герой этотъ—типичный русскій герой—по скромности природной, геройства своего отрекомендовать не въ состояніи. А во-вторыхъ—съ виду онъ михрютка, и, начини онъ рассказывать свои подвиги, никто ему не повѣритъ даже: развѣ-моль такіе герои бываютъ? Горы подъ нимъ не трещать, бездны не кипятъ, башенъ за облакъ онъ не кидаетъ, ни подъ нимъ бѣлаго коня, ни на немъ бѣлаго съ иголки кителя...

— Солдаты говорятъ: разумши ловчѣе!—робко улыбается онъ въ отвѣтъ на упреки за неимѣніе геройскаго вида, доведенное даже до пеншенія ботфортъ. И, „разумши“, идетъ онъ себѣ подъ пулями въ раскаленные пески Средней Азіи, въ снѣжные траншеи на гору св. Николая, съ одинаковымъ равнодушіемъ терпя голодъ, холодъ, смертную опасность, никогда не уступая ни пяди врагу, спокойно побѣждая, безъ трепета и сожалѣнія къ себѣ умирая, побѣжденный. Это—тотъ русскій герой, котораго, говорилъ Наполеонъ, „мало убить, а надо еще повалить, чтобы онъ упалъ“. Этотъ герой водится одинаково во всѣхъ слояхъ русскаго воинства: много Тушиныхъ-солдатъ, Тушиныхъ-офицеровъ, есть и Тушины-генералы. Однимъ изъ послѣднихъ,—представляется мнѣ,—былъ и покойный Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ.

Если разобрать его военную карьеру, какъ полко-

водца, она была—сплошной Шенграбенъ. Въ Средней Азіи онъ, по вдохновенію, „безъ спроса“, тоже посовѣтовавшись со своими Захарченками, беретъ Чимкентъ и, поразивъ туземцевъ почти суевѣрнымъ страхомъ предъ своею удачею, завоевываетъ Туркестанъ. Онъ награжденъ государемъ, но попадаетъ на дурной счетъ у начальства, не желавшаго простить Черняеву, что онъ стрѣлялъ не по предписанію, но—куда и чѣмъ считалъ полезнымъ. Черняевъ въ отставку, Черняевъ бездѣйствуетъ. Что онъ герой, знаетъ весьма незначительное число „князей Андреевъ“,—знаетъ Аксаковъ и ведомая имъ группа патріотовъ-славянофиловъ, знаетъ Царь-Освободитель, знаетъ его Наслѣдникъ, будущій обновитель русскаго націонализма, чувствуетъ народъ. Масса—же специалистовъ и интеллигентовъ на него, что называется, фыркаетъ. — Черняевъ—герой? Ха-ха-ха. Полно вамъ! не смѣшите! Ну, онъ молодецъ, хорошій генералъ, честный служака, но—герой?! Подумайте, какое это слово! Развѣ такіе герои бываютъ?.. Начинается славянское движеніе, сербская война, добровольцы, и—словно волна какая вынесла и поставила во главѣ минуты не кого другого, а почему-то вотъ именно этого смирнаго, умнаго, „непохожаго на героя“, генерала Черняева. И имя его оказалось странно знакомо и пріятно народу, довѣрившему ему вести своихъ дѣтей въ бой на чужбинѣ за чужой народъ, подъ личною и единственною его, Черняева, отвѣтственностью.

Да! Черняевъ былъ однимъ изъ немногихъ русскихъ людей, которые съ гордымъ правомъ могутъ сказать о себѣ:

— Моя родина вѣрила мнѣ на слово!..

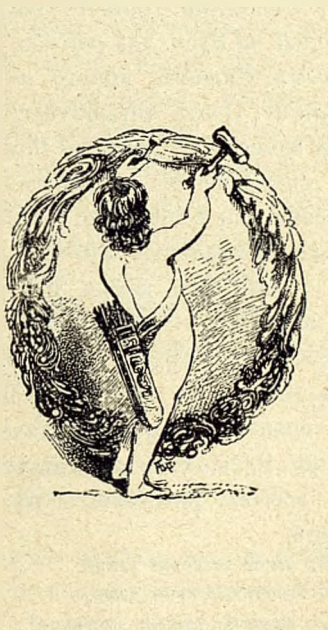
И опять—Шенграбенъ. Своимъ военнымъ инстинктомъ и русскимъ чутьемъ, Черняевъ понялъ, что, въ моментъ кризиса на Балканскомъ полуостровѣ, надо овладѣть сербскимъ движеніемъ не кому другому, а именно Россіи. И—такъ какъ сама Россія не имѣетъ еще возможности открытаго вмѣшательства, а нарывъ броженія славянскихъ народцевъ слишкомъ назрѣлъ и, того и гляди, лопнетъ, не дождавшись такой возможности,—то надо, стало быть, сдѣлать такъ, чтобы дѣло осталось русскимъ, хотя бы и неофициально, въ русскихъ рукахъ и подъ русскимъ руководствомъ. И вотъ отставной генераль-майоръ Черняевъ превращается въ странствующаго полководца Черняева. Подъ тучею нареканій, насмѣшекъ, упрековъ, недоброжелательства сербовъ и многихъ русскихъ, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, онъ дерется, побѣждаетъ, побѣжденъ, но добивается своего: сослужилъ онъ службу славянамъ, а вдвое большую Россіи. Онъ воскресилъ ея престижъ, какъ законной защитницы балканскаго славянства, онъ вновь обратилъ къ ней взоры, просылающихся къ независимости, государствъ и какъ бы предсоздалъ изъ нихъ то, чѣмъ и быть имъ должно: аванпосты славянства и православія на вѣковомъ пути къ Константинополю.

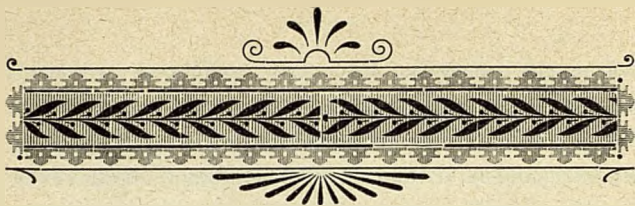
„Черняева,—писалъ въ 1876 г. Достоевскій,—даже и защитники его теперь уже считаютъ не геніемъ, а лишь доблестнымъ и храбрымъ генераломъ. Но одно уже то, что въ славянскомъ дѣлѣ онъ сталъ во главѣ всего движенія—было уже геніальнымъ прозрѣніемъ; достигать же такихъ задачъ дается лишь геніальнымъ силамъ“.

Генераль-Тушинъ, генераль безъ честолюбія, сказывался въ Черняевѣ послѣ каждого его крупнаго дѣла. Послѣ Средней Азіи—не оцѣненъ, послѣ Сербіи—забвенъ. Но вѣдь это такова уже судьба русскаго народнаго героя. Вѣдь и первый изъ нихъ, чудо богатырей, Илья-Муромецъ, если татаровеи не колотить, то больше у князя Володимера, подъ тремя замками, въ погребу за неучтивость сидитъ, да, въ усмиреніе сердца гнѣвнаго, книгу священную читаетъ. Русскій народный богатырь—въ мирное время—существо ужасно громоздкое и неудобное. „Хорошъ жемчужокъ да не знаешь, куда его спрятать, ни въ коробъ не лѣзетъ, ни изъ короба не идетъ“. Даже Скобелевъ, который былъ въ глазахъ общества много крупнѣе и нужнѣе Черняева, оказался, какъ выражаются поляки, „непритыкальнымъ“, когда взятіемъ Геокъ-Тене покончилъ съ карьерою героя и долженъ былъ обратиться въ генерала, мирно командующаго своею частью. Онъ мечется, какъ рыба на пескѣ, будируетъ, дружитъ съ Гамбеттою, носится съ идеей реванша и франко-русской дружбы, пугаетъ Германію и, въ концѣ-кон-

цовъ, умираетъ, буквально, задохнувшись отъ тоски бездѣйствія. Трагическій типъ такого героя не удѣлъ великолѣпно создалъ Лѣсковъ въ лицѣ генерала Перлова, цѣликомъ списаннаго съ знаменитаго воеводы Севастопольской кампаніи, Степана Александровича Хрулева. „Самъ не знаетъ, на какой гвоздокъ себя повѣсить. Службу ему надо, да чтобы безъ начальства, а такой еще нѣтъ. Одно бы развѣ: послать его съ особой арміей въ центральную Азію разыскать жидовъ, позабытыхъ въ плѣну Зоровавелемъ. Это бы ему совсѣмъ по шерсти,—такъ вѣдь не посылають“. Шутка Лѣскова оказалась пророческою, когда состоялась экспедиція въ Геокъ-Тепе, гдѣ, именно, — предполагается, — и забылъ Зоровавель своихъ жидовъ. И, конечно, эта экспедиція тому же Скобелеву сберегла нѣсколько мѣсяцевъ его короткой жизни, приспособленной къ трудамъ и опасностямъ, угасающей безъ нихъ, какъ лампа безъ масла. Время Александра I, Николая I, начало царствованія Александра II имѣло для подобныхъ натуръ спасительный клапанъ: Кавказъ съ его вѣчною, непрерываемою, азіатскою войною. Тамъ находили свое дѣло и душевное успокоеніе старинные Хрулевы, Черниевы, Скобелевы, Слѣпцовъ, Зассы, Пассеки и др. Но Кавказъ усмиренъ уже четыре десятка лѣтъ, Средняя Азія покорена сравнительно малыми усиліями—клапанъ слишкомъ незначительный для такой огромной машины, какъ русская армія; внѣшній врагъ, вотъ уже двадцать

лѣтъ, не опасенъ. Русскому военному таланту, такимъ образомъ, приходится либо становиться теоретикомъ, либо, если онъ талантъ дѣйствія по преимуществу, изнывать въ безсильной тоскѣ своей неприложимости, какъ изнывать въ свое время Ермоловъ на московскомъ насильственномъ своемъ покоѣ; какъ изныть и сошелъ на нѣтъ Хрулевъ; какъ, въ сущности, несмотря на свои генераль-губернаторства, сошелъ на нѣтъ и Черняевъ; какъ, быть можетъ, сошелъ бы, мало - по - малу, и самъ Скобелевъ, не возьми его съ земли довременная могила.

Памяти Полонскаго.

I.

Скончался Полонскій. Немного найдется грамотныхъ людей на Руси, для кого бы вѣсть эта оказалась темнымъ, словомъ, ничего не говорящимъ мысли и чувству. Поэтъ четырехъ поколѣній, кому не быть онъ знакомъ съ дѣтства? Кому изъ насъ, назарѣ нашей грамотности, не рассказалъ онъ, черезъ Паульсона или Ушинскаго, о томъ, какъ „ночью въ колыбель младенца мѣсяцъ лучъ свой заронилъ“, о томъ, какъ камни пустыни грянули „аминь“ въ отвѣтъ на вѣщее слово Бѣды-проповѣдника о Богѣ, распятомъ за наши грѣхи? Кто изъ насъ, въ юности, не грустилъ и не смѣялся до слезъ надъ похожденіями „Кузнечика-музыканта“? А неграмотная Русь, хоть и не дошло до нея имя Полонскаго, все же распѣваетъ въ медвѣжьихъ углахъ своихъ:

Въ одной знакомои улпцѣ,
Я вспомню старыи домъ,
Съ высокой, темной лѣстницей,
Съ завѣшаннымъ окномъ...

Либо поетъ про русую головку, мелькающую въ тѣни за окномъ; либо—про костерь цыганки, что „въ туманѣ свѣтитъ, искры гаснутъ на лету“...

Ушелъ изъ міра „сей остальной изъ стан славной!..“ Смерть Полонскаго вызываетъ не острую, жгучую скорбь съ ропотомъ на судьбу, порвавшую нить жизни талантливаго человѣка,—жизнь поэта была долга, обильна трудомъ и плодоносна; закрывая глаза, онъ, съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія нравственнаго, могъ сказать о себѣ, что „свершилъ въ предѣлѣхъ земномъ все земное“.

Якова Петровича причисляли къ лику „парнацевъ“ русской поэзіи. Когда надо было укорить послѣднюю за, виѣдрившуюся въ нес, „тенденцію“ и „гражданскую скорбь“,—въ числѣ другихъ жрецовъ „чистой поэзіи“, выставлялось имя Полонскаго—выставлялось почетно, на одномъ изъ первыхъ мѣстъ. Майковъ, Полонскій и Фетъ лѣтъ тридцать подъ-рядъ провозглашались, какъ бы знаменосцами „искуства для искуства“. На пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ Полонскаго Майковъ торжественно провозгласилъ

тостъ примѣрный
За поэтическій, нашъ вѣрный,
Нашъ добрый тройственный союзъ!

Однако, я смѣю думать, что въ союзѣ этомъ Я. П. Полонскій, особенно въ позднѣйшій періодъ жизни, послѣ 60-хъ годовъ, состоялъ членомъ скорѣе по

равенству лѣтъ, по дружбѣ юности, по воспомина-
ніямъ вмѣстѣ пережитого романтизма тридцатыхъ
и сороковыхъ годовъ, чѣмъ по наклонностямъ своей
музы. Уступая въ пѣсняхъ своихъ Майкову изя-
ществомъ формы. Фету роскошью образовъ, онъ,
безспорно, превосходилъ обоихъ глубокою чело-
вѣчностью своей поэзіи, близостью ея къ міру сему.
Нѣтъ, онъ не парнасецъ—онъ нашъ, кость отъ кости
и плоть отъ плоти нашей, съ людьми жилъ, люд-
ское творилъ и о людскомъ говорилъ. Онъ пѣвецъ
не „чистаго“, но *чистоплотнаго* искусства; его вдох-
новенія не касались грязи земной, но не брезго-
вали ею, не надмевались съ олимпійской высоты
надъ бѣдными и скорбными дѣтьми Прометея.
Полонскій любилъ русское общество, страдалъ и
радовался съ нимъ, переживалъ всѣ его настроенія
и отзывался на нихъ, какъ чуткое эхо...

Писатель, если только онъ—
Волна, а океанъ—Россія,
Не можетъ быть не возмущенъ,
Когда возмущена стихія!
Писатель, если только онъ
Есть первъ великаго народа,
Не можетъ быть не пораженъ,
Когда поражена свобода!

Таково поэтическое исповѣданіе вѣры Полонскаго. Роль писателя, какъ „нерва человѣчества“, онъ подчеркивалъ неоднократно,—напр., въ драматическомъ этюдѣ, гдѣ изобразилъ онъ умирающаго

Бѣлинскаго. И, нельзя не сознаться, что и по темамъ своимъ, и по сочувствію къ темамъ, онъ такъ же часто протягиваетъ руку Некрасову, съ которыми не дружилъ, какъ и Майкову съ Фетомъ, съ которыми числился въ „тройственномъ союзѣ“. Пѣвецъ живыхъ и чуткихъ настроеній, онъ правильно характеризовалъ себя:

Мое сердце—родникъ, моя пѣсня—волна.
 На просторѣ она разливается.
 Подъ грозой моя пѣсня, какъ туча, черна.
 На зарѣ—въ ней заря отражается!

И грозы, и зори русской жизни проходятъ въ пѣснѣ Полонскаго, какъ въ нѣсколько туманномъ, но не лицемѣрномъ зеркалѣ. Онъ не былъ рожденъ для битвъ, но не могъ ограничиться и сферою однихъ лишь звуковъ сладкихъ. Больше того: въ мысляхъ своихъ, въ самосознаніи своемъ, поэта-бойца онъ ставитъ выше себя: таково смиренное признаніе его въ извѣстномъ посланіи къ П. С. Аксакову. Борьба со зломъ досталась другимъ; на долю Полонскаго выпала скорбь о „цареваніи зла“ и сочувствіе усиліямъ добра. Пусть другіе—солдаты, онъ — честный братъ милосердія; другіе наносятъ и получаютъ раны—онъ ихъ перевязываетъ, ходитъ за больными, утѣшаетъ ихъ, ободряетъ.

Недаромъ Полонскій былъ такъ дружески близокъ съ Тургеневымъ. Онъ самъ—тургеневскій герой. Если бы Лаврецкій сталъ литераторомъ, онъ

писалъ бы, какъ Полонскій. Въ стихахъ Якова Петровича часто звенятъ ноты „Лишняго человѣка“:

...Проклятый червякъ

Въ сердцѣ унять не можетъ никакъ:

То ли онъ старую рану тревожитъ,

То ли онъ новую гложетъ?

Полонскій пережилъ всю исторію нашей юной гражданственности — весь „послѣ-пушкинскій“ періодъ русской культуры. Пережилъ, какъ уже замѣтилъ я, чутко и отзывчиво. Тутъ и севастопольскіе громы, и польское возстаніе, и эпоха реформъ, и франко-прусская война, и славянское движеніе, и смута семидесятыхъ годовъ, и Царь-Миротворецъ... И на всемъ огромномъ протяженіи этихъ полосъ и эпохъ лира Полонскаго ни разу не издала фальшиваго звука; поэтъ не сказалъ ни одного слова неискренняго, притворно вымученнаго изъ себя въ угоду вѣяніямъ вѣка. Онъ весь — то, что онъ чувствуетъ: всегда и во всемъ — человѣкъ убѣжденія, носимаго нѣсколько пассивно, но неизмѣнно. И всѣ его убѣжденія озарены какимъ то незакатнымъ свѣтомъ любви къ человѣку, прощенія его ошибокъ, надежды на лучшее будущее общества, вѣры въ правду, разумъ и добро природы человѣческой.

Чистымъ поэтомъ являлся Полонскій лицомъ къ лицу съ природою, которую онъ боготворилъ съ энтузіазмомъ истаго пантеиста-романтика, воспитаннаго наслѣдіемъ Гете и Шиллера. Мнѣ нѣтъ нужды напоминать безчисленные перлы, порожден-

ные общеніемъ поэта съ видимымъ міромъ: они разсыпаны въ каждой христоматіи... Но даже, уходя въ эти прекрасныя впечатлѣнія, онъ не утопалъ въ нихъ до самозабвенія, какъ утопали Фетъ, Щербина, Майковъ, Мей. Въ страстно любимой имъ Италіи, Полонскій, среди чудесъ природы и искусства, не въ силахъ позабыть страданій этой, въ ту пору угнетенной, страны, не въ силахъ онъ позабыть ея стона и ея насильниковъ. Гдѣ люди страдаютъ, туда тянетъ его, съ его слезами и съ его пѣснею. Онъ не можетъ равнодушно пройти мимо страдальца, хотя бы тотъ былъ и изъ чужаго ему лагеря общественнаго. На смуту семидесятыхъ годовъ онъ, какъ патріотъ-государственникъ, отвѣчалъ стихами порицанія, — но въ то же время плакалъ надъ жалкими судьбами, сбитой съ политическаго толка, молодежи.

Что мнѣ она? Не жена, не любовница,
 И не родная мнѣ дочь...
 Такъ отчего жъ ея доли проклятая
 Спать не даетъ мнѣ всю ночь?
 Спать не даетъ оттого, что мнѣ грезится
 Молодость въ душной тюрьмѣ...

Гражданинъ-романтикъ, поэтъ до глубины души и рыцарь челоѣчества—вотъ точное опредѣленіе Полонскаго. Быть можетъ, онъ былъ больше Донъ-Карлосомъ, чѣмъ маркизомъ Позою, больше челоѣкомъ чувства, чѣмъ дѣятельной энергіи. Но— „челоѣкъ онъ былъ!“—и въ этомъ его высокое значеніе. Его пассивная, безкорыстная любовь къ міру

была сильнѣйшимъ укоромъ озлобленію желѣзнаго вѣка, чѣмъ самая рѣзкая и энергичная сатира. Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ,—говоритъ старая истина. Покойный поэтъ не былъ богатыремъ силы, за то правда несомнѣнно жила неразлучно съ Полонскимъ. И Богъ былъ съ нимъ, и къ Богу правды онъ теперь возвратился. „Подвигомъ добрымъ подвизался!“—вотъ эпитафія къ жизнеописанію и надгробію на могилу его.

II.

Сегодня—„последняя пятница Полонскаго“. Затѣмъ онъ землею станетъ и въ землю отойдетъ.

Пятницы Полонскаго—кто не зналъ ихъ въ петербургскомъ литературномъ и артистическомъ мірѣ? „Журъ-фиксовъ“ въ столицѣ много, но пятницы Полонскаго были во множествѣ этомъ явленіемъ совершенно исключительнымъ. Отъ нихъ вѣяло сороковыми годами, „кружкомъ in der Stadt Moskau“, который, съ такою мучительною любовью, съ такимъ любовнымъ самоиздѣвательствомъ, описалъ Тургеневъ въ „Гамлетѣ Цыгровскаго уѣзда“. Всякій разъ, что случалось мнѣ попадать на эти пятницы, я выносилъ одно и то же неизмѣнное впечатлѣніе.

— Вонъ этотъ старикъ—превосходительство, вращаетъ цѣлымъ департаментомъ; вонъ отъ этого высокопревосходительства, говорятъ, зависитъ добрая половина всей русской политики; тотъ стоитъ

во главѣ могучаго изданія; тотъ—несмѣтный богатѣ, руководитель колоссальныхъ финансовыхъ предпріятій... Какое же чудо подняло ихъ всѣхъ на четвертый этажъ дома на углу Знаменской и Бассейной, собрало вмѣстѣ въ скромной квартирѣ стараго поэта, больного человѣка на костыляхъ, зябко дремлющаго въ креслахъ, подъ тяжелымъ плѣдомъ? И отчего всѣ эти высоко и просто превосходительства здѣсь совсѣмъ не тѣ Юпитеры, какими знаютъ ихъ не только ихъ собственныя вѣдомства и департаменты, но даже обыкновенная „улица“,—а живые, симпатичные, теплые люди, съ кроткою рѣчью, съ мягкими взглядами, съ почти нѣжнымъ обращеніемъ другъ къ другу? И на насъ,—сравнительно, молодежь,—они смотрятъ ласково: мы другого поколѣнія, другого общества, но насъ слушаютъ, насъ терпятъ, съ нами спорятъ и соглашаются. Мы, взаимно чуждые всюду, здѣсь свои, равные,—точно студенты разныхъ выпусковъ на общемъ университетскомъ праздникѣ.

Общество русское—великая ночь. Много-много путниковъ заблудилось въ ея тьмѣ. Они бродятъ ощупью, скорбятъ, злобятся, боятся: столкнувшись во мракѣ, принимаютъ другъ друга за враговъ и злоумышленниковъ, ненавидятъ, борются, уничтожаютъ другъ друга. Но вотъ—блеснула вдали яркая точка. Это—костеръ въ стени, а вокругъ него чумаки расположились мирнымъ отдыхомъ. И идутъ на свѣтъ костра, на чумацкую заунывную пѣсню.

утомленные тьмою, люди. И вотъ—сошлись они, приглядѣлись другъ къ другу и видятъ: напрасны были страхи, обиды, угрозы; нѣтъ ни разбойниковъ, ни ненавистниковъ, все—своя братья, все люди-человѣки. И отдыхаетъ душою измаянный путникъ, и мирно калякаетъ съ такимъ же, какъ самъ онъ, странникомъ, и пьетъ съ нимъ дорожную чарку. А костеръ грѣетъ... а чумаки поютъ... а звѣздочки теплятся... а пѣсня звенить и плачетъ...

Именно такимъ костромъ въ ночи былъ для Петербурга домъ Я. П. Полонскаго. „Не для житейскаго волненія, не для корысти, не для битвъ“ собиралъ къ себѣ маститый поэтъ неструю массу своихъ почитателей. Сходились—погрѣться отъ душевнаго тепла, заимствовать нѣсколько лучей отъ „тихаго свѣта святой славы“, что бережно пронесъ любвеобильный старецъ черезъ всю свою многолѣтнюю жизнь. Около него молодѣли и освѣжались. Лежневъ,—давнымъ-давно превратившійся въ кулака-помѣщика, денно и нощно мечтающаго, какою бы каверзою угостить ему каверзниковъ же мужиковъ,—снова превращался въ того Лежнева, что когда-то ходилъ на свиданія съ молодою лнною въ своемъ московскомъ саду; Рудины, выродившіеся въ толкователей „входящихъ и исходящихъ“, вспомнили братство и рѣчи своей молодости,—и мы вновь видѣли ихъ, съ пламенемъ въ глазахъ, съ гордо поднятыми, сѣдокудрыми головами, съ вдохновеннымъ словомъ,—„точно Демосвентъ на берегу шумя-

щаго моря“. Самъ Я. П. Полонскій напоминаетъ того скромнаго Покорскаго, который скрывался, въ молчаливой кротости духа своего, какъ бы въ тѣни, за эффектными Рудиными, за остроумными Щитовыми и т. д., но безъ котораго не было бы ни Рудиныхъ, ни Лежневыхъ, ни Щитовыхъ, потому что онъ-то—всему рою и матка: тихая, но вѣрная пружина всей машины, носитель идеаловъ и традицій, связующихъ общество. Встрѣтишь стараго товарища,—говорить Тургеневъ,—совсѣмъ озвѣрѣлъ человѣкъ, шерстью обросъ, а напомнимъ ему имя Покорскаго,—гляди, другой человѣкъ становится, точно въ скверной душевной комнатѣ вдругъ нечаянно разлили склянку съ духами. Я увѣренъ: такую благодѣтельною склянкою съ духами, въ удушливой атмосферѣ петербургской интеллигенціи, надолго останется и имя Я. П. Полонскаго. Много лѣтъ воспоминаніе о любвеобильномъ старцѣ будетъ ободрителемъ духа для людей колеблющихся, готовыхъ поступиться стыдомъ и совѣстью въ безысходной борьбѣ житейской; на многое стыдное не поднимется рука, которую дружески жалъ Полонскій.

— Ёду къ Полонскому,—помню, сказалъ мнѣ, съ мрачнымъ видомъ, одинъ талантливый поэтъ русскій, въ какую-то изъ пятницъ.

— Зачѣмъ?

— На душѣ скверно... для нравственной дезинфекціи...

И я поѣхалъ съ нимъ, потому что и у меня

на душѣ было скверно, и жизнь была темна и противна, и мнѣ хотѣлось нравственной дезинфекціи... И—Богъ знаетъ, какимъ чудомъ: вѣдь ни о чемъ особенномъ мы не бесѣдовали, никакихъ изліяній не творили, этическихъ вопросовъ не поднимали, исповѣдываться не исповѣдывались,—а получили, чего желали: вышли отъ Полонскаго бодрѣе духомъ, свѣтлѣе взглядами на жизнь. Онъ создалъ вокругъ себя какъ бы очищающую атмосферу. Кто вѣкъ свой живетъ въ клоакѣ, отъ того не можетъ пахнуть розами, но кто проводитъ весь день свой въ храмѣ, тотъ и самъ неизбежно пропитается святынею еміама, и другимъ его передастъ.

— Есть такое вещество, Гарри,—говорилъ веселому принцу Галю сэръ Джонъ Фальстафъ,—которое многимъ изъ обитателей нашего королевства извѣстно подъ именемъ „дегтя“. И деготь этотъ, какъ увѣряютъ нѣкоторые древніе писатели, мараетъ. Таково, другъ мой, и общество, въ которомъ ты обращаешься.

Противовѣсомъ дегтю общественному,—разлитому одинаково во всѣхъ сферахъ жизни, здѣсь побольше, тамъ поменьше—и были кроткія, идеалистическія бесѣды Полонскаго. За тѣмъ-то—отмыться отъ налипшаго на душу дегтя—и шли къ нему журналистъ, художникъ, администраторъ, артистъ, чиновникъ, студентъ, куренетка, министръ, приказчикъ-самоучка, офицеръ,—вся кипень и пестрядь моря житейскаго.

Сегодня нестрядя эта соберется вокругъ почившаго, древняго лѣтани друга своего, въ его урочный день, увы! въ послѣдній разъ. Онъ не встанетъ на встрѣчу дорогимъ гостямъ на своихъ, всѣмъ знакомыхъ костыляхъ, не встрѣтитъ ихъ привычнымъ разсѣяннымъ привѣтомъ, путающимъ имена и лица, но ко всѣмъ всегда одинаково радушнымъ и благожелательнымъ... „Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ, и на устахъ его печать“... Но смерть, обращающая даже великаго Цезаря въ прахъ, которымъ замазываютъ стѣны, не властна надъ духомъ. Сѣется тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное, говоритъ Апостолъ. Это духовное тѣло есть вся совокупность того, чѣмъ былъ человекъ для ближнихъ своихъ, чѣмъ отразился онъ въ зеркалѣ вѣка. II—пусть душевное тѣло Полонскаго недвижно лежитъ въ гробу, осужденное на тлѣніе,—мы чувствуемъ: духовное тѣло его—среди насъ, близко къ намъ, какъ прежде. Изъ вѣчности сіяютъ намъ кроткіе всензвиняющіе глаза старца-поэта, изъ царства правды и любви слышится послѣднимъ гостямъ его послѣдняго новоселья вѣчный Христовъ завѣтъ: любите міръ! не обижайте другъ друга!..

Памятникъ Царю-Освободителю.

Сегодня великій праздникъ на Руси. Она вся полна святымъ именемъ, мученическою памятью Царя-Освободителя. Кроткій духъ его незримо носится надъ благоговѣйною страной, дышетъ въ ея суровую атмосферу вѣяніемъ любви и всепрощенія, зоветъ насъ на путь совершенствованія въ добръ и человѣколюбіи, по которому двадцать шесть лѣтъ властно велъ онъ новосозданное русское общество. Сегодня, когда гигантскій бронзовый ликъ великодушнѣйшаго и несчастнѣйшаго изъ монарховъ явится на высотахъ московскаго Кремля въ всенародномъ апоѳеозѣ, со многихъ тысячъ сердець, не лишенныхъ чувства гражданскаго долга, спадетъ тяжелый камень. Сегодня Россія какъ-бы очищается отъ невольнаго, но величайшаго изъ историческихъ грѣховъ своихъ, смываетъ пятно, чернѣвшее на ней

Царь-Освободитель
Императоръ Александръ II Николаевичъ.

цѣлыя семнадцать лѣтъ. Нынѣ отпускаеши. Владыко! Всероссійское народное дѣло 16-го августа 1898 года заслонить отъ суда потомства позоръ 1-го марта 1881 года, которымъ отравила нашу юную общественность группа фанатиковъ. Гдѣ она теперь, эта грозная, остервенѣлая группа? Гдѣ ея сторонники, поклонники, продолжатели—мнимые творцы новаго, минимо-вѣчнаго строя? Пятой части вѣка не прошло послѣ ихъ побѣдоносныхъ буйствъ, — и уже нѣтъ ихъ, исчезли безслѣдно. Уродливое зданіе, что созидали они на пескѣ, смыли волны пробудившагося національнаго сознанія, и погибла память ихъ... даже безъ шума. Но растеть, крѣпнеть и множится вѣчная память великаго страдальца, убіеннаго этою „наносною бѣдою“,— торжествуя и сверкая лучами безпредѣльной любви, встаетъ она изъ кровавой могилы Царя-Освободителя. океаномъ разливается по лицу Русской земли, имъ облагодѣтельствованной, и будетъ въ ней безсмертна, какъ безсмертна сама Русь. Дѣла ненависти преходящи, — не пройдутъ лишь дѣла любви. Не преидетъ Христосъ на крестѣ, не преидетъ ап. Павелъ въ узахъ, не преидетъ царь Александръ, растерзанный бомбами на набережной Екатерининскаго канала. Съ міра попиткѣ, грошами бѣдняка и тысячами богатаго жертвователя, слава и память его воплотились нынѣ въ мраморъ и бронзу. Вотъ стоитъ онъ, спокойный, величавый и ласковый, предъ кремлевскими соборами, гдѣ спятъ цари, великіе князья и святите-

ли — собиратели земли Русской, предъ палатами, гдѣ родился онъ на свѣтъ въ прекрасные апрѣльскіе дни пасхальной недѣли, когда люди празднуютъ воскресеніе самоотверженной любви, а весь міръ—воскресеніе природы къ весеннему теплу и счастью. Царь Александръ пришелъ въ суровую зиму русскую именно, какъ животворящее солнце. „Закатилось солнце земли Русской!“ плакали въ 1263 г. надъ прахомъ Александра Невского мужи-городчане. Не тѣмъ же ли воплемъ отвѣтили, семнадцать лѣтъ тому назадъ, всѣ предѣлы нашего отечества на горестную вѣсть 1-го марта? И вотъ — сегодня мы вновь видимъ его золотой отблескъ, заря горитъ, солнце всходитъ. Царь-Освободитель, Царь-Благодѣтель, Царь-Мученикъ вновь—предъ милліонами своихъ восторженныхъ, благодарныхъ сыновъ... „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ!“

„Человѣкъ на тронѣ“—вотъ лучшая характеристика императора Александра II, объясняющая всю его трогательную жизнь и дѣятельность. Наслѣдникъ грозно и самоувѣренно властнаго царя-полубога, управлявшаго Россіею съ вершинъ Олимпа, сверкающаго молніями, рокочущаго громами, Александръ II — первый изъ самодержцевъ русскихъ послѣ Петра I—отказался отъ величаваго одиночества на царственной высотѣ своего сана, чтобы войти въ міръ и послужить міру. „Никогда еще Монархъ такой необыкновенной сердечной доброты

и человеколюбія не занималъ російскаго престола; никогда настоящее сердечное желаніе подарить своему народу, вмѣстѣ съ благороднѣйшими благами человечества, благоденствіе и миръ, не осуществлялись въ русскомъ самодержцѣ такъ живо и съ такимъ самопожертвованіемъ, какъ въ императорѣ Александрѣ II, и никогда еще государь не былъ цѣлью такой лютой вражды, такой адской кровожадности, какъ этотъ мученикъ“. Такъ писалъ послѣ 1-го марта лейбъ-органъ Бисмарка. Результаты и характеръ царствованія императора Александра Николаевича весьма часто ставятъ въ параллели съ реформаціонными царствованіями Петра Великаго и Екатерины II. Я полагаю, что параллели эти рискованны, а сходство преувеличено. Петръ — чудо исторіи, стоящее въ ней одиночкою; это черно-рабочій богъ, топоромъ и молотомъ сколотившій Русь въ европейское государство. Екатерина — необычайно умная и еще необычайнѣе счастливая женщина, которая, начавъ свой житейскій путь простою смертною, неуклонно шла къ тому сліянію во-едино идеи монарха съ идеею государства, что во Франціи нашло себѣ полное выраженіе въ Людовикѣ XIV, а у насъ—въ Николаѣ I. Счастье и геній Екатерины становятся счастьемъ и геніемъ Россіи. Никакіе удары по ней и по управляемой ею Руси не въ силахъ потрясти ея мощь. Владычествовать и мучать наслѣдникамъ ея пришлось совсѣмъ не на розахъ. Мрачное царствованіе несчастнаго Пав-

ла I, Наполеонъ съ дванадесатью языкъ, отреченіе отъ престола цесаревича Константина, переходъ престолонаслѣдія черезъ старшаго брата къ младшему, декабрьскій бунтъ,—какой наплывъ тяжкихъ условій! Тридцать лѣтъ по смерти Екатерины, судьба бьетъ въ стѣны ея дома, словно вражескій таранъ въ стѣны крѣпости, но надежно, любящую хозяйственною рукою сложенный, домъ какъ будто и не чувствуетъ этихъ ударовъ. Русь переживаетъ двѣ несчастныя войны,—въ Севастополѣ нанесенъ намъ ударъ, въ Санъ-Стефано мы оказались безсильными достигнуть идеала, къ которому ведетъ насъ вся новѣйшая исторія наша,—взять ключи Константинополя и водрузить крестъ на св. Софій. Моментъ разочарованій, недовольства, броженія. Внутренняя смута находитъ моментъ удобнымъ, чтобы объявить войну государю и государству. Положеніе столь тяжело, что даже умы, ничего общаго со смутю не имѣющіе, начинаютъ сомнѣваться въ прочности государственнаго корабля, выстроеннаго великою Екатериною. Царь—благороднѣйшей монархъ XIX вѣка—убить. И что же? Новая царственная рука спокойно и твердо взяла изъ руки мертвеца наслѣдственное кормило; послѣ страшнаго дѣла на Екатерининскомъ каналѣ, мы не пережили ни кроваваго переворота, на который такъ разсчитывала смута, ни даже бурныхъ уличныхъ волненій въ родѣ декабрьскаго бунта. Самодержавіе и любовь къ династіи оказались неуязвимы. Бомбы отскочили отъ стѣнъ ихъ и убили

смуту, на нихъ посягавшую. Царевубійца, упавшіи мертвымъ къ ногамъ смертельно раненаго царя, уничтоженный тѣмъ самымъ снарядамъ, который онъ бросилъ,—прообразъ всей революціонной крамолы русской. Семнадцать лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ 1-го марта,—сплошное торжество самодержавнаго принципа. Можно безошибочно утверждать: никогда еще, за всю послѣ-петровскую исторію нашу, зная самодержавной власти не развѣвалосьъ въ Россіи съ такимъ могуществомъ, какъ въ настоящее время, никогда Русь не была самодержавнѣе, чѣмъ въ моментъ когда нынѣ благополучно царствующему Государю Императору суждено было пріять бразды правленія изъ рукъ Царя-Миротворца.

Если дѣянія Петра Великаго создали намъ государство, если дѣянія Екатерины создали прочную династію—необходимое условіе монархическаго государства, то дѣяніями Александра II создалось нѣчто особое,—можетъ быть, не столь отъ міра сего, какъ плоды трудовъ Петра и Екатерины, но еще болѣе возвышенное: создалась человѣчность въ государствѣ. „Манифестъ Александра II о коронаціи,—читаю я въ одной только что вышедшей біографіи покойнаго государя,—это не манифестъ былъ, а какой то праздничный, высокаторжественный благовѣсть, въ которомъ слова *отмѣнить, простить, возвратить* звучали все громче и веселѣе“. Благовѣсть этотъ гудѣлъ во все царствованіе императора, не разъ переходя въ радостный трезвонъ бла

годарственныхъ молебновъ за здравіе царя. благо дѣющаго землѣ своей. И уже одного святого дня 19-го февраля 1861 года достаточно, чтобы колокола русскіе гудѣли славу Царя Освободителя до тѣхъ поръ, пока жива самая православная Русь, и стоятъ на ней храмы Божьи.

Славься, народу
Давшій свободу!
Доля народа,
Счастье его,
Свѣтъ и свобода
Прежде всего.
Благослови,
Господи правый,
Счастьемъ и славой
Дѣло любви!
Славься, народу
Давшій свободу!..

Теперь, когда для эпохи освобожденія крестьянъ уже настало время историческаго суда, мы знаемъ, что далъ свободу крестьянамъ русскимъ именно самъ Государь Императоръ Александръ Николаевичъ: не *при немъ* она была дана, но *имъ* дана. Онъ лично разрушилъ крѣпостныя цѣпи, лично настоялъ на освобожденіи крестьянъ съ землею. Мы знаемъ больше: въ дѣлѣ великой реформы онъ былъ одинокъ; ближайшіе сотрудники его тормозили ему шествіе къ освободительной цѣли. Это одиночество царя на благомъ пути его изображено въ запискахъ Ростовцева, напечатанныхъ съ отмѣтками Александра II. Съ какимъ горькимъ чувствомъ долженъ

былъ онъ—противъ строкъ, говорящихъ объ этомъ,
 — начертать утвердительное „совершенно вѣрно“!..
 Эти два слова—самый могучій и краснорѣчивый
 обвинительный актъ дореформенному складу рус-
 ской жизни, находящему теперь много хвалителей
 изъ, оскудѣлаго послѣ эмансипаціи, дворянства.
 Тамъ, въ высшихъ сферахъ правленія, „гдѣ перво-
 образы кипятъ“, лишь одинъ человѣкъ находился
 на высотѣ истинно христіанской, любвеобильной
 мысли и дѣятельности, и человѣкъ этотъ—самодер-
 жавный царь! Неограниченный повелитель жизни и
 смерти миллионовъ подданныхъ, онъ долженъ учить
 рабовладѣльцевъ, что состояніе ихъ—позоръ и ги-
 бель для отечества, долженъ грозить, просить,
 убѣждать, бороться за свое право внести свѣтъ и
 свободу въ свою монархію. „Крѣпостное право не
 можетъ существовать вѣчно, и потому лучше, чтобы
 это преобразование сдѣлалось чрезъ революцію свер-
 ху, чѣмъ снизу!“ убѣждаетъ онъ. Онъ самъ вѣруеть
 въ принципъ самопожертвованія и жаждетъ, чтобы
 другіе вѣровали. Покажите себя въ полномъ смыс-
 лѣ благороднымъ сословіемъ, будьте въ началѣ
 всего добраго! „Россія не забудетъ, что дворян-
 ство добровольно, побуждаясь только уваженіемъ
 къ достоинству человѣка и христіанскою любовію
 къ ближнимъ, отказалось отъ упраздняемаго нынѣ
 крѣпостного права“... „Свободный трудъ залогъ до-
 машняго благополучія и блага общественнаго“...
 Что за могучіе и теплые акорды вырывались въ

эту пору изъ души монарха-идеалиста.—этой души, по выраженію поэта, „какъ гусли, многострунной!“.

Весьма часто случается встрѣчать въ печати, какъ русской, такъ и иностранной, мнѣніе, будто Императоръ Александръ II не былъ человѣкомъ сильнаго характера. Эти послѣднія три слова, когда приходится примѣнять ихъ къ историческому дѣятелю, заключаютъ понятіе весьма сбивчивое и загадочное. Что такое—сильный историческій характеръ? Человѣкъ, который слѣпо, но упрямо гнетъ эпоху на перекоръ ея теченію, силенъ ли характеромъ? Слабъ ли, наоборотъ, человѣкъ, который имѣя полную возможность, власть и выгоды гнуть, тѣмъ не менѣе, по чувству правды, великодушія и благоразумія, признаетъ волю историческаго Провидѣнія выше своей собственной и творитъ ее, благоговѣйный и покорный, вопреки всѣмъ соблазнамъ и преніяствіямъ? А Императоръ Александръ II былъ именно такимъ человѣкомъ. Отецъ его, грозной памяти Императоръ Николай I, остался въ исторіи образцомъ государя съ сильнымъ характеромъ. Теперь, когда раскрываются архивныя тайны, выясняются многія подробности, указующія, что Николай I хорошо видѣлъ необходимость многихъ реформъ, проведенныхъ въ царствованіе сына его, въ томъ числѣ, и освобожденія крестьянъ. Онъ шесть разъ собиралъ комитеты, издалъ болѣе ста постановленій,—однако, реформа ни на шагъ не двинулась съ мѣста. Умирая, онъ не надѣялся, чтобы такое трудное дѣло могло

быть исполнено послѣ его смерти,—именно потому, что не видѣлъ въ наслѣдникѣ своемъ той желѣзной воли, того могучаго характера, какимъ, — и самъ онъ думалъ, и другіе полагали, — обладалъ онъ, „царь-рыцарь“, какъ звали Николая I современники. Но плащъ, котораго не въ силахъ сорвать бурный вѣтеръ, самъ снимается съ плечъ, когда свѣтитъ яркое солнышко. Кроткій и мягкій Александръ II въ пять лѣтъ свершаетъ реформу, предъ которою въ безсиліи отступилъ его могучій отецъ. И вѣдь освобожденіе крестьянъ—только начало. Реформа питейная, судебная, военная, духовная, образовательная,—перестрой всѣхъ вѣдомствъ и учрежденій,—текутъ въ неумолимой, настойчивой послѣдовательности, одна за другой, цѣпляясь звено къ звену, какъ выполненіе однажды задуманнаго и упрямо исполняемаго плана. Настойчивость въ добрѣ, свойственная кроткимъ характерамъ, часто творитъ подвиги гораздо большей рѣшительности, чѣмъ проявляютъ умы жесткаго закала. Ни Иванъ Грозный, ни Борисъ Годуновъ не дерзнули посягнуть на великое зло древней Руси—мѣстничество, а тишайшій и болѣзненный царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ уничтожилъ его однимъ маніемъ руки. Эта настойчивая дѣятельность добра нашла въ личности императора Александра Николаевича наивысшее свое выраженіе, какое знаетъ исторія, по крайней мѣрѣ, новѣйшая. Въ ней онъ—не слабохарактерный человѣкъ, какимъ пытаются обрисовать

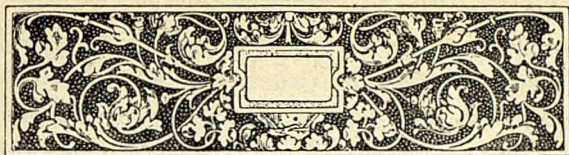
его хулители, но богатырь воли. Странная вещь! какъ часто отсутствіе въ государѣ элемента жестокости принимается за недостатокъ, а проявленія его—за силу воли, за твердость характера и убѣжденій. Такая игрушка своихъ страстей, какъ напримѣръ Людовикъ XIV — могучій характеръ! такой возвышенный исполнитель долга человѣческаго, какъ императоръ Александръ II, описывается кокъ слабоволецъ!..

Государи мягкаго сердца и доброй души, враги жестокостей, войны, кровопролитія, имѣютъ странную судьбу въ исторіи,—рокъ, точно истязуя ихъ жестокою насмѣшкою, возводитъ ихъ на тронъ подъ громъ войны, или войною заполняетъ ихъ царствованія. Такова участь Тита, „утѣшенія рода человѣческаго“, Генриха IV французскаго, Александра I и Александра II. О войнахъ императора Александра II можно сказать, что онъ былъ счастливъ въ несчастіи и несчастенъ въ счастіи. Севастопольское пораженіе и Парижскій трактатъ принесли его царствованію больше пользы и славы, чѣмъ побѣды русско-турецкой войны 1878 года, завершennыя конгрессомъ въ Берлинѣ. Берлинскій конгрессъ, какъ извѣстно, одинъ изъ постоянныхъ упрековъ царствованію Александра II. Однако,—говоритъ Леруа-Болье,—въ общемъ, судья довольно неблагосклонный къ Царю-Освободителю, которому онъ, какъ французъ, не въ силахъ извинить дружбы съ императоромъ Вильгельмомъ,—такъ ли печальны были

результаты конгресса, какъ показались они русскому общественному мнѣнію, обиженному непривычною необходимостью согласоваться съ волею Европы? Жертвы, на которыя согласилась въ Берлинѣ императорская дипломатія, заставили потерять изъ вида всѣ дѣйствительные плоды войны. У Турціи отнято широкое русло Дуная, твердыни Балкана оставлены ей лишь номинально, безъ всякой почти возможности держать въ нихъ гарнизоны; объ, традиціонно покровительствуемыя Петербургомъ, славянскія страны—Сербія и Черногорія—выросли въ объемъ; Турція вынуждена признать ихъ независимость; между Дунаемъ и Балканами создается, какъ будущій аванпостъ армій царя, союзное болгарское княжество, а рядомъ съ нимъ автономная провинція, рано или поздно неминуемо долженствующая слиться съ Болгаріей; наконецъ—русскія границы расширяются въ Европѣ до Дуная, а въ Азіи Россія получаетъ лучшій портъ Чернаго моря—Батумъ и лучшую крѣпость, неприступный Карсъ. Сами по себѣ, достигнутые результаты очень значительны, но ожиданія были гораздо больше, и это, въ связи съ обстановкою, при какой результаты были получены, унизило ихъ достоинство. Не хотѣли видѣть даже того, что берлинскимъ трактатомъ стерты всѣ слѣды тяжкаго Парижскаго мира, который вынуждена была заключить, побѣжденная въ Севастополѣ, Россія: первый жестокій ударъ, какой пришлось принять на себя молодому Александру II, вмѣстѣ

со скипетромъ и короною. Двадцать два года упрямо и послѣдовательно стираетъ онъ и смываетъ со страны своей пятна этого договора. На Берлинскомъ конгрессѣ русская дипломатія, уступчивая по всѣмъ пунктамъ новыхъ требованій, упрямо стоитъ на своемъ, когда дѣло касается уничтоженія положеній Парижскаго трактата: онъ долженъ былъ исчезнуть съ лица земли—и исчезъ. Вотъ гдѣ самолюбіе императора, вотъ гдѣ вся тихая стойкость его духа. Севастопольскіе герои могутъ спать спокойно въ своихъ гробахъ: честь ихъ возстановлена—плоды вражьей побѣды разрушены. Это великій и неоспоримый внѣшній подвигъ императора Александра... Вѣчная ему за то память и слава!

Захарьинъ.

Предсвяточное событіе Бѣлокаменной — смерть Захарьина. Когда я увидѣлъ это неожиданное извѣстіе въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, я, право, не повѣрилъ своимъ глазамъ и даже протеръ ихъ: — Какъ же это? Захарьинъ, самъ Захарьинъ—и вдругъ умеръ?!

Захарьина у чужого смертнаго одра всѣ привыкли воображать себѣ, но Захарьина на его собственномъ смертномъ одрѣ всякому представить дико.

Старинное качество Москвы: она очень быстро охлаждѣваетъ къ памяти своихъ знаменитыхъ покойниковъ и забываетъ ихъ, но, въ первыхъ взрывахъ надгробнаго рыданія, она—неутомимая и самоотверженная плакальщица. Памятуя похороны Алексѣева, Аксакова, Каткова, Рубинштейна, я ждалъ и теперь

сильнаго, всемосковского, такъ сказать, энтузіазма печали. Помните, какъ въ „Антоніи и Клеопатрѣ“ возвѣщаютъ смерть Антонія, и вѣсть эта встрѣчаетъ недовѣріе:—Не можетъ быть! Еслибы Антоній умеръ, то полсвѣта потряслось бы на своихъ устояхъ, и Африка сбросила бы съ лица своего всѣхъ львовъ своихъ. Захарьинъ—для Москвы—былъ фигуурою огромнаго значенія. Однако, и его смерть не вызвала трясенія въ устояхъ свѣта, и по поводу его смерти львы не только въ Африкѣ, но даже и на воротахъ Англійскаго Клуба на Тверской не были обезпокоены. Прямо удивляться приходилось, съ какимъ равнодушіемъ приняли москвичи сообщеніе, что не стало ихъ врача-оауматурга—несомнѣнно, одного изъ самыхъ солидныхъ китовъ, на которыхъ держался всероссійскій интересъ къ современной Москвѣ.

Газетные некрологи Захарьина вышли сухи и формальны, кромѣ „Московскихъ Вѣдомостей“. Онѣ, поминая покойника весьма теплыми и прочувствованными строками, заключили свою статью многозначительнымъ совѣтомъ въ пространство—оставить вражду къ Захарьину у открытой его могилы. Газета говоритъ о клеветахъ на покойнаго, объ огорченіяхъ, отравлявшихъ ему жизнь „послѣ 1894 года“. Я думаю, что не во враждѣ и не въ клеветахъ дѣло, а просто въ томъ, что—при всей своей, до баснословія возвышавшейся, знаменитости,—Захарьинъ былъ крайне „не популяренъ“ въ рус-

скомъ обществѣ. Если оно не всполошилось при слухѣ о своей внезапной потерѣ, то объясненія надо искать не во враждѣ и клеветахъ, а именно въ этой непопулярности великаго врача, какую онъ самъ себѣ сковывалъ всю свою жизнь, изо дня въ день, послѣдовательно, безъ масокъ и уступокъ—скорѣе, наоборотъ, дразня своимъ образомъ дѣйствій и вызывая противъ себя общественное мнѣніе.

Я видѣлъ Захарына пять-шесть разъ, не болѣе, въ томъ числѣ—лишь однажды у постели больной; первые случаи не имѣли ничего общаго съ врачебною его практикой. Призванъ къ больной онъ былъ, конечно, когда уже перепробованы были всѣ остальные знаменитости медицинской Москвы, и ни одна не помогла. Трепетали въ домѣ пациентки—крупной и вліятельной богачихи московской—передъ пріѣздомъ Захарына, точно ждали не благодѣтеля и цѣлителя, а самого Ивана Васильевича Грознаго со всею опричниною. Наслушавшись съ дѣтства о захарынскихъ капризахъ и причудахъ, я, въ числѣ прочихъ, ждалъ „спектакля“. Но великій человѣкъ пріѣхалъ не то ужъ очень въ духѣ, не то ужъ очень не въ духѣ; дѣло въ томъ, что изъ прославленныхъ своихъ проказъ онъ на сей разъ ни одной не продѣлалъ, что говорилъ за доброе его расположеніе. Но—по усталому лицу его, угрюмому и презрительному, по взгляду, до оскорбительности небрежному, по враждебной, повелительной сухости обращенія съ пациенткою, родственниками ея, ассистентомъ

своимъ и домашнимъ врачомъ—можно было предположить совершенно обратное. Онъ казался человѣкомъ въ состояніи крайняго удрученія и нравственнаго, и физическаго, чѣмъ-то жестоко и безнадежно раздраженнаго и срывающаго свое гнѣвное сердце на каждомъ встрѣчномъ. Часовъ въ домѣ онъ, вопреки сложившейся легендѣ, не останавливалъ, костылемъ не стучалъ, крѣпкими словами не ругался, — онъ только презиралъ за что-то всѣхъ вокругъ себя: и больную, и лечащихъ, и родныхъ, съ трепетомъ ждавшихъ его рѣшенія; говорилъ нехотя и такимъ злымъ тономъ, точно всѣ его несправедливо въ чемъ-то обижаютъ; съѣлъ и выпилъ что-то особенное, заранѣе, по совѣту съ его ассистентомъ, для него приготовленное, и при этомъ выразилъ благодарность за хозяйскую любезность гримасою самаго неподдѣльнаго омерзѣнія: угораздило же, молъ, васъ купить такую гадость,—не могли найти лучше?.. Потомъ уѣхалъ, объявивъ больную безнадежною. Она, словно на зло, взяла, да и выздоровѣла.

Въ слухахъ о дурномъ обращеніи Захарьина съ пациентами, при безспорной долѣ правды, много преувеличенія. Однако, что рѣзкость и грубость входили въ его систему діагноза,—нельзя отрицать. Медицина—странное дѣло. Публика такъ привыкла въ ея области къ суевѣрію, къ жреческимъ, мистическимъ продѣлкамъ, къ авторитету высшаго, недостижимаго простымъ смертнымъ умомъ, знанію,

что до сихъ поръ стучится къ врачамъ не столько за положительными научными свѣдѣніями о своихъ болѣзняхъ, сколько съ требованіемъ—сдѣлай такое-то чудо *in herbis, verbis et lapidibus* и за то возьми съ меня какія угодно данн и пошлины! Къ врачамъ знаменитымъ это относится даже въ гораздо большей степени, въ гораздо ярчайшихъ проявленіяхъ, чѣмъ къ врачамъ съ практикою общедоступною. Если мнѣ врачъ Иванъ Ивановичъ говоритъ:

— Вамъ, м. г., осталось жить трое сутокъ, ибо отъ легкихъ у васъ уцѣлѣло одно воспоминаніе...

То, хотя я и знаю, что по наукѣ безъ легкихъ жить нельзя, хотя увѣренъ, что настолько-то Иванъ Ивановичъ знаетъ человѣческій организмъ, чтобы не ошибиться въ степени разрушенія легкихъ,—я ни за что не повѣрю, однако, Ивану Ивановичу:

— Что? умирать черезъ трое сутокъ? съ какой стати? отъ какихъ-то тамъ легкихъ? Ни за что! Не можетъ быть, чтобы не было средства... Это не легкія мои виноваты, что я умираю, а виновать Иванъ Ивановичъ—зачѣмъ онъ не знаетъ средства, какъ бы удержать меня въ живыхъ, хотя и безъ легкихъ. Везите меня къ Боткину, къ Остроумову, къ Захарыну: они-то ужъ, навѣрное, такое средство знаютъ... должны знать! иначе—зачѣмъ же они знаменитости?

На предѣльныхъ высотахъ своихъ медицина—съ паціентской точки зрѣнія—обращается въ то же, чѣмъ встрѣчаемъ мы ее на низшихъ ступеняхъ ея развитія: въ знахарство. Какъ мужикъ, изсыхая въ

шепку отъ увѣренности, что его испортила какая-нибудь Перфильевна, ищетъ колдуна - кудесника, со словомъ посильнѣе ейнаго, чтобы снять порчу,—такъ и интеллигентъ мечется по великимъ медицинскимъ людямъ міра сего—кто же, наконецъ, изъ нихъ знаетъ настоящее научное слово на его болѣзнь? Что вѣрятъ не въ науку медицинскую, а въ личность врача, въ его таинственную силу, въ знаніе какого-то особаго, припрятаннаго отъ другихъ врачей, разряда,—по-моему, лучшее доказательство въ томъ, что, разочаровавшись въ чудодѣйствѣ Захарьиныхъ, больной обыкновенно снимаетъ съ себя маску напускнаго довѣрія къ наукѣ и уже откровенно бросается въ поиски чуда: идутъ въ ходъ гомеопатія, внушеніе, сумская бабка, Кузьмичъ, Wunderfrau, знахарки, шептуны, наговоры... А—въ заключеніе, когда истощается надежда на силу темную и таинственную—больной рыдаетъ и проситъ себѣ тѣлесной милости отъ Господа въ Иверской часовнѣ, либо за молебномъ о. Іоанна Кронштадтскаго.

Взглядъ на знаменитаго врача, какъ на великаго знахаря, на Захарьинѣ оправдывался съ особенно упорною настойчивостью и послѣдовательностью. Если собрать тысячи анекдотовъ, о немъ ходящихъ, вы убѣдитесь: онъ въ жизнь свою, можетъ-быть, ни разу не былъ призванъ къ постели больного, съ просьбою—изслѣдуй меня и сдѣлай для меня все, что позволяютъ тебѣ законы твоей науки! Его звали съ требованіемъ: силою ли науки,

другою ли какою,—мнѣ все равно!—ты, говорятъ, дѣлаешь чудеса!—соверши же чудо и надо мною—возстанови мое здоровье!.. Чудесъ Захарьинъ, конечно, не дѣлалъ,—напротивъ, можетъ-быть, ни одинъ врачъ не напутствовалъ къ смерти столькихъ больныхъ, какъ покойный Григорій Антоновичъ, потому что приглашали его, какъ послѣднее прибѣжище, обыкновенно уже къ совершенно безнадежнымъ, *in statu mortis*. Слѣдующіе за нимъ гости больного были духовникъ и гробовщикъ. Но къ вѣчному ожиданію отъ себя чуда знаменитый докторъ привыкъ—привыкъ и къ раболѣпству, съ какимъ толпа преклоняется предъ чудотворцами. Что Захарьинъ былъ очень ученымъ человѣкомъ, не подлежитъ сомнѣнію; что чрезвычайно умнымъ и самолюбивымъ—также. Вооруженный всею силою положительнаго знанія, умный, чуткій аналитикъ, онъ не могъ не презирать эту суевѣрную массу, ждущую отъ него не законныхъ и естественныхъ, но сверхчеловѣческихъ дѣяній. А, такъ какъ по натурѣ своей онъ былъ не изъ мягкихъ характеровъ, то и презрѣніе сказывалось въ формахъ рѣзкихъ, громкихъ, кричащихъ. Жизнь то и дѣло ставила его въ совсѣмъ ненаучныя позиціи мага и волшебника по медицинской части, выставляя его—какъ бы выразиться помягче? право, не приберешь другого выраженія!—факиромъ что ли какимъ-то, только факиромъ не вѣры, но науки. Для человѣка самолюбиваго и понимающаго истинные смыслъ и объемъ своего знанія—позиція,

втайнѣ, обидная, положеніе раздражающее. И—когда Захарьинъ видѣлъ, что пациентъ пришелъ къ нему не какъ къ ученому, а какъ къ знахарю, не за наукою, а за шарлатанствомъ,—онъ выходилъ изъ себя и на свой образецъ мстилъ обществу, съ злобною ироніею давалъ ему именно то, чего отъ него просили: шарлатанство, въ самой жреческой обстановкѣ, съ тысячами трагикомическихъ подробностей, грубыхъ и властныхъ выходокъ человѣка, зазнавашагося въ увѣренности, что безъ него пациенту—недохнуть. И, наоборотъ, мнѣ извѣстно нѣсколько случаевъ, когда Захарьинъ, что называется, „оборванный“ пациентомъ, проникался истиннымъ къ нему уваженіемъ, дѣлался милъ, внимателенъ, участливъ и дѣйствительно приносилъ огромную пользу.

Есть старый англійскій анекдотъ, какъ нѣкій лордъ, дѣлая у себя балъ, велѣлъ разстелить красное сукно на улицѣ передъ своимъ домомъ. А, чтобы прохожіе не затоптали сукна, поставилъ двухъ гайдуковъ охранять его. Чуть кто подойдетъ къ сукну, гайдуки кричатъ:

— Сворачивай!

— Но улица открыта для всѣхъ...

— Сворачивай!

— Вы не имѣете никакого права...

— Сворачивай!

Спорили, бранились, возмущались, но... сворачивали. Вдругъ, откуда ни возьмись оборванецъ, въ грязнѣйшихъ сапогахъ и шагаетъ прямехонько на сукно.

— Сворачивай!—гаркнулъ гайдукъ. Но прохожій, не отвѣчая ни слова, хватилъ гайдука „боксомъ“ подъ глазъ и пошелъ своею дорогою дальше.

— Что же ты пропустилъ его?—упрекаетъ побитого гайдука другой гайдукъ. А тотъ, пожимая плечами, возражаетъ:

— Развѣ ты не видѣлъ, что этотъ джентльменъ понимаетъ свои права?

Русскимъ знаменитостямъ свойственно легко избаловываться, забываться и разстилать красное сукно самообожанія въ мѣстахъ, совсѣмъ къ тому не предназначенныхъ. Это, конечно, не хорошо, но добрая половина вины можетъ быть переложена съ самой знаменитости на общество, балующее ее, позволяющее ей распускаться. У насъ мало кто знаетъ свои права и умѣетъ ихъ защищать; незаслуженная надменность въ русскомъ обществѣ всегда находитъ достаточно обширную почву подобострастія, на которой и развивается пышнымъ, но ядовитымъ цвѣтомъ. Захарьинскіе „капризы“ были, въ значительной степени, того же происхожденія.

Подобострастіе, какимъ окруженъ былъ Захарьинъ—на практикѣ ли, въ клиникѣ ли,—лакейство предъ нимъ младшихъ жрецовъ науки превосходило всякое вѣроятіе.

Въ угодничествѣ предъ всесильнымъ докторомъ, въ лести предъ нимъ, въ пресмыкательствѣ иные медицинскіе карьеристы доходили до добровольныхъ униженій, отъ какихъ съ презрѣніемъ отвер-

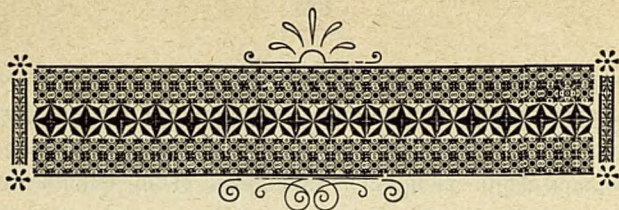
нется самый покладистый чинуша петербургских канцелярій. Къ сожалѣнію, нельзя не признать, что многіе этимъ путемъ добились своего и „вышли въ люди“, подѣ властною, хотя и оскорбительною опекою Захарьина: падали больно, но вставали здорово. И то правда, что тѣ коллеги Захарьина по московской медицинской корпораціи, которые держались по отношенію къ своему шефу самостоятельно и независимо, не пользовались его симпатіями и очень скоро оказывались въ вольной или невольной ему оппозиціи.

Захарьинъ высоко цѣнилъ свой трудъ. Въ послѣдніе годы его визитъ на домъ доступенъ былъ лишь очень богатымъ людямъ; для человѣка средняго состоянія пригласить Захарьина было равносильно только-только-что не разоренію... О снисходительности его къ больнымъ неимущимъ—святая черта покойнаго Боткина!—Москва что то не слыхивала. Хотя, съ другой стороны, я лично знаю случай, какъ онъ, незванный, пріѣхалъ къ больному Ю. Н. Говорухѣ-Отроку, чьи статьи онъ любилъ,—пріѣхалъ только потому, что услыхалъ о серьезномъ недопоманіи писателя. Любопытно, что, до этого своего визита, Захарьинъ съ Говорухою и знакомъ-то не былъ. Случай этотъ рассказывалъ мнѣ самъ покойный Говоруха. Состояніе Захарьинъ оставилъ колоссальное—вѣроятно, многомилліонное: одинъ домъ его на Кузнецкомъ мосту—огромнѣйшій капиталъ!

Студенчество Захарьина не любило, чувствуя

что и Захарьинъ его не любитъ. Между молодежью и старикомъ-професоромъ уже давно не оставалось ничего общаго, а въ послѣдніе годы совсѣмъ „порвалась цѣпь великая“. Молодежь была слишкомъ откровенна, чтобы профессоръ не догадывался о ея охлажденіи къ нему, а профессоръ слишкомъ гордъ, чтобы ухаживать за молодежью, ища въ ея средѣ популярности. Въ концѣ-концовъ, взаимно недовольные другъ другомъ, и слушатели, и лекторъ расходились все далѣе и далѣе, выращая непріязнь обоюднаго непониманія... Отношенія обострились до того, что, когда Захарьинъ пожертвовалъ 500,000 руб. на нужды церковно-приходскихъ школъ, Москва объясняла это пожертвованіе, какъ сдѣланное „въ пику“ университету: вотъ же, молъ, жертвую и я на общественныя нужды, да только не вамъ, хотя и возилсъ съ вами всю жизнь! Врядъ ли это было такъ. Захарьинъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы срывать свое неудовольствіе на университетъ такимъ дѣтскимъ проявленіемъ безцѣльной злобы. Просто онъ вѣрилъ въ необходимость первоначальной школы на Руси больше, чѣмъ въ насущную потребность другихъ видовъ образованія, и—такъ какъ считалъ, что церковно-приходская школа имѣетъ больше правительственныхъ шансовъ вѣроятія за свое распространеніе, чѣмъ земская,—то и пожертвовалъ свои деньги туда, гдѣ, думалъ онъ, онѣ скорѣе приведутъ къ практической цѣли.

Московскій городской голова Алексѣевъ.

Въ чудесный мартовскій день 1893 года, въѣзжаю я во дворъ „палаццо“ одного московскаго издателя. Дворъ огромный; песокъ сверкаетъ на солнцѣ. Издателевы дѣти кружатъ на велосипедахъ и кричать мнѣ на встрѣчу:

— Папы дома нѣтъ!

— Вотъ тебѣ разъ! куда же онъ уѣхалъ? Самъ назначилъ мнѣ этотъ часъ.

— И ждалъ васъ, да уѣхалъ—просить извинить. Потому что очень любопытно: городского голову застрѣлили.

— Что такое?

— Убили городского голову.

— Алексѣева?!

— Ну, да... одинъ у насъ городской голова.

— Быть не можетъ!

— Вотъ всѣ, кому ни скажемъ, такъ же удивляются.

— Да кто же? какъ? когда? гдѣ?...

Прямо—точно обухомъ по темені!... Я не былъ знакомъ съ Алексѣевымъ лично, кромѣ какъ поклонами, но интересовался имъ больше, чѣмъ кѣмъ либо другимъ въ Москвѣ... И вдругъ его убили... зачѣмъ? за что? Я поворотилъ извозчика и помчался въ думу. Толпа народа: шумять, спорять, разводятъ руками... Кто-то выходитъ, глаза заплаканы, говорить:

— Умираетъ...

Встрѣтилъ знакомыхъ репортеровъ,—разказали, какъ было дѣло. Ясно: застрѣленъ безъ надежды на выздоровленіе...

Толпа хмурилась, гудѣла и недоумѣвала.

На сердцѣ у всѣхъ было нехорошо. Я отправился на телеграфъ и по дорогѣ думалъ о покойномъ,—потому что, хотя онъ еще дышалъ, но, несомнѣнно, былъ уже зарегистрированъ покойнымъ,—Алексѣевъ; о томъ, что его убили въ мартѣ; что мѣсяцъ мартъ—самый несчастливый для талантливыхъ и полезныхъ людей, работающихъ на общественной нивѣ.... „Цезарь! Идѣ Марта берегись!“

Алексѣевъ умеръ. Умеръ, застрѣленный въ самомъ сердцѣ Москвы, которую онъ такъ любилъ, которой такъ много благодѣтельствовалъ, за которую такъ долго лилъ онъ свой трудовой потъ, а потомъ и кровь пролилъ. Умеръ—въ зданіи, имъ же сооруженномъ; въ новой думѣ, въ центрѣ новой Москвы, имъ начатой, имъ создаваемой. Еслибы,

предъ кончиною, у Н. А. Алексѣева хватило силы взглянуть изъ оконъ его смертнаго покоя на сиротѣющую Москву, онъ могъ бы почти съ такимъ же правомъ, какъ древній римлянинъ, воскликнуть:

— Я засталъ вашъ городъ деревяннымъ, а оставляю его каменнымъ...

Алексѣевъ умеръ смертью настолько неожиданною, нелѣпою, почти сверхъестественно дикою, что я, подобно большинству москвичей, долго не могъ опомниться отъ впечатлѣнія ужаснаго событія— преступленія или полоумной случайности, — такъ, правду сказать, и не рѣшило намъ толкомъ слѣдствіе, и приходится навсегда оставить совершившееся въ разрядъ просто „событій“.

Умеръ въ то самое время, когда рѣшался вопросъ, быть или не быть ему впредь сердцемъ сердца Россіи, когда онъ готовился въ четвертый разъ стать на выборную очередь. Выборы ждались жестокіе: на кандидатурѣ въ гласные Н. А. Алексѣевъ прошелъ всего пятьюдесятью четырьмя голосами. Противъ него была сбита большая оппозиціонная партія, сильная не настолько, быть можетъ, чтобы своротить вовсе на-прочь алексѣевское вліяніе, но все-таки способная отравить торжество „непогрѣшимаго“ головы своимъ многоголосымъ протестомъ, компрометировать оцѣнку его общественной дѣятельности обиліемъ черныхъ шаровъ. Москва ждала съ глубокимъ и живымъ интересомъ большой междоусобной войны на баллотировочныхъ шарахъ.

Говорили, будто гордый глава московскаго городского хозяйства собирался самъ сложить съ себя свои обязанности и, какъ острили, „удалиться въ слободу Александровскую“.

Вопросъ о выборѣ городского головы, такъ обостренный, именно, чрезъ to be or not to be Алексѣева, былъ упрощенъ, разрубленъ, какъ Гордіевъ узелъ, избирателемъ, на кого никто не рассчитывалъ, о комъ никто не думалъ, не гадалъ, чьего вмѣшательства никто не чаялъ,—смертью.

Доктора Ротъ, Сербскій и Кожевниковъ признали убійцу психически аномальнымъ. Публика въ первое время плохо этому вѣрила, и—хотя фактъ аномальности Адрианова давно уже несомнѣнно доказалъ докторъ Чечоттъ, и самъ онъ сидитъ, на положеніи неизлѣчимаго, въ больницѣ св. Николая,—иной разъ, какъ случается слышать въ разговорахъ, недоумѣваетъ и теперь. Ужъ очень какъ то чудно подтасовались факты. Человѣкъ приходитъ убивать не куда нибудь въ частное мѣсто, а въ мѣсто общественной дѣятельности Алексѣева, въ думу; не когда-нибудь, а за часъ, за два, до начала выборовъ, бурныхъ, сомнительныхъ, спорныхъ, обостренныхъ конкуренціей партій; стрѣляетъ не въ кого-нибудь, а въ главнаго героя этихъ выборовъ; заявляетъ, что личной вражды къ Алексѣеву онъ не питаетъ, что ему надо было кого-нибудь убить, и онъ выбралъ Алексѣева.

— Не держите меня,—говоритъ онъ полицей-

скимъ,—я все равно не убѣгу; я сдѣлать, что надо, и не стану скрываться.

Спокойно, не безъ рисовки, раскланивается съ публикою, смущенной и озлобленной. Совѣтуетъ не дѣлать обыска въ его квартирѣ:

— Все равно, всѣ бумаги сожжены!

И, дѣйствительно, въ печи адріановской квартиры находятъ массу пепла. Свидѣтели показываютъ, что Адріановъ по цѣлымъ днямъ шатался по думскимъ корридорамъ, какъ бы присматриваясь и приуготовляя мѣсто для будущаго преступленія. Въ карманѣ его находятъ записку: „прости, жребій палъ на тебя!“ Словомъ, всѣ признаки предумышленности на лицо. И публика, не соображая, что предумышленность предумышленности рознь, что болѣзную, фиксированную на нелѣпой идеѣ, волю надо различать отъ воли злой, смущалась этими признаками и искала внѣшнихъ объясненій факту. Сперва въ убійствѣ Алексѣева видѣли актъ выборной агитаціи; потомъ отъ этого—черезчуръ американскаго и, слава Богу, совсѣмъ уже не въ русскихъ нравахъ—толкованія перевели дѣло на почву политическую: объясняли его местию за участіе Алексѣева, въ качествѣ сословнаго представителя, въ одномъ изъ политическихъ процессовъ недавняго прошлаго, когда крутой московскій голова подалъ голосъ за смертную казнь подсудимыхъ. Потомъ прошелъ слухъ о какой-то старой романической исторіи... А Адріановъ тѣмъ временемъ плелъ

ни съ чѣмъ несообразную и ничему неподобную
 чушь, ежеминутно мѣняя показанія, прыгая мыслью
 отъ фразы къ фразѣ, болтая, какъ попугай, фанта-
 стическія бредни о какомъ-то электричествѣ, маг-
 нетизмѣ. Я уже тогда высказывалъ мнѣніе, что,
 всего вѣроятнѣе, это одинъ изъ злополучныхъ ге-
 ростратиковъ, страдающихъ *mania grandiosa*, на
 отрицательной почвѣ. „Велика Діана Эфесская!“ —
 стало быть, надо сжечь ея храмъ. Остаюсь при
 такомъ мнѣніи и теперь. Что вниманіе Адріанова
 фиксировалось именно на Алексѣевѣ, понятно. Онъ—
 мѣщанинъ и мелкій домовладѣлецъ. О комъ же
 больше толковъ и разговоровъ могъ онъ слышать
 въ своей средѣ, какъ не объ Алексѣевѣ? II толковъ,
 конечно, не въ пользу послѣдняго, такъ какъ мно-
 гія изъ начинаній и улучшеній алексѣевского го-
 родского хозяйства ложились на домовладѣльцевъ,
 хотя временнымъ, но тугимъ гнетомъ, и интересы
 частные, по теоріи „своя рубашка ближе къ тѣлу“,
 ожесточались, возставали за себя и грызлись зубъ
 за зубъ съ интересами общественными. Алексѣевъ,
 городской голова... Эти слова обратились въ бичъ для
 памяти полоумнаго, уже охваченнаго инстинктами
a la bête humaine, уже успѣвшаго проникнуться не-
 одолимымъ тяготѣніемъ къ убійству. Беретъ онъ
 газету—Алексѣевъ; сидитъ въ трактирѣ—Алексѣ-
 евъ; дома—только и толку, что Алексѣевъ, Але-
 ксѣевъ, Алексѣевъ; одни хвалятъ Алексѣева, дру-
 гіе ругаютъ; всѣ изъ-за Алексѣева горячатся, ни-

кто къ нему хладнокровно не относится. А у полоумнаго руки зудятъ:

— Коли необходимо мнѣ кого-нибудь убить, сѣмъ-ка я пришибу именно этого героя толковъ цѣлой Москвы!

И безумный человѣкъ идетъ и безумно стрѣляетъ, самъ не понимая, зачѣмъ... И другимъ клянется:

— Вамъ никогда не понять цѣли, ради чего я долженъ былъ это сдѣлать...

У Винслова, Лемана, Гринингера, Крафтъ-Эбинга и другихъ судебныхъ психіатровъ вы найдете много Адриановыхъ. Всѣ они, сперва влюбившись въ безумную идею преступленія, потомъ сосредоточивали ее на какомъ-нибудь выдающемся дѣятелѣ и уже не могли отъ нея отвязаться, пока не удовлетворяли голосу своей маніи. Это—еще съ пресловутаго маршала Gilles de Rais, основателя легенды о „Синей Бородѣ“, который—въ предсмертномъ письмѣ своемъ королю Карлу VII,—раскаиваясь въ рядѣ отвратительныхъ преступленій, признавался, между прочимъ, что покинулъ королевскій дворъ исключительно, чтобы побѣдить мучившее его, сверхсильное искушеніе убить дофина и осквернить его трупъ. Свѣтлыя имена привлекаютъ къ себѣ нравственное зрѣніе этихъ несчастныхъ и гипнотизируютъ ихъ точно такъ же, какъ свѣтлые предметы гипнотизируютъ зрѣніе физическое.

Трагическая гибель Н. А. Алексѣева невольно

приводить на память гибель дѣателя, работавшаго на болѣе широкомъ поприщѣ, но сходнаго съ Алексѣевымъ и молодостью, и энергіей, и популярностью; такъ же, какъ Алексѣевъ, окруженнаго тысячами друзей и сотнями враговъ; также, какъ Алексѣевъ, претерпѣвшаго нареканія за свои смѣлыя цѣли и предначертанія, за упрямство и, не знающую ни усталости, ни пощады, энергію; и такъ же, какъ Алексѣевъ, неизмѣнно стяжавшаго лавры, когда предначертанія и цѣли приходили къ благополучному концу. Я говорю о Леонѣ Гамбеттѣ. Оба были остановлены судьбою въ своей дѣятельности на половинѣ путей, пройти которые обѣщали ихъ талантъ, общественный инстинктъ, честолюбіе, здравый смыслъ, сулила логика фактовъ и сумма прецедентовъ, какими избаловали они общественное вниманіе. Оба были здоровые, смѣлые, крѣпкіе люди съ тѣми чуткими и энергичными нервами, что даются природою въ удѣлъ едва ли не исключительно однимъ южанамъ. Гамбетта былъ провансалецъ. Мать Алексѣева была гречанка. И, въ заключеніе, къ обоимъ пришла удивительно схожая по типу, скорая и безвременная кончина. Къ обоимъ —

Какъ ярый вптязъ смерть нашла,
 Какъ хищникъ, жертву низложила...
 Свой зѣвъ разинула могила
 И все житейское взяла!

Кругъ дѣятельности Н. А. Алексѣева заключенъ былъ въ границахъ московскихъ заставъ, но онъ

сумѣлъ привлечь къ этимъ границамъ вниманіе положительно всей Россіи. Его слова, его поступки обсуждались прессою и обществомъ, даже въ такихъ уголкахъ Руси, которымъ, по отдаленности, нѣтъ, не было, да, вѣроятно, и долго не будетъ никакого дѣла до того, какъ живетъ Москва въ своемъ городскомъ хозяйствѣ. И интересовались не фактами, а общимъ характеромъ дѣятельности и направленіемъ молодого головы, его практическою энергіей, настойчивостью и рѣшительностью въ борьбѣ, тѣмъ обиліемъ стыда настоящаго и отсутствіемъ стыда ложнаго, какими характеризуются только первоклассные общественные таланты. Онъ уважалъ общественное мнѣніе и презиралъ общественную болтовню. Онъ ненавидѣлъ партійность и безпощадно давилъ оппозицію своимъ начинаніямъ, но охотно давалъ свободу здравому, толковому слову, когда оно преслѣдовало не праздно-отвлеченные споры о сухихъ туманахъ, а цѣли, дѣйствительно, практическія и насущныя.

Что, рано или поздно, энергія Н. А. Алексѣева вырвалась бы за предѣлы его московской дѣятельности,—несомнѣнно. Это былъ первый россійскій купецъ, который проявилъ въ себѣ, вмѣстѣ съ практической смѣткой торговаго коммерческаго чело-вѣка, задатки государственнаго мужа. Недаромъ же, когда прошелъ первый слухъ объ учрежденіи министерства торговли, московскій vox populi—vox Dei называлъ Алексѣева кандидатомъ въ главы

этого „министерства будущаго“. Алексѣевъ. едва ли не первый изъ представителей русской земщины, заставилъ заговорить о себѣ европейскую политическую печать, вообще мало интересующуюся и дѣятельностью, и дѣятелями нашего самоуправления. Это было послѣ пресловутой рѣчи Алексѣева къ покойному императору Александру Александровичу, съ эффектною фразою о „крестѣ на св. Софіи“... Исполняя царскую волю, Алексѣевъ, въ голодный годъ, вѣстникомъ избавленія промчался по голодающимъ губерніямъ. Много труда положилъ онъ тогда—и труда безкорыстнаго, безразсчетнаго, потому что онъ и въ этомъ случаѣ, какъ и всегда въ своей жизни, работалъ не для наградъ. Отъ нихъ онъ даже уклонялся; такъ—онъ гордился своимъ купеческимъ званіемъ и не желалъ дворянства, которое получить было нетрудно. Старая логика: „королемъ быть не могу, принцемъ не хочу—Rohan suis!“ Нѣтъ, онъ работалъ по чувству общественнаго долга и, можетъ быть, для славы, для популярности. Я въ послѣднемъ ничего дурного не вижу. Если человѣкъ самолюбивъ, честолюбивъ, славолубивъ и добивается чести и славы не геростратовымъ путемъ, но средствами благородными, похвальными, общепользными, дѣятельностью, которую можно поставить въ примѣръ всѣмъ и каждому,—въ чемъ тутъ грѣхъ? Можно ли порицать крупнаго честолюбца за то, что онъ желаетъ слышать всероссійское одобреніе своей блестящей дѣятельности, когда мы такъ

охотно прощаемъ мелкое честолюбіе людишекъ. никогда ничего толковаго на своемъ вѣку не сдѣлавшихъ и объ одномъ лишь всю жизнь мечтавшихъ и мечтающихъ: какъ бы, при помощи радѣющаго родного человѣчка, схватить какой-нибудь орденъ или мѣстечко?

Смерть Алексѣева застала Москву врасплохъ. Враги его много шумѣли о томъ, что пора сломить алексѣевскую гордыню, пора смѣстить его и посадить въ головы силу, болѣе скромную, какъ личность, болѣе умѣренную, менѣе самовластную и болѣе склонную соблюдать до мельчайшихъ деталей букву, а не духъ только земской конституціи. Но разговоры—разговорами, а на дѣлѣ кандидата въ преемники Алексѣеву не только не нашлось, не только не было кого выставить, но не было, въ первое время, кого и предположить. Выборъ К. В. Рукавишникова, какъ оказалось въ послѣдствіи, не слишкомъ то удачный, былъ лишь результатомъ *faute de mieux*. Предложенные записками,—каждый очень незначительнымъ числомъ голосовъ,—кандидаты въ городскіе головы всѣ, одинъ за другимъ, отъ баллотировки отказались. Одинъ изъ кандидатовъ, И. И. Шаховской, при жизни Алексѣева постоянный и рьяный его оппонентъ, мотивировалъ свой отказъ гласно и опредѣленно. Онъ указалъ: нѣтъ никакого расчета самолюбивому челоѣку идти въ московскіе городскіе головы, если онъ не хочетъ отдать всю свою частную жизнь общественной дѣятель-

ности, запутать и разстроить свои личныя дѣла ради дѣлъ городскихъ, шикарно сорить своимъ капиталомъ тамъ, гдѣ даже ни законъ, ни совѣсть не имѣли бы резона воспрепятствовать обратиться къ общественнымъ суммамъ,—напримѣръ, въ случаяхъ представительства. Алексѣевъ дѣлалъ все это на такую широкую ногу, что послѣ него, какъ Шаховской справедливо отѣнилъ въ своей рѣчи, было страшно становиться на его мѣсто, высоко поднятое имъ въ общественной молвѣ и представленное на видъ, судъ и критику всей Россіи. Шаховской ставилъ думѣ довольно характерное предложеніе,—при всей его внѣшней странности, далеко не дикое по существу. Пусть,—говорилъ онъ,—избиратели опредѣляютъ: какого рода и какихъ размѣровъ дѣятельности они ждутъ отъ Алексѣевского преемника? Продолжать веденіе городского хозяйства въ томъ же направленіи и духѣ никто не въ состояніи; одни и хотѣли бы, да не могутъ; другіе и не могутъ, и не хотятъ. Если будущему городскому головѣ поставлены будутъ условія, болѣе скромныя,—куда ни шло, можно идти на рискъ баллотировки. Иначе—какая радость?! Чуть что не такъ, не по-Алексѣевски,—и карлику, принужденному надѣть на себя панцырь великана, придется быть мишенью для града нареканій, насмѣшекъ и непріятностей. Молъ,—„нѣтъ великаго Патрокла, живъ презрительный Терситъ“. Кому же пріятно ни съ того, ни съ сего попасть въ презрительные Терситы, стяжая это зва-

ніе, можетъ быть, и ни за что, ни про что,—исключительно по милости сосѣдства съ черезчуръ блестящимъ предшественникомъ?! Предсказаніе это полностью сбылось на К. В. Рукавишниковѣ: будь онъ головою до Алексѣева, имъ бы не нахвалились; но послѣ-алексѣевскимъ требованіямъ онъ, при всей своей несомнѣнной добросовѣстности, удовлетворить не сумѣлъ.

Скептики, неохочіе видѣть въ своихъ современникахъ людей съ талантами, выдающимися выше ихъ собственнаго уровня, возражали:

— Отчего такой переполохъ? Изъ Москва-рѣки воды не выпити, въ Москвѣ-городѣ людей не выбити. Найдется человѣкъ! Богъ не безъ милости. Вѣдь и Алексѣевъ выдвинулся ярко лишь съ тѣхъ поръ, какъ сталъ головою. А раньше, кто его зналъ, и кто чего путнаго отъ него ждалъ?

Въ томъ то и дѣло, что, за блестящею дѣятельностью Алексѣева, какъ городского головы, позабыты энергическіе общественные труды его молодости.

Его будущіе успѣхи напороочилъ покойный московскій городской голова Сергѣй Михайловичъ Третьяковъ,—человѣкъ хорошій, но общественный дѣятель не изъ талантливыхъ.

— Вотъ будетъ вамъ голова—Алексѣевъ!—говорилъ онъ въ интимныхъ думскихъ кружкахъ, — голова, какого не бывало! Не намъ чета. Дайте только ему войти въ лѣта и въ дѣло.

Двадцати пяти лѣтъ Н. А. Алексѣевъ былъ избранъ гласнымъ по московскому уѣздному земству. Дѣятельность его въ этомъ званіи до сихъ поръ памятна въ управѣ. Онъ, молодой человѣкъ, почти юноша, буквально, отъ а до з ворочалъ уѣздными дѣлами, облегчая трудъ тогдашняго предводителя, человѣка способнаго, но въ то время тоже слишкомъ молодого и неопытнаго. Еще болѣе блестящею страницей, подготовительной къ „лордъ-мэрству“, исторіи Алексѣевскихъ трудовъ была служба Николая Александровича на посту санитарнаго попечителя отъ города Москвы.

Презрѣніе къ личнымъ интересамъ и строгое повиновеніе требованіямъ гражданскаго долга характеризовали первые шаги Алексѣева на общественномъ поприщѣ въ той же мѣрѣ, какъ и его шаги послѣдніе. Въ памяти москвичей еще жива одна исторія банковыхъ злоупотребленій. Я не хочу воскрешать ее въ деталяхъ и съ именами. Ее раскрылъ Алексѣевъ, заинтересованный въ этомъ банкѣ совсѣмъ на пустяковую для него, милліонера, сумму, раскрылъ, не побуждаемый къ тому никакими иными мотивами, кромѣ одного—спасти сотни людей отъ грядущаго имъ навстрѣчу, неминуемаго разоренія. Раскрывая банковскій скандалъ, онъ былъ безпощаденъ къ его героямъ и дѣйствовалъ ужъ именно по тексту присяги, не увлекаясь ни дружбой, ни свойствомъ, ни даже родствомъ. Не пожалѣлъ ни своихъ, ни чужихъ.

Теперь, когда Алексѣевъ — уже человѣкъ прошлаго, но еще не человѣкъ исторіи, можно создавать летучія характеристики его личности и дѣятельности по нагляднымъ отъ нихъ впечатлѣніямъ. Но критически разобратъ въ нихъ, дать оцѣнку ихъ сложному механизму въ состояніи только будущее, и даже не близкое будущее. Матеріаль, оставленный Алексѣевымъ грядущему біографу, слишкомъ громаденъ по своимъ размѣрамъ и разнообразенъ по своему качеству. Право, трудно указать отрасли общественной дѣятельности, какихъ прямо или косвенно не затронула бы его неутомимо-охочая до работы энергія. „Красный Крестъ“, Русское музыкальное общество, санитарное попечительство, всероссійская художественно-промышленная выставка 1882 г., земство губернское съ десяткомъ комиссій, двигавшихся впередъ, чуть не исключительно благодаря алексѣевскому вліянію и настойчивости, — таково начало карьеры Н. А. Алексѣева. Онъ и въ училищномъ совѣтѣ сидитъ, и въ воинскомъ присутствіи бушуетъ, и коронаціонныя празднества организуетъ, и въ земской управѣ оппозиціоннымъ фрондерствомъ занимается, и Николая Рубинштейна хоронитъ, смущая публику зажженными днемъ, на парижскій манеръ, уличными фонарями. Въ 1885 году Алексѣевъ избранъ въ городскія головы. Онъ ревизуетъ, реформируетъ, опекаетъ, поддерживааетъ сиротскій судъ, который, было, зачахъ въ Москвѣ, какъ ребенокъ въ англійской

болѣзни, да еще ребенокъ, оставшііся чуть ли не *a la lettre* безъ пищи и крова. Что сиротскій судъ былъ еъ жалкомъ—и смѣха, и грусти достойномъ—положеніи, давнымъ-давно всѣ знали, но только покивали на него сожалительно головами и либо охали, либо острили. Судъ прозябалъ, безпомощный и бесполезный. А Алексѣевъ, съ обычной своей прямолинейной простотой и быстротой, перетряхнулъ этотъ судъ, уже готовый превратиться въ труху и рухлядь, въ какіе-нибудь два-три мѣсяца; самъ взялъ на себя, строго отвѣтственную и сложную по обязанностямъ, должность первоприсутствующаго въ сиротскомъ судѣ,—и въ душу учрежденія, дряхлаго, какъ кости на мертвомъ полѣ, повѣяло жизнью. Десятки сиротъ нашли себѣ управу, защиту и опору тамъ, гдѣ раньше они находили только проволочки. Еслибы не вмѣшательство Алексѣева, вопросъ о психіатрической лѣчебницѣ московскаго губернскаго земства до сихъ поръ лежалъ бы еще въ пеленкахъ или, много-много, ходилъ бы подъ столъ пѣшкомъ. Алексѣевъ въ семь дней создалъ временную психіатрическую лѣчебницу на сокольницкой дачѣ Ноева и показалъ косной земской массѣ, что значитъ по настоящему дѣлать земское дѣло, не увлекаясь цвѣтами краснорѣчія и партійными словопреніями. Онъ былъ весь быстрота, стремительность и натискъ, человекъ съ глубокою вѣрою въ себя, въ свою звѣзду и въ свой талантъ.

Алексѣевъ воюетъ въ земствѣ за городъ, когда

возникъ роковой вопросъ о городскомъ обложеніи, погубившій разъ навсегда доброе согласіе московскаго города съ московской деревней. Алексѣевъ въ этомъ дѣлѣ побѣжденъ; деревня одолѣла; но рѣдко какой-либо побѣдитель выходилъ изъ боя съ такимъ почетомъ, какъ этотъ побѣжденный. Алексѣевъ, въ голодную пору, скупаетъ хлѣбъ на югѣ, раздаетъ на сѣверѣ. Все это, по обыкновенію, быстро, практично, цѣлесообразно, безъ дальнихъ словъ, безъ лишннихъ фразъ. Одною изъ замѣчательныхъ способностей Алексѣева было его умѣнье быстро примѣняться ко всякому дѣлу, за которое приходилось ему браться. У него сидѣлъ въ умѣ какой-то прозорливый демонъ, приспособленный къ тому, чтобы, по первому взгляду на вопросъ, хватать быка за рога, забираться въ самую житейскую суть дѣла, освѣщать его такъ ново, резонно, умно и оригинально, что сразу выяснялись для публики многіе темные уголки на изнанкѣ вопроса, до тѣхъ поръ остававшіеся незамѣченными. Ни къ какому дѣлу, за которое Алексѣевъ брался, онъ не относился равнодушно, спустя рукава. Формальное „отзвонилъ, и съ колокольни долой“ было ему совершенно чуждо. Даже на должностяхъ полупочетныхъ, занимаемыхъ, такъ сказать, *honoris causa*, покойный городской голова ухитрялся быть активнымъ лицомъ. Предсѣдательствуя въ городскомъ по воинской повинности присутствіи, онъ первый открываетъ злоупотребленія, выразившіяся въ томъ, что

масса лицъ въ Москвѣ уклонялась отъ воинской повинности, опираясь на учительскія свидѣтельства. Когда злоупотребленіе обнаружено, оно уже на половину прекращено. Н. А. Алексѣевъ сумѣлъ истребить его вовсе и возстановить долго обманываемую государственную повинность въ ея нарушенныхъ правахъ на общество.

Когда скончался Н. А. Алексѣевъ, я говорилъ полушутя, полусерьезно, что съ нимъ, для Москвы, въ миніатюрѣ, повторится та же исторія, какою Екатерина Вторая характеризовала значеніе Петра Великаго для Россіи. При каждомъ новомъ начинаніи, Екатерина приказывала справиться въ архивахъ, не задумывалъ ли чего-нибудь въ этомъ родѣ Петръ, и каждый разъ оказывалось,—что да, было: задумывалъ, предполагалъ и располагалъ. Такъ и съ Алексѣевымъ. Долго еще москвичи, при каждомъ своемъ дѣльномъ общественномъ предпріятіи, будутъ наталкиваться на имя этого человѣка, готовившагося работать на общественной нивѣ десятки лѣтъ и такъ рано скошеннаго рукою смерти. Вскорѣ по кончинѣ Николая Александровича открывали въ Москвѣ на знаменитомъ клиническомъ городкѣ Дѣвичьяго поля „Гинекологическій институтъ“. Вотъ краткая исторія этого учрежденія. Московскій купецъ П. Г. Шелапутинъ—специалистъ медицинской благотворительности. Его имя связано съ добрымъ десяткомъ врачебныхъ учреждений: онъ устроилъ лѣчебницу для приходящихъ въ Покровскомъ

на Филихъ, за двадцать лѣтъ своего существованія подавшую помощь ста тысячамъ больныхъ, богатыню и пріютъ для уродовъ, образцовыя оперативныя покои при Басманной больницѣ и при больницѣ города Алексина и т. д. Настоящимъ жертвованіемъ Шелапутинъ блестяще увѣнчалъ зданіе прежнихъ своихъ филантропическихъ затѣй. Но затѣвать и жертвовать — одно дѣло, приводить въ исполненіе, строить — другое.

— Естественнo, — говорилъ при открытіи института знаменитый русскій гинекологъ, профессоръ В. Ѳ. Снегиревъ, — явился вопросъ: гдѣ же мѣсто, на которомъ должно выстроить это учрежденіе? Вопросъ — очень трудный. На помощь разрѣшенію его явился покойный городской голова Н. А. Алексѣевъ. Въ 24 часа онъ нашелъ и разрѣшилъ отдать городское мѣсто на Дѣвичьемъ полѣ, рядомъ съ клиниками, для этого учрежденія. Сколько бы столѣтій ни простояло это учрежденіе и ни прослужило своему назначенію, пусть всякій помнитъ, что, безъ горячаго отношенія къ дѣлу Н. А. Алексѣева, никогда бы этой новой клиникѣ здѣсь не стоять. Вѣчная память тебѣ, дорогой Николай Александровичъ, отъ вновь возникающаго учрежденія и отъ русскаго врача.

Предсмертныя слова Алексѣева были оглашены печатью на всю Россію.

„Я умираю, какъ солдатъ на своемъ посту, вѣрный своему долгу предъ царемъ и отечествомъ“...

Сказать громкую фразу легко, но сказать ее многіе ли имѣютъ право, у многихъ ли рыцарей дня за громкимъ словомъ найдется столько громкаго дѣла, какъ у Алексѣева?—дѣла, свидѣтельствующаго его правоту предъ отвѣтственностью, возложенною на него довѣріемъ родины? дѣла, подкрѣпляющаго фразу фактами? Этотъ человѣкъ такъ сроднился съ Москвою, такъ сжился съ своимъ любимымъ городскимъ дѣломъ, что—и умирая—нашелъ возможность утѣшиться тѣмъ, что—„я счастливъ, умирая на службѣ, я вѣренъ данной присягѣ служить до послѣдней возможности“.

Больной завѣщалъ не переносить его тѣла изъ думы въ свой фамилійный домъ, къ семейному очагу. Онъ умеръ Алексѣевымъ, гражданиномъ и представителемъ Москвы,—и гражданиномъ-представителемъ ея, а не частнымъ человѣкомъ хотѣлъ прослѣдовать въ могилу изъ учрежденія, имъ прославленнаго и возвышеннаго, изъ зданія, его настойчивостью воздвигнутаго. И онъ имѣлъ право на это гордое, но справедливое желаніе. Онъ заслужилъ величавыя похороны всею Москвою, и трупу были оказаны почести, какъ живому триумфатору.

Николая Александровича Москва хоронила съ почестями, какія рѣдко выпадаютъ на долю общественныхъ дѣятелей не только у насъ въ Россіи, но и за границей, даже во Франціи, гдѣ публика на этотъ счетъ много отзывчивѣе нашей. Громадный

бѣлый думскій залъ позеленѣлъ подъ вѣнками, которыми его увѣшали депутаты общественныхъ и частныхъ учреждений и корпорацій города Москвы. Перечислять ихъ не къ чему, да и невозможно; подробные репортерскіе отчеты о маршрутѣ и порядкѣ похоронной процессіи, съ указаніемъ депутацій, занимали въ органахъ мѣстной печати по три, по четыре столбца мелкаго шрифта. Да и то, послѣ похоронъ оказались пропуски, требовались пополненія. Такихъ похоронъ Москва не видала послѣ того печальнаго торжества, когда она всенародно переносила на Рязанскій вокзалъ прахъ безвременно погибшаго Скобелева. Говорятъ, будто толпа похоронной процессіи достигала до двухсотъ тысячъ человѣкъ,—отдать долгъ усопшему явилась четвертая часть московскаго населенія. Рѣчей на могилѣ не было произнесено. Да и что было говорить? Факты и мертвое тѣло, готовое отойти въ землю отъ жизни и дѣятельности, еще недѣлю тому назадъ кипучей и многополезной, слишкомъ громко и наглядно говорили за себя, чтобы нужны были какіе-либо къ нимъ комментаріи. У этой могилы надо было не разглагольствовать, а просто махнуть рукой на жестокій капризъ судьбы и молча отойти съ обидой и горемъ въ оскорбленной душѣ. Нужны были не слова, а слезы. И слезъ было много. И хорошихъ, искреннихъ, отъ сердца идущихъ слезъ. Оплакивали Алексѣева дружно и пріятели его, и враги. Не даромъ же, во время его болѣзни, многіе

изъ заклѣтыхъ принципіальныхъ оппозиціонеровъ алексѣевской „политики“ проводили все свое время у постели больного, съ тревогою и надеждою слѣдя за ходомъ его рокового недуга.

Хорошо ли лѣчили Алексѣева? Не было ли возможности поднять его на ноги? Конечно, хорошо. Разумѣется, не было. Въ смыслѣ медицинской помощи, для Алексѣева было сдѣлано все, что возможно. У постели больного стояли Склифасовскій, Остроумовъ, Чериновъ, Клейнъ, Клинь.

Но отъ такой раны никто еще никогда не выздоравливалъ. Такою раною, полвѣка тому назадъ, Дантесъ отправилъ на тотъ свѣтъ Пушкина. Единственное, за что, пожалуй, можно упрекнуть медицинскій персоналъ алексѣевской трагедіи,—это за малочисленность въ немъ хирургическаго элемента. Н. В. Склифасовскій—высокоталантливый хирургъ; но умъ хорошо, а два—лучше, и, конечно, не пригласить ассистентами при роковой операціи чревосѣченія другихъ звѣздъ мѣстнаго медицинскаго міра, Кузьмина или Снегирева,—было оплошностью. *Qui minores* и въ медицинскомъ мірѣ лучшіе помощники старшимъ звѣздамъ, чѣмъ добросовѣстная, можетъ быть, но мало талантливая мелочь. Впрочемъ, относительно самой операціи, въ медицинскомъ сонмѣ произошло разногласіе,—надо дѣлать ее или не стоитъ, такъ какъ положеніе Алексѣева было, все равно, безнадежно. Тогда Склифасовскій рѣшилъ принять на себя отвѣтственность за до-

рогую для Москвы жизнь и обратился къ супругѣ покойнаго съ такими самоотверженными словами:

— Александра Владиміровна! Какъ медикъ, я прямо говорю вамъ, что не надѣюсь на счастливый исходъ этой операціи. Но она — единственное, что мы можемъ еще испробовать на „панъ или пропаль“. И, какъ человѣкъ, какъ христіанинъ, я считаю своимъ долгомъ ее сдѣлать.

Что касается Клейна, онъ категорически отказался отъ участія въ операціи, по его мнѣнію бесполезной, такъ какъ безнадежности положенія она устранить не могла. Онъ даже принципиально не присутствовалъ въ комнатѣ, когда больного положили подъ ножъ, — пройти передъ загробными мытарствами мытарство операціонное.

Остроумовъ былъ приглашенъ къ Н. А. Алексѣеву уже послѣ операціи. Говорятъ, онъ предсказалъ головѣ скорое выздоровленіе. Но, вѣроятно, это былъ обычный пріемъ московскаго вауматурга — бодрить больного до послѣдняго издыханія, чтобы, какъ выразился однажды самъ А. А. Остроумовъ, „онъ хоть померъ-то въ свое удовольствіе“.

Я не былъ знакомъ съ Алексѣевымъ въ его частной жизни и личныхъ впечатлѣній отъ него, внѣ залы засѣданій, не имѣю. Слуховъ было и есть множество, но слухи всегда — или сплетни враговъ, или безудержные дивирамбы друзей. Что Алексѣевъ былъ человѣкомъ очень добрымъ, за это ручается его широкая благотворительная дѣятельность. Че-

резъ его руки русская бѣднота получила свыше трехъ милліоновъ пожертвованій. Когда дѣло касалось благотворительности или общепользнаго предпріятія, Алексѣевъ умѣлъ обуздывать даже свое громадное самолюбіе. Ему нужны были 300,000 руб. на психіатрическую больницу.

— Я тебѣ, голова, ихъ дамъ; только ты мнѣ въ ноги поклонись... — говоритъ Алексѣеву самодуръ купчина, бывшій приказчикъ отца Алексѣева.

— Изволь, кланяюсь! — отвѣчаетъ Алексѣевъ — и поклонился.

Какъ хотите, смѣйтесь или не смѣйтесь надъ этимъ поклономъ, а онъ, по своему, похожъ на знаменитое „Парижъ стоитъ одной мессы“, какъ сказалъ веселый французскій король Ганріо.

Алексѣевъ стоялъ слишкомъ на виду, какъ общественный дѣятель, чтобы до общества доходило много слуховъ о его частной и семейной жизни. Онъ на людяхъ жилъ и въ дѣлѣ, точно въ котлѣ, кипѣлъ. Жилъ широко, зналъ дѣлу время и потѣхъ часть. слылъ виверомъ на большую ногу... Но, когда роковая пуля Адріанова поразила его, первая мысль Алексѣева была о семьѣ, о женѣ...

Н. А. Алексѣевъ былъ человѣкомъ болѣе, чѣмъ богатымъ — однимъ изъ крупнѣйшихъ московскихъ капиталистовъ. Своимъ собственнымъ коммерческимъ дѣломъ онъ распоряжался мастерски. Пріемы веденія коммерческаго дѣла онъ отчасти переносилъ и въ дѣла общественныя. Городъ подъ его

рукою сталъ какъ бы крупнымъ коммерсантомъ, положившимъ свои судьбы на страхъ и рискъ Алексѣева, какъ своего приказчика на отчетъ, но съ полною довѣренностью отъ хозяина. И я думаю, что капиталъ и здравое веденіе личныхъ дѣлъ играли не послѣднюю роль въ томъ довѣріи, съ какимъ шла за Алексѣевымъ купеческая и мѣщанская масса. „Молъ, этого на кривой не объѣдешь... Человѣкъ коммерческій, солидный, всѣ пути и выходы знаетъ. Слово у него твердое, на репутаціи никакой „марали“ нѣтъ, кредитъ—что у Купеческаго банка. Стало быть, можно ему и въ дѣлѣ повѣрить, и деньжатами его на дѣло ссудить; потому—ужъ эти денежки будутъ чистыя, никуда опричь того, на что требуются,—не попадутъ“. Алексѣевъ былъ не изъ тѣхъ, кто гоняется за дешевою, но громкою и рекламною филантропіей. Онъ и въ благотворительности былъ, прежде всего, дѣлецъ и практикъ. Безтолковаго швырянья деньгами, какъ своими, такъ и общественными, на дѣла, скрывающіяся подъ маскою благотворительности, онъ терпѣть не могъ. Онъ не понималъ грошовой милостыни, крохотныхъ подачекъ, которыхъ польза лишь въ томъ одномъ, что несчастный человѣкъ продолжитъ на какія нибудь лишнія сутки агонію своего несчастья, а затѣмъ долженъ впасть въ, еще пущее прежняго, отчаяніе предъ своею злополучной судьбой,—впасть, къ удивленію и даже къ негодованію грошовыхъ филантроповъ: помилуйте! вѣдь только что помогли че-

ловѣку! чего же онъ, неблагодарный, жалуется?! Девизомъ алексѣевской филантропіи было: ужъ помогать, такъ помогать! Такъ помогать, чтобъ человѣка сразу на ноги поставить—„къ мѣсту его опредѣлить и счастье его составить“. Словомъ, все, что, на здравый взглядъ и практическую смѣтку Алексѣева, стоило помощи, получало эту помощь въ размѣрахъ, по-истинѣ, грандіозныхъ. Въ такихъ случаяхъ Алексѣевъ не щадилъ своихъ собственныхъ средствъ и, кликнувъ кличъ по городу, собиралъ громадныя суммы, съ міру по ниткѣ... Масса, которая ему вѣрила въ словѣ и дѣлѣ, охотно вѣрила ему и въ рубляхъ. Городу былъ нуженъ домъ для умалишенныхъ,—и городъ оглянуться не успѣлъ, какъ Алексѣевъ преподнесъ ему милліонъ, точно роємъ пчель съ вѣтру налетѣвшій.—возникла Канатникова дача. Съ какимъ упрямствомъ и изъ какихъ кражей умѣлъ Алексѣевъ выбивать деньгу, свидѣтельствуешь лучше всего, только что рассказанный мною, анекдотъ о пресловутомъ поклонѣ Алексѣева въ ноги своему бывшему приказчику за пожертвованіе въ 300,000 рублей. Алексѣевъ — и исключительно онъ одинъ—настойчивый виновникъ пожертвованія 750 тысячъ рублей, результатомъ котораго явился Баевскій домъ призрѣнія. Это—все рублями, презрѣннымъ металломъ; но, подѣвліяніемъ и давленіемъ Н. А. Алексѣева, городъ получилъ еще подарокъ, никакимъ презрѣннымъ металломъ не оцѣнимый: благодаря ему, Москва сдѣ-

лалась центромъ русскаго искусства. Онъ, какъ душеприказчикъ С. М. Третьякова, настоялъ на томъ, чтобы, пожертвованная покойнымъ городу, Третьяковская галлерей передана была въ городское вѣдѣніе теперь же, безъ всякихъ условныхъ отсрочекъ и промедленій. Я лишь одинъ разъ слышалъ, какъ умѣло Алексѣевъ призывалъ своимъ краснорѣчивымъ словомъ къ благотворительности, внимающую ему, толпу. Это было послѣ страшнаго пожара на Бабьемъ городкѣ. Хорошо говорилъ. Безъ всякихъ вычуръ, патетическихъ возгласовъ, сентиментальныхъ картинъ, расчета на слезу слушателя, просто, кратко, дѣловито, но такимъ убѣжденнымъ тономъ и проникнутымъ недавними тяжелыми впечатлѣніями голосомъ, что каждому ясно становилось: бѣдствіе громадное; спорить о немъ нечего; Богъ помогъ не вовсе пропасть,—стало быть, люди должны докончить помощь, указанную имъ Провидѣніемъ. А тутъ еще личный примѣръ: „жертвую пять тысячъ цѣлковыхъ!“ Московскій купецъ довольно равнодушенъ къ общественной дѣятельности и гражданскимъ обязанностямъ, но ревнивъ къ чести своего капитала. „Али у насъ денегъ нѣтъ?“ И тамъ, гдѣ Алексѣевъ клалъ тысячу, его капиталистическіе ровни старались либо идти вровень съ нимъ, либо перешибить его жертвенною деньгою. А мизинные торговые люди тоже раскошеливались болѣе пропорціонально состоянію, чѣмъ это дѣлалось обыкновенно при другихъ благотворитель-

ныхъ затѣяхъ другихъ, менѣе авторитетныхъ филантроповъ.

Ставъ во главѣ города, Алексѣевъ восемь лѣтъ, можно сказать, буквально, съ Москвою „жизнью одною дышалъ“. Работалъ онъ совершенно безкорыстно,—больше того, въ огромный убытокъ своему купеческому карману. Его единственнымъ жалованьемъ была честь служить Москвѣ. Въ сущности говоря, алексѣевскіе капиталы были громадною кредитною кассою, откуда городъ въ затруднительныхъ случаяхъ могъ всегда черпать средства своею рукою-владыкою безъ отдачи. Алексѣевъ любилъ представительство. Пріѣзжаютъ французскіе моряки—банкеть: фирма города, деньги изъ кармана Алексѣева. Вирховъ, конгрессиисты, всякія высокаторжественныя открытія, все, что хоть сколько нибудь было связано съ именемъ города, и въ чемъ городъ обязанъ былъ принять праздничное участіе,—все это оплачивалъ Алексѣевъ. Празднества онъ понималъ не иначе, какъ на самую широкую и блестящую ногу. Не даромъ же, послѣ него, московскій городской голова Рукавишниковъ, состоятельный не менѣе Алексѣева, не выдержавъ сопряженныхъ съ этою должностію тратъ и, отбывъ коронацію, отказался отъ должности; а дума, въ январѣ 1897 года, вотировала было крупный кушъ городскому головѣ на представительство, отъ чего, въ свою очередь, отказался вновь избранный голова князь Голицынъ. Говорятъ, будто это было у Алек-

сѣева популярничаньемъ, актомъ купецкаго самолюбія, старымъ „моему ндраву не препятствуй“ и „чего моя нога хочетъ“ въ новой, цивилизованной версіи. Но вѣдь этакъ все и вся можно объяснять, включительно до милліоновъ, собранныхъ, какъ я изложилъ выше, Алексѣевымъ для города. Что намъ до того, какими мотивами созидались дома для умалишенныхъ, больницы, богадѣльни, училища, разъ они созидаются? Лучше имѣть себялюбивые мотивы и совершать общепользные дѣла. чѣмъ, подобно раку на мели, сидѣть безъ осязательной радости для себя и другихъ, но съ самыми возвышенными и самоотверженно-альтруистическими началами гдѣ-то въ тайникахъ души. Вѣра безъ дѣлъ мертва есть, но дѣла жизнеспособны и безъ вѣры. Мы живемъ въ такое бѣдное благородствомъ время, когда приходится считаться съ фактами на лицо, а не съ призраками, предположительно стоящими за спиною этихъ фактовъ.

— Фактъ есть вещь, а мотивы—беллетристика, говорилъ мнѣ по этому поводу одинъ умный думецъ, принципиальный и рьяный оппозиціонеръ Алексѣева, въ теченіе всѣхъ восьми лѣтъ его лордъ-мэрства.

— Я Алексѣева не люблю, систему его градоуправленія считалъ и считаю тяжелою и для большинства стѣснительною. Но что онъ принесъ городу массу пользы,—развѣ слѣпой и глухой будутъ спорить. А затѣмъ, кому онъ этою пользою хотѣлъ сдѣлать добро, себѣ или другимъ,—городу, собственно, рѣшительно безразлично.

— Въ немъ былъ значительный процентъ Алкивиатовщины.—говорилъ мнѣ другой оппозиціонеръ Алексѣева.—Любилъ таки покойникъ, чтобы о немъ кричали, и не одной собакѣ отрубилъ на своемъ вѣку хвостъ ради молвы. Но вѣдь, правду сказать, кто изъ людей, съ талантомъ вліянія на толпу, не страдалъ алкивиатовщиной? Алексѣевъ родился на свѣтъ съ задатками народнаго трибуна. Онъ, какъ говорить Пушкинъ, „въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ—Периклесъ“... У насъ изъ него вышелъ только боевой городской голова, превосходно приспособленный для всяческаго города гзызни, когда за городъ, когда надо—противъ. Человѣкъ—съ ртутью въ жилахъ вмѣсто крови, все толкающій, все будящій предписывающій, словомъ, полно и широко живущій. Его пульсы бились въ тактъ съ пульсами общества, и этой заслуги у него никто никогда не отниметь.

Дума постановила увѣковѣчить память Алексѣева портретомъ въ стѣнахъ думскаго зданія, имъ воздвигнутаго. Его написалъ Савицкій и, къ сожалѣнію, не очень похоже: художникъ схватилъ только внѣшнюю щеголеватость покойнаго городского головы, не схвативъ души, жившей подъ его холенною внѣшностью. Но, каковъ бы ни былъ портретъ, онъ своего рода монументъ, которому трогательная надпись, возвышающая потомству о безвременной гибели „солдата, убитаго на своемъ посту“, придастъ особенно вѣское значеніе. Но на-

мятниковъ по Москвѣ Алексѣву и безъ того не занимать стать. Онъ самъ ихъ воздвигъ себѣ. О немъ кричитъ каждая московская улица въ каменномъ поясѣ Садовой. Онъ ее облагообразилъ и украсилъ. Куда ни взглянешь—видишь зданіе, тѣсно связанное съ именемъ московскаго гражданскаго героя. О немъ напоминаютъ москвичу грандіозныя боины, однѣ изъ лучшихъ, если не лучшія въ Европѣ, городскіе ряды, и размѣрами, и красотою далеко оставившіе за собой петербургскій гостинный дворъ и съ невѣроятной быстротою выросшіе на мѣстѣ старыхъ, чуть не допетровскихъ развалинъ и гнилушекъ. Онъ оставилъ Москвѣ въ наслѣдство водопроводъ; еще годъ—и это наслѣдство было бы увеличено канализаціей. Тридцать новыхъ городскихъ училищъ, Канатчикова дача, Баевскій домъ призрѣнія, новая Дума... куда ни повернись,—Алексѣвъ, Алексѣвъ и Алексѣвъ. Точно тѣнь его невидимкою летаетъ по Москвѣ, ища пріюта въ созданіяхъ рукъ своихъ!..

Когда былъ убитъ Алексѣвъ, я за фельетоны о его смерти попалъ, во мнѣніи многихъ, читающихъ, но не дочитывающихъ, имѣющихъ уши слышать, но не слышащихъ, въ разрядъ враговъ городского самоуправленія, въ поклонники и проповѣдники системы „хозяйскаго кулака“, которымъ покойный Николай Александровичъ временами, дѣйствительно, сжималъ думу такъ, что она пищала.

Нѣтъ, это неправда. Поклонникомъ кулака я ни-

когда не былъ. Но есть для общественнаго дѣятеля качество еще хуже деспотической склонности къ кулачной системѣ управленія: это—когда ему не хватаетъ той энергической смѣлости, что города беретъ и Алексѣевыхъ создаетъ, смѣлости, что можетъ втащить дѣятеля порою въ превышеніе власти, въ скачокъ за черту правъ и полномочій, но за то находитъ себѣ вѣчное и резонное оправданіе въ классическомъ „побѣдителей не судятъ“. Есть два способа развязывать запутанные узлы: или терпѣливо сидѣть надъ ними чуть не цѣлые дни, теряя и золотыя силы, и золотое время на черную и мелочную работу, или, наоборотъ, рвать и рубить ихъ съ размаху. Алексѣевъ принадлежалъ къ людямъ послѣдняго типа. До него московскіе вопросы напоминали зданіе, окруженное столь сложною массою лѣсовъ, что изъ-за нихъ и самаго зданія не видать. Идетъ день за днемъ, лѣса все растутъ да растутъ, зданія за ними все не видать, да не видать, такъ что оно чуть ли не дѣлается въ представленіи публики мифомъ. Говорятъ, молъ, будто есть не только видимыя лѣса, но и самое зданіе, а—правда ли это, нѣтъ ли, выстроится ли когда нибудь зданіе, освободится ли отъ лѣсовъ, будетъ ли въ состояніи красоваться безъ нихъ,—кто его знаетъ! Около московскихъ думскихъ дѣлъ налипали, какъ вредный тормазъ, массы мелочей, мелочишекъ, привязокъ, прицѣпокъ, проволочекъ, нужныхъ и ненужныхъ формальностей и ужъ безспорно ненужной много-

глаголивой болтовни. Со смертью Алексѣева, умѣвшаго тираннически сводить дебаты гласныхъ къ нулевому знаменателю, мелочная система толковъ, пересудовъ, переживаній и пережевываній возродилась, въ лицѣ своихъ многочисленныхъ поборниковъ и сторонниковъ, имѣвшихъ удовольствіе уцѣлѣть въ думѣ, переживъ „алексѣевскій терроръ“. У меня хранится каррикатура на алексѣевскія засѣданія, набросанная однимъ изъ гласныхъ. Н. А. Алексѣевъ сидитъ, потрясая огромнымъ звонкомъ, и поминутно прерываетъ И. И. Шаховского, Катилину тогдашней думской оппозиціи, ораторствующаго въ пользу какихъ-то пріютовъ.

Шаховской. Господа гласные! Слезы вдовъ и сиротъ...

Алексѣевъ (звонитъ). Пожалуйста, безъ меланхоліи-съ!

Шаховской. Городъ, какъ пеликанъ, питающій кровью своею птенцовъ своихъ...

Алексѣевъ. И безъ аллегорій-съ!!

Шаховской. Но, г. голова, принципы городского самоуправления...

Алексѣевъ. И безъ конституціевъ-съ... въ особенности!!!

Не знаю, состоитъ ли г. Шаховской гласнымъ московской думы въ настоящее время. При Алексѣевѣ онъ былъ въ ней очень замѣтенъ. Въ качествѣ противника и систематическаго оппозиціонера, покойный Алексѣевъ могъ узнать Шаховского луч-

ше, чѣмъ кого бы то ни было, во время борьбы за канализационный заемъ. Тогда Шаховской остался едва ли не послѣднимъ бойцомъ оппозиціонной арміи послѣ того, какъ „линые погибли въ бою, другіе ему измѣнили и продали шпагу свою“. Я живо помню, какъ на послѣднемъ засѣданіи, посвященномъ этому вопросу, Шаховской горячо говорилъ противъ отсрочки разсмотрѣнія протеста интеллигентной оппозиціи на конецъ засѣданія, тогда какъ обѣщано было поставить этотъ вопросъ на очередь первымъ. Алексѣевъ слушалъ Шаховского съ тѣмъ равнодушно смиреннымъ и нѣсколько лукавымъ видомъ, съ какимъ выслушивалъ онъ всѣ вообще возраженія въ вопросахъ, имъ давнымъ-давно предрѣшенныхъ безповоротно и безапелляціонно. А, выслушавъ, хладнокровно указалъ на законное основаніе своего поведенія и предоставилъ Шаховскому, если ему угодно, занести свое заявленіе въ протоколъ засѣданія.

Проживи Алексѣевъ еще нѣсколько лѣтъ, и московское хозяйство, вѣроятно, было бы имъ налажено настолько, что и впрямь могли бы идти дальше по инерціи, путемъ самоуправленія, на что не было въ состояніи ни до Алексѣева, ни при немъ, ни по немъ. Алексѣевъ смотрѣлъ на городское управленіе, какъ на огромное частное хозяйство, требующее безконечныхъ практическихъ нововведеній и улучшеній. Онъ переломалъ и заново выстроилъ полъ-Москвы. Онъ умеръ на порогѣ къ исполненію гран-

діозныхъ плановъ: подъ многими изъ нихъ по сей-
 часъ кряхтятъ его преемники, потому что смерть
 Н. А. Алексѣева, погасивъ его енергію, обезсилила
 думу. Это одна изъ печальныхъ сторонъ системъ
 правленія, опирающихся на одну талантливую лич-
 ность. Раньше Алексѣева Москва имѣла уже такой
 опытъ съ Н. Г. Рубинштейномъ: послѣ него ея пре-
 восходная консерваторія сразу захудала на цѣлыхъ
 десять лѣтъ. Тѣмъ не менѣе, скажу снова: коллегія,
 конечно вещь хорошая, но коллегія коллегіи рознь,
 и когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы наладить практи-
 ческое общепольное дѣло, я, конечно, предпочту,
 чтобы во главѣ коллегіи стоялъ человѣкъ энергич-
 ный, хотя бы иной разъ и самовластный, чѣмъ без-
 характерный мямля, какъ бы закономѣрны ни были
 его дѣйствія. Кулакъ—слово страшное, но... право,
 даже кулакъ лучше мямлянья и распушенности,
 какими ознаменовываются въ нашемъ отечествѣ
 почти всѣ общественныя дѣла и затѣи. Какъ ни
 дикъ и грубъ былъ Собакевичъ, а все же у него и
 народъ былъ сытъ, и мебель въ кабинетѣ стояла
 прочная, а у гуманнѣйшаго Манилова люди пере-
 бивались съ хлѣба на квасъ, и рядомъ съ изящ-
 нымъ шандаломъ, украшеннымъ перламутровымъ
 щитомъ, ставился на столъ засаленный кухонный
 мѣдюкъ—инвалидъ. А то былъ еще такой полков-
 никъ Кошкаревъ, что разорилъ и себя, и своихъ
 крестьянъ единственно потому, что задался цѣлью
 цивилизовать ихъ по всѣмъ правиламъ бюрокра-

тического прогресса съ „главными счетными экспедиціями“, „комитетами сельскихъ дѣлъ“, „комиссіями построеній“ и т. д., что было неавистно покойному Николаю Александровичу: онъ былъ равнодушень къ краснобайству, презиралъ бумагу и цѣнилъ только живое, быстро и непосредственно творимое дѣло. Вотъ точка зрѣнія, съ какой Алексѣевъ былъ и остается незамѣнимымъ человѣкомъ, особенно въ думѣ своего времени, — вялой, пустословной, всецѣло размѣнявшей дѣятельность на болтовню о пустопорожнихъ общихъ мѣстахъ. До Алексѣева московская дума изобиловала Киѣами Мокіевичами; ужъ и за то спасибо Алексѣеву, что онъ извлекъ изъ обращенія этихъ послѣднихъ, вмѣстѣ съ ихъ утомительными разглагольствованіями. Начнетъ, бывало, человѣкъ объ ассенизаціи, перескочитъ къ принципамъ самоуправленія, а кончить недоумѣніемъ. почему слонъ не родился изъ яйца. Именно ужъ—и аллегорія, и меланхолія, и невинный букетъ самоневиннѣйшихъ дешевенькихъ „конституціевъ“.

Какъ было мудрено и трудно уживаться съ ними, доказываютъ, распространившіеся передъ убійствомъ Алексѣева, слухи о нежеланіи его оставаться на посту городского головы. Онъ ссылаясь именно на усталость и недовольство думскою оппозиціей,—правда, пассивною, но, безспорно, вполне состоятельною до смерти надоѣсть энергическому, умному, живому человѣку, желающему добра и про-

цвѣтанія города. Прежде чѣмъ онъ повертывалъ къ благу колесо городского хозяйства, ему каждый разъ ухитрялись подсунуть между спицами нѣсколько палокъ, которыя Алексѣеву приходилось сломать ранѣе, чѣмъ завертѣть колесо. Безцѣльные, нелѣпые, тупые, близорукіе тормазы выплывали наружу, какъ масло сверхъ воды, буквально, при всякомъ благомъ начинаніи Алексѣева: при всѣхъ его стройкахъ, сооруженіяхъ и проектахъ, кончая оппозиціей канализаціонному городскому займу. Алексѣевъ всегда выходилъ изъ борьбы побѣдителемъ, но—сколько энергіи ему приходилось истрачивать непроизводительно въ этихъ схваткахъ. Не говорю уже о досадѣ, какую, естественно, долженъ былъ испытывать онъ, какъ человѣкъ умный, дальновзоркій и практическій, возясь съ арміей кротовъ—метафизиковъ, которые, стоя передъ лицомъ насущныхъ запросовъ и злободневныхъ потребностей, навивно бросались въ теоретическія отвлеченности, тонкое претенціозное умничанье и самолюбивые споры, съ краснорѣчіемъ ради краснорѣчія. „Единовластіе“, введенное Н. А. Алексѣевымъ въ думскія дѣла, было тогда необходимо, такъ какъ надо же было кому нибудь дѣло дѣлать. А у насъ — либо спали, либо переливали изъ пустого въ порожнее въ безконечныхъ дебатахъ „не объ томъ“, какъ говорилъ кто-то изъ героевъ И. Ѳ. Горбунова.

Но алексѣевскіе порядки возможны и терпимы лишь при томъ условіи, чтобы въ ихъ формы вла-

галось и алексѣевское содержаніе. Кулакъ можетъ оправдывать себя лишь тѣмъ, что, разжимаясь, онъ приноситъ пользу, благотворить и благодѣетъ. Мы видѣли, что алексѣевскій кулакъ былъ именно таковъ; онъ никого не задавилъ, но многихъ ошастливилъ.

Помню, какъ разыгрывалась серія алексѣевскихъ инцидентовъ по вопросамъ о бойняхъ и канализаціонномъ займѣ. Засѣданіе 19-го мая 1892 года привлекло массу публики. Центромъ его программы предполагалось разбирательство протеста двадцати трехъ членовъ оппозиціи противъ черезчуръ произвольнаго разрѣшенія городскимъ головою вопроса о семи-милліонномъ городскомъ займѣ.

Члены оппозиціи играли въ этой исторіи, при всей благонамѣренности своихъ притязаній, довольно комическую роль. Наскучивъ безконечными и бесплодными преніями по канализаціонному вопросу, безрезультатно вращавшемуся въ области—„съ одной стороны, надо признаться, но съ другой нельзя не сознаться“,—городской голова, въ одинъ прекрасный день, воспользовался отсутствіемъ въ думскомъ засѣданіи членовъ оппозиціи, чтобы провести роковой вопросъ. Въ это самое время оппозиція совѣщалась въ трактирѣ большого Московскаго товарищества, насупротивъ думы, о средствахъ противодѣйствія займу, въ частности, и алексѣевской гордынѣ, вообще. Увы! возвратившись въ думу, они могли спѣть, какъ оффенбаховскіе жандармы:

Nous arrivons toujours trop tard, trop tard, trop

tard... Канализаціонный вопросъ былъ уже раскушенъ Н. А. Алексѣевымъ, какъ орѣхъ; ядро вынуто и съѣдено, скорлупа брошена въ уголь. Оппозиція убѣдилась, что она прокушала на бутербродахъ семь милліоновъ рублей—во-первыхъ. а, во-вторыхъ, ее стали дразнить съ тѣхъ поръ „трактирной субкомиссіей“.

Съ этого дня начались протестующія отдѣльныя мнѣнія и заявленія гласныхъ о самоуправствѣ городского головы, а также отказы отъ званія гласнаго. Ушли изъ думы М. П. Щепкинъ, А. Н. Маклаковъ, К. Ф. Одарченко; дума всѣхъ благодарила за прежнюю дѣятельность, но никого не удержала. Алексѣевъ кланялся, говорилъ два-три прочувствованныхъ слова на тему „прощенья просимъ... ходите почаще, безъ васъ веселѣй“, и тѣмъ дѣло кончалось. Газеты, хотя и не въ полномъ комплектѣ, но все-таки въ большинствѣ, высказались за оппозицію и порицали поведеніе городского головы. Но „не страшили его громы газетные, а думскіе держать онъ въ рукахъ!“ Многихъ изъ членовъ оппозиціи я зналъ, какъ людей умныхъ, честныхъ, благожелательныхъ и благонамѣренныхъ; самоуправство мнѣ принципиально антипатично, и потому явился я слушать думское засѣданіе, настроенный скорѣе противъ Алексѣева, чѣмъ за него, но вышелъ изъ засѣданія подъ совершенно другимъ впечатлѣніемъ. Не то, что Н. А. Алексѣевъ убѣдилъ меня, какъ и всю остальную публику, въ закономѣрности и спра-

ведливости своего поведенія. Онъ никого ни въ чемъ не убѣждалъ; напротивъ, снять острый вопросъ съ очереди, перевелъ его съ перваго мѣста на послѣднее, такъ что многіе гласные, наскучивъ ожидать преній, поразѣхались. Потребное для „постановки вопроса“ число гласныхъ 90 оказалось въ недочетѣ. Пришлось перенести вопросъ на слѣдующее засѣданіе, чего предсѣдателью и хотѣлось. И. Шаховской потребовалъ:

— Объясните мнѣ, г. городской голова, на какомъ основаніи нарушили вы установленный порядокъ засѣданія? Законъ предписываетъ точное исполненіе предназначенной программы... Я протестую и прошу занести мои слова въ журналъ.

На это Алексѣевъ отвѣтилъ весьма хладнокровно:

— Занести въ журналъ можно. Отчего не занести? Что же касается до объясненія, то и объяснить можно. Порядокъ засѣданій устанавливается предсѣдателемъ и есть его исключительно дѣло. Такъ я поступалъ, поступаю и намѣренъ поступать впредь. Объявляю засѣданіе закрытымъ.

Словомъ, человѣкъ, самымъ дерзкимъ образомъ, бросилъ въ глаза почтеннѣйшей публикѣ свое „какъ хочу, такъ и дѣлаю!“ *Sic volo, sic jubeo!* и подтвердилъ всѣ устные и печатныя рѣчи о немъ. И тѣмъ не менѣе, опять скажу, публика осталась на его сторонѣ, а не стала за „униженныхъ и оскорбленныхъ“ думцевъ.

Обаяніе Н. А. Алексѣева на толпу строилось

прежде всего на положеніи „кто ясно мыслить—ясно излагаетъ“. Этотъ человѣкъ не мудрствовалъ лукаво и не любилъ цвѣтовъ краснорѣчія. Онъ былъ понятенъ массѣ, какъ никто другой въ думѣ, и производилъ впечатлѣніе человѣка, который, одинъ во всемъ засѣданіи, всегда точно знаетъ, какого отвѣта онъ хочетъ по тому или другому вопросу. Это придавало его рѣчи характеръ глубокой, даже страстной убѣжденности. У него былъ ясный практическій умъ, свѣтлая голова, необыкновенно приспособленная къ тому, чтобы, отбросивъ отъ дѣла детали, загоразживающія его суть, выжать изъ вопроса сокъ, какъ изъ лимона, и въ краткой, энергической, порывистой формѣ резюмировать положенія, пригодныя иному словоохотливому оратору для двухчасовой рѣчи. Такимъ образомъ, масса все время слышала Алексѣева говорящимъ только дѣло и привыкла думать, что онъ попусту словъ не тратитъ. Съ подобными ораторами можно не соглашаться, но вы никогда не оставите ихъ безъ вниманія. Такъ какъ дѣла и вопросы, городскимъ головою выдвигаемые, были всегда полезны городу и симпатичны въ принципѣ, то, разъ они изъ области преній переходили въ реальное бытіе, массѣ, въ сущности, было безразлично, соблюдались ли при этомъ переходѣ права представителей городского самоуправленія. Она видѣла больницы, школы, лѣчебницы, боѣни, чудесныя новыя городскія зданія: это факты, а не сны. Наглядное дѣло заслонило

умозрительныя отвлеченности. Москва знала, что безъ Алексѣева, не удовлетворила бы многихъ своихъ потребностей еще долгіе годы и оставалась совершенно равнодушна къ вопросу о законности большинства, разрѣшившаго, экстренно поднятые имъ, насущные вопросы. То же самое и съ вопросомъ канализаціи. Однажды, у Н. А. Алексѣева вырвалась фраза въ томъ смыслѣ, что всѣ думскіе дебаты только пустая потеря времени, потому что рѣшать дѣло будутъ не говоруны, а молчаливые гласные, давно уже составившіе свое мнѣніе, и разрѣшать они вопросъ баллотировкой—не болѣе, какъ въ пять минутъ. Фраза опять довольно автократическая, если сообразить, что молчаливые гласные въ большинствѣ шли за городскимъ головой и составляли его боевую силу. Впечатлѣніе ума и таланта Н. А. Алексѣева оставлялъ въ каждомъ, кто видалъ его во главѣ засѣданія. Онъ былъ очень эффектнымъ предсѣдателемъ, иногда, пожалуй, даже немножко театральнымъ. Онъ импонировалъ засѣданію своей молодецкой фигурой, мужественнымъ лицомъ—чисто московскаго, купческаго, хотя и обкультуреннаго типа, своею нервностью, когда его отвлекали отъ дѣла пустяками, и выдержкою, когда на сценѣ проходили серьезныя темы. Затѣмъ, онъ былъ лучшимъ ораторомъ думы, хотя между *en langues bien pendues* были языки, болѣе приспособленные къ источенію красивыхъ словъ, чѣмъ языкъ Н. А. Алексѣева. Но одна вещь—Цицеронъ съ языка,

другая—Демосеенъ. Когда говорилъ Цицеронъ, римскій форумъ щелкалъ языками отъ удовольствія и восклицалъ: нѣтъ въ мірѣ человѣка, который бы говорилъ лучше, чѣмъ этотъ Маркъ Туллій. Когда же говорилъ Демосеенъ, афиняне забывали выразить одобреніе краснорѣчію Демосеена, но кричали: война Филиппу!—что и требовалось доказать. Говорить кто нибудь изъ гласныхъ Цицероновъ,—молчаливое большинство частію позѣвываетъ, частію одобряетъ: хорошій штиль,—видно, что наукамъ обучался! Говорить Алексѣевъ,—никто о *façon de parler* его не думаетъ, но когда онъ кончалъ рѣчь, молчаливое большинство гуртомъ шло къ баллотировочному ящику и клало шары за алексѣевское предложеніе.

Ораторомъ - громовержцемъ я Н. А. Алексѣева не слыхалъ, хотя бывали случаи, когда, въ раздраженіи, онъ принимался „орать“ на собраніе... и, увы! не находилось никого, кто бы дернулъ его за фалду!

Юморъ, немножко грубоватый, но ѣдкій и мѣткій, также имѣлся въ его арсеналѣ. Помню, какъ-то разъ рѣчь шла о холодильной машинѣ, пріобрѣтенной городомъ для боенъ и уже принятой отъ Доброва и Набгольца, исполнителей заказа. Между тѣмъ машина оказалась негодною или, какъ говорили въ засѣданіи техники-спеціалисты, полугодною; она была не дурна для сжатія воздуха, но не годилась для охлажденія его. Говорено было на эту

тому очень много и убѣдительныхъ, и горячихъ словъ, но всѣ эти слова не касались сути дѣла, скользили по его поверхности.

— Позвольте,—сказалъ Алексѣевъ,—я не техникъ и подробностей машиннаго дѣла не понимаю. Да засѣданіе не для подробностей и собрано. Господа члены технической комиссіи говорятъ, что машина негодна?

— Полугодна.

— Значить, негодна. Полугодную машину мы не заказывали. Заказывали годную. Вернуть ее Доброву и Набгольцу.

— Они не примутъ.

— А у насъ ихъ залогъ есть; мы изъ залога 6.000 рублей удержимъ.

— Я бы желалъ знать, зачѣмъ понадобилась эта машина?—уязвилъ кто-то изъ техниковъ.

— Затѣмъ, что техникамъ свойственно увлекаться, — нравоучительно замѣтилъ Алексѣевъ, — чего кажется проще: набилъ погребъ льдомъ,—и охлаждай телятину, сколько угодно. Но у техника явилась идея о холодильной машинѣ. Что же, опытъ интересный, смѣта позволяла,—заказали машину. Принимаемъ. Хороша машина? Техникъ въ восторгѣ. Онъ добился исполненія своей идеи и доволенъ. Приходятъ другіе техники съ другими идеями и говорятъ, что машина негодна или полугодна, что, опять таки повторяю, по моему, значить негодна. Въ концѣ концовъ, мы, благодаря техническимъ

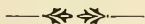
увлеченіямъ, принуждены или пріобрѣсти новую машину, или... все-таки набить погребъ льдомъ, когда Богъ зиму пошлетъ.

Н. А. Алексѣеву давало значительный перевѣсъ надъ большинствомъ его оппонентовъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что онъ всегда зналъ, къ какимъ выводамъ и какими путями будутъ гнуть его противники, строя практику по предвзятой теоріи; они же его путей и выводовъ предвидѣть были не въ состояніи, какъ нельзя вообще предвидѣть путей и выводовъ человѣка, если его мысль работаетъ не по кодексу теоретическихъ отвлеченностей, но въ подчиненіи живымъ запросамъ насущныхъ практическихъ интересовъ, гибкихъ и легко измѣнчивыхъ по требованію обстоятельствъ. Алексѣевъ игралъ съ думою всегда навѣрняка, зная наизусть всѣ ея карты, а свою сдачу онъ держалъ закрытою и крѣпко зажавъ ее въ кулакѣ. Такъ игралъ и выигрывалъ. И такъ слагалась думская эпоха, которую одни зовутъ „золотымъ вѣкомъ московскаго самоуправленія“, а другіе, наоборотъ,—„алексѣевскимъ терроромъ.“

Таинственная корреспондентка.

МНѢ достались черновыя записки неизвѣстной дамы, игравшей, какъ читатель увидить, весьма странную роль при дворѣ трехъ государей: Екатерины II, Павла I и Александра I. Рукопись, несомнѣнно, писала въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ чемъ удостовѣряють ея бумага, цвѣтъ чернилъ, почеркъ и правописаніе. Она распадается на двѣ части, русскую и французскую, и страдает множествомъ погрѣшностей и сокращеній, разбираться въ которыхъ довольно досадно. Я недостаточно силенъ въ исторіи эпохи, которую рисуютъ намъ записки, чтобы дѣлать предположенія объ имени ихъ составительницы, но изслѣдователю-специалисту разобратся въ фактахъ и лицахъ будетъ, вѣроятно, не трудно. Находящійся у меня оригиналь рукописи я съ удовольствіемъ предоставляю вниманію всякаго ученаго, кто бы имъ заинтересо-

вался. Впрочемъ, по напечатаніи этой статьи въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, редакторъ его, С. Н. Шубинскій, уже давалъ рукопись на просмотръ извѣстному нашему историку Н. К. Шильдеру. Не знаю, что сказалъ онъ и сказалъ ли что. Здѣсь я передамъ лишь ходъ событій, въ запискахъ излагаемыхъ, приводя въ подлинникъ наиболѣе характерныя и занимательныя мѣста. Печатать цѣликомъ не имѣло бы интереса: авторъ черезчуръ много умствуешь. Какъ образчикъ этихъ умствованій, привожу выдержки изъ длинныхъ и разнообразныхъ предисловіій къ запискамъ. Манускриптъ носитъ названіе „Сокращенная выписка изъ тайной записки моей жизни съ 1794 по 1808 г.“. Ниже предупрежденіе: „Читатель увидить и разбереть, а, разобравъ и взвѣсивъ мои дѣла, пускай наименуетъ меня, какою изволить“. Затѣмъ слѣдуетъ „Предисловіе“ такого содержанія: „Съ ошибками современниковъ моихъ не уживается и совершеннѣйшій человѣкъ. То могу ли я оскорбляться, что предразсудки, оскорбленія и клеветы устремились на меня? Но, какъ терзанія совѣсти не преслѣдуютъ меня, то бросаю оныя, подобно тяжелому сну, и забываю ихъ. Зерцало истины и Правосудія, переходя изъ рукъ въ руки, наконецъ... вовсе разбилось; и только тотъ можетъ отыскать его обломки и, соединивъ ихъ, привести въ совершенную цѣлость, кто не страшится злодѣевъ, гордящихся своими преступленіями и своимъ могуществомъ. Тотъ и имѣетъ

твердость духа и благородное презрѣніе къ бѣдствіямъ. А кто боролся съ самыми трудными обстоятельствами, тотъ уже слабыя свободно одолѣеть. Dulce et decorum est pro virtutibus mori“.

„Введеніе. Вопросъ. Для чего одинъ глупый, а другой съ подлою душою человѣкъ, и оба рожденные для забвенія, свѣтозарны, тогда, когда умный и добродѣтельный человѣкъ проводить дни жизни своей во тѣмѣ?

Отвѣтъ.

„Для словъ, какъ для людей, есть жребій роковой;
Случай играетъ ихъ судьбой.

Онъ—ихъ судья, они—его созданье.

Захочетъ—и въ чести; велитъ—они въ изгнаньи.

Неистовый тиранъ,—по святъ его законъ“.

„Сіе значить, что добродѣтель, дарованія и заслуги, кажется, должны бы быть единственными ходаями, но между тѣмъ должны уступить мѣсто проискамъ кичливыхъ, которые только тѣмъ и занимаются, чтобъ подлазить и уловить, которыхъ дѣло только въ томъ и состоитъ, кто лучше умѣетъ въ милость и довѣренность государя вкрасѣя и задружить его рабовъ и, ползая, мало-по-малу, на высоту взобраться! Кто проворнѣе и гибче, тотъ скорѣй пролѣзетъ: но знающій цѣну своей добродѣтели удаляется и въ забвеніи остается. Такъ Дворъ, наполненный происками, есть такое смѣшеніе страстей, въ которомъ и самая премудрость не можетъ разобрать истины. Такъ въ царствованіе

государя императора Александра Перваго всенародная польза почиталась за ничто; уваженіе особы рѣшало и похвалы, и поношенія, и сей царь, лжамы окруженный, обремененный сомнительностями и недовѣрчивостью, по большей части, изъ нерѣшимости своей, не выходилъ иначе, какъ токмо ввергаясь въ заблужденіе“.

Эти общія замѣчанія даютъ автору поводъ къ довольно туманному и мало интересному „сближенію“ съ частнымъ примѣромъ: своею личною судьбою, послѣ чего, наконецъ, начинается и самая тайная записка“.

Отецъ „таинственной корреспондентки“ скончался 31 марта 1794 года, оставивъ дочь на 22-мъ году отъ рожденія. Онъ занималъ какой-то высокій постъ при дворѣ Екатерины II, но, кажется, именно этотъ постъ и сдѣлалъ его великимъ пессимистомъ. По крайней мѣрѣ, онъ оставилъ дочери въ высшей степени мрачное завѣщаніе. Въ немъ „было мнѣ именно приказано удаляться, елико возможно, отъ царскаго престола, который изображалъ онъ мнѣ окруженнымъ густѣйшимъ туманомъ зависти и мрачнѣйшими облаками злобы. Таковое описаніе устрало неопытность мою ужаснѣйшимъ образомъ“. Въ французской части рукописи мы находимъ явственныя указанія, что отцовское завѣщаніе не только отвратило нашу героиню отъ придворной жизни, но и вообще надолго отравило ей жизнь своими неприглядными картинами.

„Вообразите,—говоритъ она,—дѣвушку съ характеромъ, отъ природы и въ обыденныхъ условіяхъ мягкимъ и покорнымъ, но когда ею овладѣваютъ страсти—горячимъ, гордымъ и неукротимымъ. На нее, какъ способную руководствоваться голосомъ разсудка, всегда дѣйствовали ласкою, справедливостью, снисходительностью. Она никогда не имѣла понятія о несправедливости и, въ первый разъ при прочтеніи настоящей рукописи (т. е. завѣщанія), узнала о жестокой несправедливости тѣхъ, кого она любила и уважала болѣе всего. Какой переворотъ понятій?! Какой безпорядокъ чувствъ въ ея сердцѣ, въ ея головѣ, во всемъ ея нравственномъ „я“! Вообразите все это,—говорю я,—если возможно, потому что я лично чувствую себя не въ состояніи прослѣдить все, что со мной тогда дѣлалось. Тутъ былъ конецъ ясности и спокойствія моей молодости. Съ этой минуты я перестала наслаждаться чистымъ счастіемъ и даже теперь чувствую, что воспоминанія о прелестяхъ моего тогдашняго возраста тутъ обрываются. Деревня потеряла въ моихъ глазахъ притягательную силу спокойствія и сердечной простоты: она мнѣ казалась темной пустыней, она была какъ бы покрыта пеленой, скрывающей отъ меня всѣ ея прелести. Я перестала ее любить и уговорила мою мать продать ее“ *). Только старость была

*) Qu'on se figure une personne née avec un caractère doux et docile dans la vie ordinaire, mais ardent, fier, indomptable dans les passions; gouvernée par la voix de la raison, toujours traitée

въ силахъ примирить „незнакомку“ съ ея воспоминаніями. Объясненій скорби своей она не даетъ: это какая то семейная тайна. Во французской же части рукописи есть странный намекъ: „мое рожденіе было первымъ изъ моихъ несчастій. Не знаю, какъ перенесъ это огорченіе мой отецъ, но знаю, что оно его всегда грызло“.

Какъ бы то ни было, мемуаристка—дочь преданная, любящая, благоговѣющая предъ родительскою памятью. Скорбь ея по отцѣ обратила на нее вниманіе императрицы Екатерины. Она „прислала ко мнѣ съ утѣшительнымъ увѣщеваніемъ и совѣтами человѣка, который, по рассказамъ отца моего, былъ мнѣ довольно извѣстенъ, а именно обергофмаршала своего, князя Барятинскаго. Сей гнусный царедворецъ, сіе пресмыкающееся твореніе, испедевшее изъ самага Тартара, который адскіе знаки возвышенія

avec douceur, équité, complaisance qui n'avait pas même l'idée de l'injustice, et qui, pour la première fois, par la lecture du manuscrit en question, y voit une si terrible injustice de la part précisément de ceux qu'elle chérissait et respectait le plus. Quel renversement d'idées! quel désordre de sentiments! quel bouleversement dans son coeur, dans sa tête, dans tout son être moral! Je dis qu'on s'imagine tout cela, s'il est possible; car, pour moi, je me sens hors d'état de démêler, de suivre la moindre chose de ce qui se passait alors en moi. Là fut le terme de la sérénité de ma jeunesse. Dès ce moment je cessai de jouir d'un bonheur pur, et je sens aujourd'hui même que le souvenir des charmes de l'âge que j'avais ~~n'arrête~~ là. La campagne perdit à mes yeux cet attrait de douceur et de simplicité qui va au coeur: elle me semblait déserte et sombre; elle s'était comme couverte d'un voile qui m'en cachait les beautés. Je n'y trouvai plus de goût et déterminai ma mère à la vendre.

своего носилъ на правой своей рукѣ (?), старался съ отвратительною для меня царедворскою любезностью, которая тогда въ глазахъ моихъ казалась болѣе насмѣшкою, утѣшить меня и склонить на царскую милость, предложенную мнѣ Великой Екатериной, но получилъ отъ меня, наконецъ, слѣдующій отвѣтъ:

„Князь, я выслушала васъ до конца и не удивляюсь вашей эпикурейской философіи; но позвольте мнѣ теперь вамъ откровенно сказать, что вы и всѣ вамъ подобные, имѣвъ души помраченныя, не можете понять грусти моей, слѣдственно — не въ состояніи меня уразумѣть. Итакъ, оставьте печальную на произволъ собственнаго ея счастья и увѣрьте ея императорское величество, что, чувствуя въ полной мѣрѣ всѣ ея ко мнѣ милости, за которыя и приношу ей сердце, преисполненное наичувствительнѣйшей благодарностью, но въ то же время, чувствуя себя и совершенно неспособною жить при дворѣ, я не могу на оное рѣшиться“.

„На сіе вышесказанная особа, сдѣлавъ замѣчаніе по своему, получила отъ меня опять слѣдующій отвѣтъ:

„Повѣрьте, милостивый государь, что я всѣ милости монархини очень живо чувствую и ихъ цѣнить умѣю, но скажу вамъ теперь рѣшительно, что только тогда, когда сердце мое превратится въ камень, когда огонь чувства чистѣйшей добродѣтели угаснетъ въ груди моей, подобно, какъ заря ве-

черняя угасаетъ на полунощномъ небѣ; когда, забывъ святую истину, паду я ницъ предъ златыми кумирами человѣческихъ заблужденій, тогда... да, тогда только, князь, буду я жить между царедворцами — жить въ ихъ удовольствіе и быть другомъ ихъ, но теперь мы чужды другъ другу, и горестъ моя не можетъ ихъ тронуть“!

Однако же, послѣ всѣхъ этихъ громкихъ фразъ, незнакомку все-таки потянуло во дворецъ. Въ ней возродилось живѣйшее желаніе „увѣриться въ сказанномъ мнѣ отцомъ моимъ собственнымъ моимъ опытомъ, приблизиться къ царедворцамъ и въ тайнѣ разглядѣть сихъ хамелеоновъ“.

„Свѣтлѣйшій князь Безбородко, бывшій тогда еще графомъ, неизмѣнный другъ родителя моего, коему всѣ тайны извѣстны были, умирающему другу своему далъ обѣщаніе служить сиротѣ его вмѣсто отца и покровителя, въ чемъ и слово свое сдержалъ. Сей почтеннѣйшій мужъ посѣщалъ меня часто, и однажды при свиданіи съ нимъ сказала ему слѣдующее:

— Почтенный мой покровитель, въ моихъ съ вами бесѣдахъ я очень много нужнаго и полезнаго для себя почерпнула, а теперь прошу васъ наставить меня въ томъ средствѣ, чрезъ которое могу успѣть въ желаемомъ мною, а именно—быть занятой должностью, не бывъ, однако же, въ зависимости ни у кого. Желать того, что однажды требовала Дашкова отъ монархини своей, было бы съ моей стороны

крайне безразсудно, но между тѣмъ ужасныя возродились у меня чувства къ пользѣ монаршей; и въ здоровомъ разсудкѣ, но свыше, кажется, благодати, чтобъ можно было мнѣ въ ономъ успѣть. Объяснить вамъ всю обширность познаній и опытность родителя моего въ политикѣ и глубокомысліе его не нужно; оно вамъ довольно извѣстно, и если я, по младости и неопытности моей, не имѣю ни его обширныхъ свѣдѣній, ни его глубокомыслія и тонкости ума, то имѣю, по крайней мѣрѣ, довольно достаточнаго свѣдѣнія о нѣкоторой политической части, состоящей въ собраніи и составленіи общенародныхъ мнѣній; въ чемъ же я найду какое ни на есть недоумѣніе, то, вѣрно, второй мой отецъ позволить мнѣ прибѣгнуть къ его совѣтамъ.

— „Любезная моя философка (симъ именемъ называлъ меня почти всегда князь Безбородко),—сказалъ мнѣ сей съ почтенною и милостивою улыбкою,—я постараюсь, при удобномъ случаѣ, поговорить о семъ съ императрицею; но я долженъ васъ предупредить, что она на васъ въ великомъ неудовольствіи, и вамъ самимъ причина сего извѣстна; но я всевозможно постараюсь загладить вашу вину предъ нею; возьмите нѣсколько терпѣнія, а иначе будьте молчаливы и не сообщайте никому вашего желанія...

„Черезъ нѣсколько времени, по возвращеніи императрицы изъ Царскаго Села, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1794 года, извѣстилъ меня Безбородко, что по-

здравляетъ меня съ желаемымъ успѣхомъ, но что ея императорское величество повелѣла мнѣ заниматься вышесказанной должностью въ совершенной сокровенности и доставлять плодъ трудовъ моихъ къ нему, Безбородкину, при чемъ изволила замѣтить слѣдующее: что я странная и удивительная молодая особа, но что это не что иное есть, какъ послѣдствія воспитанія и упорства родителя моего не вручить меня г-жѣ Фибаль (сія Фибаль была выписана изъ Парижа самою императрицею для шести фрейлинъ при дворѣ, которыхъ она особенно отличала). Онъ потерялъ дочь свою,—продолжала монархиня,—своимъ глупымъ воспитаніемъ; что онъ теперь изъ нея сдѣлалъ, сообщая ей свои странные правила, свое упрямство и свою гордость! Ахъ, какъ мнѣ ее жаль! Но, графъ, нельзя ли ее склонить войти въ супружескую связь? Она васъ очень много любитъ и почитаетъ, вы имѣете всю ея довѣренность; постарайтесь на сіе склонить сію несчастную. Я имѣю для нея очень хорошаго и выгоднаго жениха; вы его знаете, графъ, это—Грабовскій (побочный сынъ короля польскаго).

— Какъ?—вскричала я, пылающая негодованіемъ — мнѣ замужъ идти?.. Мнѣ имѣть мужа, имѣть для себя сію лишнюю и пустую мебель?!. Знаю и чувствую, что, конечно, императрица имѣетъ причину жалѣть обо мнѣ, но отнюдь не о моемъ воспитаніи, не о томъ, что я есть теперь, ибо я есть теперь, благодаря Бога, дѣвица честная, какой и завсегда

надѣюсь остаться. И скажите, второй мой отецъ, что бы я была при дворѣ?

„Сей отвѣчалъ: „столь же любезны, но не такъ добродѣтельны, вы бы были лишены сей драгоцѣнной душевной дѣвственности, которая чужда придворнымъ“.

— „Такъ скажите мнѣ, о чемъ же жалѣетъ императрица? развѣ только о томъ, что я собою не умножила число развращенныхъ, которые ее окружаютъ? Въ самомъ дѣлѣ я всенижайше благодарю ее о семъ участіи и твердо увѣряю, что мнѣ никогда не быть замужемъ“.

— „Для чего же такъ, милая моя философка, развѣ вы совершенно возненавидѣли нашъ полъ?— возразилъ почтенный мой покровитель.

— „Ахъ, нѣтъ, графъ, и я надѣюсь, что вы увѣрены въ моемъ къ вамъ высокопочитаніи и великой душевной любви... словомъ, я такъ много цѣню всѣ ваши рѣдкія достоинства и вашу отличную добродѣтель, что, если бы это только возможно было сдѣлать, то я приказала бы съ васъ снять портретъ, приказала бы всѣмъ ему молиться, какъ образу. Но замужъ за васъ никогда не согласилась бы идти; не для того, что вы теперь для меня слишкомъ стары, но для того, что зависимость для меня, какого бы она, впрочемъ, рода ни была, слишкомъ ужасна по правилу и характеру моимъ, и вотъ единая причина моего отвращенія къ супружеству.

— „Слѣдовательно, — сказалъ графъ, — импера-

трица права и со всею справедливостью осуждаетъ данное вамъ родителемъ вашимъ, не по полу вашему, воспитаніе. Но теперь нечего о семъ разсуждать; что сдѣлано, того не возвратить: а извольте лучше начать вашу новую должность и получать за оную жалованье вмѣсто замужества“.

— „Помилуйте, графъ, я никогда и не мыслила служить изъ жалованья, а только изъ одной чести.

Вамъ не безъизвѣстно, что родитель мой оставилъ мнѣ 500.000 рублей, что и довольно достаточно будетъ по гробъ мой.

— „Ну, философка моя, какъ вы сіе назовете, не гордость ли это? и вамъ извѣстно, что у меня такой суммы въ двадцать кратъ болѣе, но я, между тѣмъ не отказываюсь отъ жалованья, да и не смѣю этого сдѣлать: намъ прилично получать и жалованье, и милости отъ царей, а имъ неприлично пользоваться нашими милостями; и вы этимъ обидаете вашу благодѣтельницу, что очень не хорошо. Итакъ, я совѣтую вамъ принять отъ великой ея щедроты назначенныя вамъ ежегодно по 12.000 рублей жалованья и сей подарокъ, который она изволила мнѣ вручить для доставленія вамъ при слѣдующихъ словахъ:

„Я сердечно желаю, чтобы труды новаго моего слуги (или служителя) столь же полезны и питательны были, какъ изображенныя зерна въ семъ колосѣ, однакожь менѣе блистательны: впрочемъ, я увѣряю ее во всегдаш-

немъ моемъ царскомъ благоволеніи и что я ее даже и нехотя люблю“.

„Я была столь смущена и столь растрогана то-ликими монаршими милостями, что тогда, истинно стыдясь своему заблужденію, я совершенно осталась безмолвной, и въ семъ положеніи оставилъ меня графъ.“

„Сей великій мужъ, сей всеобъемлющій геній, который имѣлъ рѣдкій даръ читать въ человѣческомъ сердцѣ и имъ управлять всесовершенно, очень легко усмотрѣлъ, что происходило тогда въ моемъ, и посему за нужное почелъ оставить меня въ покоѣ, дабы могла я предаться сердечному чувству моему и размышленіямъ моимъ.“

„По отбытіи графа, удалилась я немедленно въ свой кабинетъ, гдѣ, бросаясь въ кресло и орошенная потоками слезъ, обвиняя то себя, то опять оправдывая, такъ что попеременно была колеблема разными чувствованіями, и осталась въ семъ положеніи на весь день одна, въ философическомъ уединеніи своемъ, гдѣ я и начала размышлять о новой своей должности и надежнѣйшихъ средствахъ приступить къ ней.“

„Вступила я въ оную 1794 года, октябрю 23 дня, и тогда было мнѣ отъ роду 22 года и 7 мѣсяцевъ; въ теченіе этого года успѣла я доставить ей императорскому величеству плоды трудовъ моихъ, которые были очень милостиво приняты и одобрены и за которые получила я опять брилліантовые серьги,

изображающія грушу. Графъ спросилъ меня, какъ мнѣ сей подарокъ нравится.

— „Онъ безподобный,—отвѣчала я,—но между тѣмъ все, что бы я ни получила отъ монаршей щедроты, не можетъ иначе быть для меня, какъ драгоценною вещью! Однакожь, первый для меня цѣннѣе, потому что вынудилъ меня, войдя въ себя, размышлять о томъ впечатлѣніи, которое онъ произвелъ во мнѣ, и сознать, что я виновница огорчений столь милостивѣйшей и великодушнѣйшей царицы, и вотъ почему первый подарокъ любезнѣе.

— „Браво, браво, дочь моя! позвольте старцу обнять васъ за сей прекрасный отвѣтъ, достойный изящныхъ чувствъ великой вашей души.

„Описывать здѣсь всѣ тѣ отличныя милости, коими я пользовалась отъ сей премудрой монархини, столь многочисленны, равномерно и всѣ попененія и благоразумныя наставленія покойнаго князя Безбородкина, что здѣсь упомянуть объ нихъ совершенно не у мѣста, и скажу еще только, что смерть сихъ двухъ для меня божественныхъ благодѣтелей похитила съ собой и все мое благополучіе.

„По вступленіи на всероссійскій престолъ императора Павла I, то и сей монархъ не оставилъ меня безъ изъявленія своей ко мнѣ благосклонности и въ знакъ оной предложилъ мнѣ мѣсто фрейлины при дворѣ. Здѣсь не должна я умолчать, но сказать въ честь сего государя, что отвѣтъ, который

онъ получилъ отъ меня касательно сей предлагаемой мнѣ почести, всякаго иного вынудилъ бы наказать, но, напротивъ того, отъ сего великодушнаго монарха заслужилъ мнѣ похвалу. На мой отвѣтъ онъ сказалъ слѣдующее:

— „Я въ семь отвѣтѣ узнаю достойнаго и почтеннаго отца ея.

„Отвѣтъ же мой былъ слѣдующій: „что я все нижайше благодарю его императорское величество за оказанную мнѣ честь и милость... но чувствую въ полной мѣрѣ и то, что я недостойна ея, да и для сей должности совершенно не рождена и не воспитана, почему и не могу ее занять; что государь, который коротко знавалъ покойнаго родителя моего, вѣрно согласится, что сей не воспитывалъ дочь свою для того, чтобы служить украшеніемъ двора, или лучше сказать, его декораціями; но что я чувствую себя въ состояніи быть полезнѣе въ обществѣ“. Послѣ сего предложилъ мнѣ сей государь въ вѣчное мое владѣніе 800 душъ крестьянъ, и отъ тѣхъ я отказалась, сказавъ, что я обращаться съ крѣпостными людьми не умѣю, сельской экономіи не понимаю и что вообще невольниковъ не желаю у себя имѣть. Послѣ сего втораго отвѣта, не сказавъ мнѣ болѣе ничего, прислалъ мнѣ сей монархъ 25,000 рублей и просилъ меня ихъ принять, яко отъ должника родителя моего, у котораго занималъ великимъ княземъ не малозначительныя суммы и не платя никогда процентовъ. Теперь, сдѣ-

лавшись государемъ, онъ чувствуетъ себя обязаннымъ отдать процентныя деньги дочери сего почтеннаго мужа. Какая деликатность въ сей монаршей милости! Это точная правда, что покойный родитель мой неоднократно ссудилъ деньгами сего государя, когда онъ былъ еще великимъ княземъ, и когда всѣмъ запрещено было не дѣлать ему довѣрія даже въ пятидесяти рубляхъ.

„Кратковременное царствованіе сего монарха, сего отца народа своего, одушевленнаго искреннѣйшею любовью къ вѣрнопопданнѣмъ своимъ, какое чувство пронизало все бытіе его и какія рождало благія намѣренія!.. Къ несчастію, онъ ихъ выполнить не могъ, и тѣ, которые ищутъ уязвить дѣянія сего монарха и вмѣстѣ помрачить отравою клеветы благія его намѣренія, унодобляются сатанѣ, старающейся чѣмъ-нибудь занятнать непорочность ангела. Онъ, конечно, яко человѣкъ, имѣлъ свои слабости и погрѣшности, но и солнце не безъ пятнъ.

„Въ царствованіе сего государя и истинно унодоблялась невидимкѣ, то-есть, я всѣ свои дѣянія и поступки такъ располагала, что все мнѣ можно было знать, замѣчать, даже и предвидѣть, не бывъ сама ни въ чемъ замѣчена, или подозрѣваема, но оставлена совершенно безъ дальняго вниманія; тѣмъ наппаче, что должность моя при императрицѣ оставалась неизвѣстною, и что только объ ней одинъ Безбородко зналъ, отъ коего я и въ началѣ царствованія Павла Перваго много полу-

чила свѣдѣній касательно политическихъ оборотовъ и ненадежныхъ средствъ, предпринятыхъ симъ государемъ для благополучнаго его царствованія.

„1806 года, блаженной памяти государь императоръ Александръ Павловичъ, однажды, увидя меня проѣзжающей верхомъ мимо Каменнаго острова и того дворца, въ которомъ онъ имѣлъ свое пребываніе, спросилъ бывшаго тогда при немъ графа Толстаго, оберъ-гофмаршала своего: не знаетъ-ли онъ, кто эта дама и гдѣ она живетъ? •

— „Не знаю,—отвѣчалъ сей,—но вижу ее часто въ саду графа Строганова.

— „Такъ, пожалуйста, графъ, — сказалъ государь,—узнай о ней и гдѣ она живетъ.

„На другой же день поутру, увидѣла я Толстаго, проѣзжающаго верхомъ мимо того дома, въ которомъ я жила на дачѣ графа Головина, купленной государемъ Александромъ, которая находится по ту сторону Черной рѣчки, за Строгановскимъ садомъ. Толстой поклонился мнѣ съ великимъ уваженіемъ, чему я не мало удивилась, ибо, встрѣчаясь до сего со мною, глядѣлъ онъ мнѣ только въ глаза. На другой день проѣзжалъ онъ опять мимо моей квартиры, но уже съ государемъ, который мнѣ наиблагосклоннѣйше поклонился. Сіе заставило меня обратить на сію странность вниманіе свое. Что бы это значило? думала я. Знаю, что нашъ полъ заслуживаетъ особенное монаршеское благоволеніе, но мнѣ уже 34 года, и слѣдовательно здѣсь

что-нибудь да другое кроется. И такъ рѣшилась я выждать конца сей странности. Недѣля проходить, и ежедневно въ одиннадцать часовъ, предъ обѣдомъ, государь, тогда уже одинъ, проѣзжалъ мимо, и все то же и одно привѣтствіе съ его стороны, такъ что всѣ сосѣди начали удивляться частой ѣздѣ государя по той дачѣ, гдѣ предъ симъ его не видали, и тому, что онъ только съ лорнеткой своей устремлялъ взоры свои на мои окошки. Начали уже и поговаривать и, видя меня, хотя и прежде довольно знали и видали, но уже тогда всѣ глядѣли на меня съ нѣкоторымъ видомъ удивленія и стремились къ окнамъ своимъ, когда я мимо шла или ѣхала: точно такъ, какъ (впослѣдствіи?) глупая калужская публика (?) удивлялась моему костюму. Однако жъ удивленіе сосѣдей моихъ было для меня крайне оскорбительнымъ, ибо я отнюдь не искала того, чего многіе изъ моего пола съ толкимъ стремленіемъ искали, и тогда рѣшилась спустить сторы и не поднимать ихъ до проѣзда государя. Это я соблюла цѣлую недѣлю, и императоръ пересталъ ѣздить мимо моихъ оконъ, а когда случилось ему ѣхать мимо, то не глядѣлъ на нихъ, а обратилъ уже вниманіе свое на пѣмку, купчиху Бахарахтову, которая жила, не доѣзжая моей квартиры, и лучше успѣлъ. Однажды въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда я сидѣла на лавкѣ въ саду Строганова и занималась чтеніемъ Монтеस्कье (книга, содержащая разсужденія о нравахъ и законахъ, словомъ—

книга государственная), то графъ Толстой, котораго я не подозрѣвала быть столь близко меня, стоялъ уже нѣсколько минутъ за мною. Увидавъ его, я встала съ своего мѣста и удалилась отъ него, показавъ ему видъ недовольный. Въ теченіе того же мѣсяца случилась мнѣ необходимая надобность по дѣлу моему прибѣгнуть къ правосудію монарха, почему я писала къ нему и между прочимъ открыла и ему, сколь много была я облагодѣтельствована августѣйшею бабкою его и чѣмъ я при ней втайнѣ занималась. И такъ объяснившись ему во всемъ томъ, въ чемъ только можно было, не успѣла я также тронуть нѣкоторыя предварительныя струны, касающіяся до благоразумнаго правленія и тѣхъ осторожностей, которыхъ оно требуетъ. Звукъ струнъ сихъ понравился тогда сему монарху, что я по тому заключаю, что уже на третій день, по тогдашнему моему прошенію, пожаловалъ ко мнѣ отъ имени государя графъ Толстой съ слѣдующимъ отвѣтомъ: что государь соизволилъ разсмотрѣть мое прошеніе, по которому я непременно удовлетворена буду, но, между тѣмъ, усмотря изъ онаго и великую мою способность быть ему столь же полезной, какъ я была въ Бозѣ почивающей любезнѣйшей бабкѣ его, то предлагаетъ мнѣ ту же самую должность и на томъ же самомъ положеніи, что, впрочемъ, будетъ умѣть достойно изъяснять мнѣ свою монаршую признательность. И дала на сіе слѣдующій отвѣтъ:

— „Служить внуку столь великой монархини, какова была императрица Екатерина Вторая, и монарху, которой самъ по себѣ можетъ служить образцомъ прочимъ европейскимъ государямъ, считаю для себя не только величайшею честью, но и священнѣйшей обязанностью, но, между тѣмъ, графъ, къ великому моему сожалѣнію, должна я отъ сего счастья отказаться. Десять лѣтъ сряду ничѣмъ не занимаясь, какъ одними своими частными дѣлами, и отставъ совершенно отъ политическихъ занятій, то смѣю ли я теперь приняться за нихъ, когда мнѣ должно будетъ долго ходить во мракъ лабиринта ихъ, ибо не найду болѣе того покровителя, котораго я имѣла въ покойномъ князѣ Безбородко и коего совѣтами была я руководима. Тогда же была я еще молода, не знала никакой опасности и не встрѣчала никакихъ пороговъ, о кои могла бы я разбиться, ибо твердо надѣялась и на великую милость и снисходительность императрицы Екатерины Второй. Но теперь, графъ, мнѣ 34 года отъ рожденія моего...

— „Невозможно,—вскричалъ Толстой, какъ сумасшедшій, вскочилъ даже со своего мѣста, пристально глядѣлъ на меня и потомъ сказалъ:—развѣ 22, а много 23 года; вы изволите меня дурачить; кто повѣритъ, чтобы 34-хъ-лѣтняя дѣвица могла быть столь свѣжа, нѣжна и такъ хороша?!

— „Благодарю васъ, графъ, за сіе притворное изступленіе, но позвольте васъ спросить: учились ли вы ариметикѣ хотя до вычитанія—10 изъ 25.

остается, кажется, 15; такъ кто тому повѣрить, чтобъ премудрая Екатерина могла когда-нибудь возложить такую должность, какую я несла, на 15-ти-лѣтнюю дѣвицу? но позвольте кончить нужнѣйшее и вамъ дать запримѣтить, что женщина 34-хъ лѣтъ имѣетъ уже довольно степенности въ характерѣ, чтобы о всемъ судить въ настоящемъ видѣ и, слѣдственно, предвидѣть всѣ могущія для нея встрѣтиться разныя неудобства и опасности. Къ тому же я должна и въ томъ признаться, что, проживъ десять лѣтъ на свѣтѣ только простой зрительницей и занимаясь разными отвлеченными науками, то отъ неумѣреннаго напряженія умственныхъ способностей иступились онѣ у меня такъ, что отъ сего умъ мой нынѣ находится какъ бы въ нѣкоторомъ онѣмѣннѣ: почему и ни къ чему болѣе себя способной не чувствую, какъ продолжать дни жизни моей въ покоѣ“.

Толстой не взялъ на себя пересказать этотъ отвѣтъ государю и попросилъ собственноручнаго письма, которымъ императоръ оскорбился, какъ „отговорками, кои показываютъ явственно мое нежеланіе быть ему полезною, для того только, какъ онъ могъ понять изъ моихъ словъ, что я опасаюсь вручить ему судьбу мою. Однако же онъ проситъ меня не обижать его такою недовѣрчивостью, а лучше прежде испытать его справедливость. Онъ тогда надѣется, что я останусь ею довольною и удостовѣрюсь, что я въ своемъ мнѣніи о немъ крайне ошибалась“.

— „Да будетъ воля его святая,—отвѣчала я графу,—я ей безмолвно повинуюсь.

— „Итакъ, вы согласны?

— „Видя на то желаніе монарха моего, не могу иначе принять онаго, какъ за повелѣніе, противъ котораго смѣть упорствовать было бы очень неблагоразумно съ моей стороны, но позвольте васъ спросить, кому будетъ поручено получать отъ меня для государя надлежащія бумаги?

— „Мнѣ, мнѣ, божество мое!

„Тутъ осталась я безмолвною и, глядя съ удивленіемъ на сего дурака, думала про себя: признаться, что сей выборъ не обѣщаетъ мнѣ ничего добраго.

— „Чему вы удивляетесь и безмолвствуете?—сказать сей Донъ-Кихоть (?).

— „Что въ вашихъ лѣтахъ, графъ, и бывъ семейнымъ человѣкомъ, вы употребляете столь неприличныя выраженія

— „Да развѣ вы ими обидѣлись?

— „Признаюсь, что мало читала романовъ, почему для меня романическій тонъ крайне не нравится.

„Тогда сей старый волокита, нахмуривъ брови, всталъ и простился со мною очень сухо.

„Не видя у себя цѣлый мѣсяць сего графа, думала я, что все кончилось, и сему внутренно радовалась, ибо крайне не хотѣлось мнѣ заниматься государственными дѣлами. Дѣло мое у госу-

даря молчало, и я думала, что, вѣрно, я уже и забыта, такъ -какъ мнѣ теперь о себѣ напомнить государю? Въ сентябрѣ мѣсяцѣ оставила я дачу, а въ ноябрѣ рѣшилась я написать графу, чтобы по крайней мѣрѣ отъ него узнать, чего мнѣ надѣяться по дѣлу своему. Графъ далъ въ отвѣтъ, что онъ боленъ и не можетъ ни быть у меня, ни письменно мнѣ отвѣчать, а ежели мнѣ угодно пожаловать на завтра къ нему въ 12 часовъ предъ обѣдомъ, то можетъ меня принять. Долго колебалась я, ѣхать ли мнѣ къ сей сатирѣ, или нѣтъ, и сколько мнѣ сіе и непріятно было, но необходимость есть жестокой и всемогущій властелинъ! Итакъ, рѣшилась къ нему ѣхать. При входѣ моемъ къ нему, и только что успѣла я сѣсть, первый его вопросъ былъ:

— „Что вы по сіе время дѣлали, что еще не доставили ко мнѣ ни единой бумаги, занимались только своимъ дѣломъ? или думаете шутить съ государемъ?“

„Признаюсь, что, хотя мнѣ тогда и 34 года было, но не обыхши къ такому привѣтствію. кровь у меня взволновалась, и я, принявъ на себя важный видъ, съ гордостью ему отвѣчала:

— „А вы, милостивый государь, вы гдѣ были и что дѣлали? Играли шута или волокитствовали? Развѣ вамъ государемъ не приказано являться ко мнѣ еженедѣльно и изъ собственныхъ моихъ рукъ получать всѣ бумаги? Жалѣю очень, что сдѣлала

честь моимъ посѣщеніемъ такому человѣку, который умѣетъ только обращаться съ придворною прислугой. Прощайте, господинъ Кострюлькинъ! Я васъ болѣе знать не хочу.

„Оставя сего пустого человѣка въ изумленіи, возвратилась я домой и написала письмо къ государю слѣдующаго содержанія: „Всеподданнѣйше приношу вашему императорскому величеству мою нижайшую благодарность за оказанную мнѣ честь и довѣріе, поручая мнѣ столь значительную должность, отъ которой я рѣшительно отказываюсь, если вашему императорскому величеству не заблагоразсудится поручить другой особѣ, кромѣ вашего оберъ-гофмаршала, получать изъ рукъ моихъ извѣстныя вашему императорскому величеству бумаги, который, какъ я сегодня удостовѣрилась въ прежнемъ моемъ о немъ мнѣніи, что его понятіе не можетъ далѣе простираться его оберъ-гофмаршальской должности двора вашего императорскаго величества“. И тутъ рассказала я все, что между нами произошло съ перваго же свиданія со мною по сей день. Государь съ великимъ негодованіемъ показалъ мое письмо Толстому и сказалъ ему „Что вы дѣлаете, графъ? Развѣ вы не понимаете, кого вы передъ собою имѣете? да кто такъ обращается съ благовоспитанной дамой?“

„Спустя послѣ сего нѣсколько времени, явился ко мнѣ Александръ Николаевичъ Голицынъ, служавшій тогда по духовной части прокуроромъ въ свя-

тѣмъ же синодѣ. Сей князь сказалъ мнѣ, что его императорское величество, вслѣдствіе содержанія письма моего, соблаговолилъ назначить его вмѣсто графа Толстаго и повелѣлъ спросить меня, когда и сколько разъ въ недѣлю являться ему, князю Голицыну, ко мнѣ.

— „Два раза,—отвѣчала я ему,—въ среду и въ субботу прошу васъ навѣщать меня.

„Государь повелѣлъ сему князю 1807 года, когда поѣхалъ за границу, всѣ имъ отъ меня полученные конверты отпирать къ его императорскому величеству съ особеннымъ эстафетомъ. Слѣдственно, кто изъ сего не заключитъ, что государь находилъ труды мои полезными? И самъ князь въ разговорѣ со мною сказалъ мнѣ, что государь крайне жалѣетъ, что я не родилась мужчиною, а читая однажды одну изъ моихъ бумагъ князю, съ восхищеніемъ сказалъ, что ничего не можетъ лучше доказать непремѣнную пользу государству.

„Когда въ 1807 году, еще до отъѣзда государя, въ мартѣ мѣсяцѣ кончила жизнь родительница моя, то государь, узнавъ о семъ, прислалъ ко мнѣ нарочно князя Голицына съ изъясненіемъ царскаго его соболѣзнованія о семъ печальномъ событіи“...

На этомъ сообщеніи обрывается фактическая часть рукописи, цѣлкомъ изложенная по-русски. Затѣмъ слѣдуетъ заключеніе, наполненное фаталистическими жалобами на судьбу и „несчастную

звѣзду“, и русскіе стихи, довольно нескладные, безъ размѣра, не представляющіе по содержанію своему ничего замѣчательнаго.

По-французски авторъ пишетъ гораздо лучше: красивымъ слогомъ и точнѣе выражаясь. Въ русской части постоянно чувствуется, что мемуаристка думаетъ по-французски и, переводя свои мысли, путается отчасти въ галлицизмахъ, отчасти въ тяжелой реторикѣ до-карамзинскаго книжнаго языка, чѣмъ и затемняетъ смыслъ рѣчи.

Французская часть рукописи, отрывокъ изъ которой приведенъ выше въ переводѣ, содержитъ въ себѣ автохарактеристику, написанную очень страстно, и краткое описаніе, какъ росла и воспитывалась „таинственная корреспондентка“. Пяти лѣтъ она уже умѣла читать настолько хорошо, что ея чтеніе вслухъ доставляло удовольствіе семьѣ. Семилѣтъ она читаетъ Плутарха, увлекается образами Агезилая, Брута, Аристиды.

„Царскихъ дѣтей не холятъ съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ холили меня. Меня боготворили всѣ окружающіе, но, что всего рѣже, хотя я и была любимицей въ семьѣ, однако, меня не баловали. Впрочемъ, могла ли я сдѣлаться злою, если предъ моими глазами не было другихъ примѣровъ, кромѣ примѣровъ кротости, если кругомъ меня все были лучшіе и честнѣйшіе люди.

„Когда я вступила въ жизнь, главными чертами моими были: гордое сердце и непреклонный харак-

теръ; но опытъ, годы и невзгоды смягчили мою римскую строптивость и сдѣлали меня разумнымъ человѣкомъ. Мое воспитаніе было скромно и цѣломудренно. Меня окружали лица не только примѣрной мудрости, но и такой сдержанности, какой давно не знаютъ болѣе женщины всѣхъ сословій. Мужчины въ то время никогда не говорили при женщинахъ ничего такого, отчего бы цѣломудренная дѣвушка могла покраснѣть; всякій въ ту пору остерегался нарушить уваженіе къ дѣтскому возрасту“.

Жилось автору нехорошо; повидимому, ея не любили; враговъ она имѣла множество; а вышеприведенные эпизоды съ Толстымъ и Бярятинскимъ указываютъ и причину этого—сварливый характеръ, способный на вспышки изъ-за пустяковъ. Несогласная съ женскою природою должность, которую таинственная корреспондентка несла при дворѣ Екатерины II и Александра I, все-таки смущала ее втайнѣ и вызывала къ самооправданію. Кажется, именно такой смыслъ надо придать строкамъ слѣдующей страстной тирады, написанной въ подраженіе и въ почти тождественное повтореніе аналогичной тирады въ „Confessions“ Ж. Ж. Руссо.

„Я женщина вполне, какую создала ее природа. Хорошо или дурно поступила природа, разбивъ форму, въ которую я вылита, предоставляю судить объ этомъ другимъ; что касается меня лично, я знаю свое сердце, знаю свѣтъ и, если я не

лучше тѣхъ, кто живетъ на свѣтѣ, то, по крайней мѣрѣ, я не такая, какъ они.

„Греми, труба послѣдняго суда, когда тебѣ угодно! Я предстану предъ Вышнимъ Судьей съ моею рукописью въ рукахъ. Я громко скажу Ему: „Вотъ мои дѣла, вотъ мои мысли, вотъ чѣмъ я была. Я рассказала одинаково откровенно и дурное, и хорошее. Я не скрыла ничего дурнаго, не прибавила ничего въ свою пользу. Я всегда казалась такою, какъ была. Я открыла себя такою, какъ Ты, Духъ Вѣчный, Самъ меня видѣлъ. Сбери вокругъ меня несчетную толпу мнѣ подобныхъ, пусть каждый изъ нихъ откроетъ свое сердце у подножія Твоего Престола съ тою же искренностью, и пусть хоть одинъ Тебѣ скажетъ, если онъ посмѣетъ: я была лучше этой женщины“ *).

Послѣ этой эффектной тирады унылымъ диссо-

*) Je suis une femme dans toute la vérité de la nature. Si la nature a bien ou mal fait de briser le moule dans lequel elle m'a jeté, c'est ce dont je laisse à juger aux autres; pour moi je sens mon coeur, je connais le monde et si je ne vaud pas mieux que ceux qui l'habitent au moins je suis autre. Que la trompette du jugement dernier sonne quand elle voudra; je viendrai avec mon manuscrit à la main me présenter devant le Souverain Juge. Je dirai hautement: voilà ce que j'ai fait, ce que j'ai pensé, ce que je fus. J'ai dit le bien et le mal avec la même franchise. Je n'ai rien tu de mauvais, rien ajouté de bon. Je me suis toujours montrée telle que je fus. J'ai dévoilé mon intérieur tel que tu l'as vu Toi-même, Etre Eternel. Rassemble autour de moi l'innombrable foule de mes semblables; que chacun d'eux découvre à son tour son coeur au pied de Ton trône avec la même sincérité et puis qu'un seul Te dise, s'il l'ose: „je fus meilleur que cette femme là“.

нансомъ звучать строки, въ которыхъ корреспондентка излагаетъ свой скромный идеаль дѣйствительности:

„Теперь я уже не мечтаю о другомъ счастьѣ, кромѣ какъ былъ бы у меня опредѣленный доходъ, котораго хватало бы на жизнь!

„Я такъ люблю свободу и ненавижу стѣсненія, неудовольствія и необходимость отказывать себѣ въ нужномъ!“

Оглавление.

СТРАН.

Отъ автора.

Степанъ Стамбуловъ	1
Софійское житье-бытье	91
О Черняевъ	176
Памяти Полонскаго	196
Памятникъ Царю-Освободителю	208
Захарьинъ	221
Московскій городской голова Алексѣевъ.	232
Таинственная корреспондентка	277

Портреты:

1. С. Н. Стамбуловъ.—2. Князь Фердинандъ Болгарскій.—3. Княжичъ Борисъ Тырновскій. — М. Г. Черняевъ. — 5. М. Д. Скобелевъ. — 6. Императоръ Александръ II Николаевичъ.
